

ХРОНИКИ ЖИЗНИ
«ОТВЕРЖЕННЫХ»
ПОКОЛЕНИЙ

яблоки для внуков

*Автор книги выражает благодарность
руководителю общественного фонда
«Возрождение Тобольска» А.Г. Елфимову
за помощь в издании этой книги*

И.П. Каменецкий

яблоки для внуков

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

ББК 84(2=411.2)6-
УДК 821.161.1-94
К 18

*Светлой памяти моих близких
родственников и друзей земляков
сужеников и защитников
своего Отечества посвящается*

Каменецкий И.П., Яблоки для внуков / И.П. Каменецкий; Тюмен.
регион. обществ. благотворит. фонд «Возрождение Тобольска»;
оформл. И.Е. Лукьянова. – Тобольск: ТРОБФ «Возрождение
Тобольска», 2021. – 304 с.; 156 ил.

ISBN 978-5-98178-130-8

© Каменецкий И.П., текст, 2021

© Лукьянов И.Е., оформление издания, 2021

© Тюменский общественный благотворительный фонд
«ВОЗРОЖДЕНИЕ ТОБОЛЬСКА», 2021

Жизнь и судьба моего деда Егора Петровича и отца Павла Егоровича Каменецких, как и многих представителей довоенного и военного поколений, была непростой и во многом драматичной. В их жизненном пути, как в зеркальном отражении, тесно переплелись все достижения и противоречия советской эпохи, вызывающей сегодня неоднозначные, порой диаметрально противоположные оценки и суждения. При всём различии современных взглядов на наше историческое прошлое, их биографии отражают судьбы миллионов советских людей, являвшихся активными участниками и действующими лицами всех событий своего бурного XX века.

Основанные на личном восприятии, воспоминаниях родственников, мемуарах отца и сохранившихся архивных данных, представленные хроники жизни «отверженных» поколений показывают силу духа, мужество и человечность близких мне людей – подлинных устроителей новой жизни.

Переселение в Сибирь

Мой дед по отцовской линии Егор Петрович Каменецкий оказался в Сибири двухлетним ребёнком. Его родителей, как и многих крестьян Орловской губернии, сорвало с насиженного места малоземелье и сильная засуха 1896 года, вызвавшая голод во всей центральной России. Получив от казны проходное свидетельство (разрешение на выезд) и небольшое пособие, мой прадед вместе с десятком семей своих земляков отправился в Сибирь в поисках лучшей доли. В отличие от их предшественников, вынужденным переселенцам не пришлось преодолевать огромное расстояние сухопутным трактом. Летом 1897 года за пять неполных суток они благополучно добрались до Омска по только что построенной железной дороге.

Переселенческое управление выделило им для обустройства скромный участок земли, окружённый болотами и озером Мангут, в 100 верстах от уездного

города Тюкалинска. Своё небольшое земледельческое поселение Александровское новосёлы называли ласково Аленьково, по имени авторитетной жены местного сельского старосты.

Расположенный в заболоченной низменности маленький надел не приносил больших доходов, и поначалу переселенцы с трудом сводили концы с концами. Их положение немного улучшилось, когда рядом с посёлком началось строительство железной дороги Тюмень – Омск. Вместе с другими крестьянами придорожных деревень они приняли активное участие в её возведении: вырубали просеку, возили на телегах глину для отсыпки полотна, укладывали шпалы и рельсы, сооружали разные железнодорожные объекты. Управление строительства Сибирской дороги неплохо оплачивало тяжёлую работу, что и позволило переселенцам поправить своё незавидное благосостояние.

После сдачи дороги в эксплуатацию предприимчивые орловцы получили новый источник дохода. Они стали варить пиво из собственного ячменя, бить сливочное масло и продавать его на построенном рядом железнодорожном разъезде и близлежащих станциях Мангут и Называевская. Другие продукты своего хозяйства поставляли на Никольскую ярмарку в г. Ишиме, Абацкую слободу и в Тюкалинск, где также приобретали необходимые им товары.

Маслоделие, торговля маслом и пивом были самыми развитыми отраслями в дореволюционной Сибири. Но жители Аленьково, ограниченные в своей хозяйственной деятельности скромностью земельного надела, к тому же отчужденного в его значительной части железнодорожным ведомством, и отсутствием большого дойного стада, довольствовались относительно стабильными, но незначительными заработками.

Тяжёлым испытанием для жителей посёлка, как и для всей обширной Тобольской губернии, стала ма-

лоснежная зима и засушливое лето 1911 года. Все всходы зерновых культур и сенокосные участки выгорели, окрестные болота и озёрки, снабжавшие местное население рыбой и дикими утками, высохли. Сухая низкорослая осока и камыш не годились для кормления животных, скот пришлось продать за бесценок, и поселенцы лишились привычных источников существования.

Голод побудил моего прадеда Петра Каменецкого вновь сорвать семью с насиженного места и перебраться в более зажиточную, богатую сельскохозяйственными угодьями старожильческую деревню Караульное, входившую в состав Камышенской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии. Своё название она получила от возникшего ещё в середине XVIII века казачьего сторожевого поста, расположенного на Ишимской укрепленной линии.

Населённое преимущественно старообрядцами и потомками казаков, Караульное располагалась по другую сторону озера Мангут, в двенадцати верстах от одноимённой станции. Получив от местных властей разрешение на переселение, он вместе с другими жителями Аленьково начал заново обустраиваться уже на более обжитом и благоприятном месте.

На краю деревни, на берегу небольшого пруда моим прадедом был поставлен небольшой пятистенный дом из местного берёзового леса, сохранившийся до наших дней, и необходимые хозяйственные постройки. Немалую помощь в устройстве на новом месте ему оказывали подрастающие сыновья: Егор и Николай. Ввиду семейной нужды они вынуждены были на первых порах наниматься батраками к богатым крестьянам и выполнять различные подённые работы. Благодаря своему трудолюбию, упорству и, последовавшим урожайным годам, в начале войны с Германией семья обрела хозяйственную самостоятельность и необходимый средний достаток. С помощью живущего

в деревне политического ссыльного оба сына успешно овладели грамотой, что также позволило им повысить свой деревенский статус.

Особыми успехами в учёбе отличался старший Николай, который, как самый грамотный на селе, мог даже разьяснять Библию и Священное Писание. Обладающий хорошей памятью, природными способностями, живой любознательностью и впечатлительностью, он подавал родителям большие надежды и ожидания. Но этим надеждам не суждено было сбыться. Накануне войны с германцами с ним произошло большое несчастье, которое позднее завершилось настоящей трагедией. В жаркий июльский день он пас скот сельского общества и, разморённый летним зноем, уснул под деревом с книгой в руках. Оставленное без присмотра стадо забрело на поле с овсом местного кулака. На беду, он как раз в это время проверял свои посевы. Увидев поправу и спящего пастуха, хозяин пришёл в ярость и жестоко отстегал кнутом сонного парня. От сильного испуга и нещадных побоев Николай тронулся умом. Ни старания местных знахарей, лечивших парня «от испуга», ни длительное пребывание в уездной больнице Тюкалинска не смогли вернуть Николаю рассудок.

Освобождённый, как умалишённый, от призыва в армию и других повинностей, Николай тем не менее оставался полезным и односельчанам, и родным. Он писал различные прошения властям, письма на фронт, добросовестно выполнял все домашние работы. Но временами, разволновавшись или обидевшись на что-нибудь, даже незначительное, он впадал в безумную неконтролируемую ярость. И тогда его приходилось с большим трудом садить на цепь, привязанную к прочному столбу.

Глава семьи, отображенный на этом снимке единственный из караулинцев был удостоен «Георгиев» всех степеней и от полученных ранений умер в 1924 г.

*Участник русско-японской
и Первой мировой войны,
полный Георгиевский кавалер
Рахитин Николай Павлович
с женой и сыном. 1907 г.*

Солдаты русской армии, 1914 г.

*Между красными и белыми.
Взростынский мост*

Развернувшаяся в Сибири Гражданская война сыграла роковую роль в судьбе Николая и многих его односельчан. Летом 1919 года армия Колчака потерпела поражение от красных и отступила за Урал. Чтобы восполнить понесённые потери, Верховный правитель объявил новую принудительную мобилизацию сибирских крестьян. Несмотря на слёзные просьбы родителей, Николая вместе с братом и другими деревенскими мужиками мобилизовали в Белую армию и отправили в Омск на краткосрочные курсы для обучения военному делу. Здесь с ним произошли новые драматические события. Во время обучения военному делу за плохо выполненный оружейный приём колчаковский офицер ударил его. Уже настрадавшийся от людской жестокости, не терпящий никакого насилия по отношению к себе, Николай не сдержался и выстрелом в упор убил обидчика, за что был приговорён к расстрелу перед строем своих однополчан.

Но привести приговор в исполнение не удалось. Набранный из его земляков и других крестьян Тюкалинского уезда полк взбунтовался и потребовал освободить Николая как умалишённого. Не желая обострять и без того тяжёлую ситуацию, сложившуюся на фронте, командование полка подвергло Николая медицинскому освидетельствованию, которое подтвердило его тяжёлое психическое заболевание, в результате чего он был освобождён из-под стражи, комиссован и отпущен домой. Спасители-однополчане, снабдив его письмами к родным, проводили до правого берега Иртыша. Однако жестокий рок вновь настиг несчастного Николая. При переходе через замёрзшую реку он попал в полынью и на глазах провожающих внезапно утонул в ледяной воде. Так печально и трагически завершилась судьба брата моего деда Егора Петровича.

Сам дед Егор тоже прожил короткую, с трагическим разломом и исходом жизнь. В начале 1916 года он был призван в действующую армию и почти два года воевал на Юго-Западном фронте. В марте 1918 г. после демобилизации из разложившейся царской армии он вернулся домой к привычному нелёгкому труду земледельца. Но уже летом следующего года вместе с братом был вновь насильно мобилизован в колчаковскую армию в интендантскую команду, в которой находился непродолжительное время.

После роковой гибели брата дед твёрдо решил дезертировать из Белой армии и перейти на сторону красных. И такой случай ему вскоре представился. Суровой зимой 1919/20 года, в сорокоградусные морозы он участвовал в так называемом Ледовом походе – тяжелейшем трагическом отступлении армии Колчака на восток. Вместе с несколькими земляками ему удалось отстать от интендантского обоза и сдаться стремительно наступавшим частям Красной Армии на Восточном фронте. После проверки на непричастность к каратель-

ным действиям против красных дед был зачислен в состав кавалерийского полка 5-й армии М.Н. Тухачевского. С ним он дошёл до Иркутска, где после разгрома основных сил Колчака и расстрела Верховного правителя продолжил нести службу рядовым красноармейцем. Демобилизовавшись из армии только осенью 1922 года, он вернулся домой к долгожданному мирному труду.

За время его отсутствия в Караульном произошли тяжёлые события, вызванные общим ходом и размахом неимоверно жестокой братоубийственной войны. Некогда благополучное зажиточное поселение, основанное ещё в начале XIX века трудолюбивой старообрядческой общиной, оказалось расколото и разорено длительным вооружённым противоборством различных сил и сторон.

В начале ноября 1919 года в Караульное вступил заметно поредевший полк 15-й Омской Сибирской стрелковой дивизии армии Колчака, и там разместился её штаб. Но белые ненадолго задержались в деревне. Молодой командир красного эскадрона, будущий прославленный маршал К. Рокоссовский, узнав от разведки о незначительных силах противника, расположившихся на отдыхе, решил воспользоваться благоприятным моментом. Его отряд совершил дерзкий рейд и, воспользовавшись внезапностью нападения и усталостью измотанных в боях колчаковцев, разгромил группировку врага.

7 ноября в яростной схватке с заместителем начальника стрелковой дивизии полковником Н.С. Вознесенским красный командир получил своё первое ранение, но всё же сумел поразить его шашкой. Местные жители, укрывшиеся во время короткого, но жестокого боя в подполья и амбары, ещё долго находили в селе и пустые гильзы, и брошенное оружие. Спустя полвека маршал Рокоссовский опишет этот бой в своей книге «Солдатский долг», а дотошные историки-краеведы

внесут дополнения в это сражение. В память о нём близлежащий совхоз позднее будет назван именем выдающегося полководца.

С разгромом основных сил Колчака Гражданская война в Сибири не закончилась. Военные действия, постоянные реквизиции лошадей и продовольствия, насильственная мобилизация в армию трудоспособных мужчин белыми и красными и сильная засуха, вызвавшая неурожай зерновых и кормовых культур по всей Сибири в 1920 году, привели к новому социальному взрыву в деревне. Доведённые до критического состояния действиями продотрядов, изымавшими даже неприкосновенный семенной фонд, произволом большевистской власти, обрекавшей крестьян на голодное и бесправное существование, многие селяне примкнули к повстанцам Ишимского округа, ставшего эпицентром крупного крестьянского восстания, охватившего в феврале 1921 года всю Западную Сибирь.

Действительно отчаянное положение крестьян, толкнувшее их на открытое вооружённое выступление, вынуждена была признать даже победившая большевистская власть. В протоколе заседания Тюкалинского уездного исполкома Советов от 14 февраля 1921 года сообщалось: «Ежедневно с мест поступает масса заявлений, подтверждающихся продотрядчиками, из которых усматривается, что положение в Тюкалинском уезде в продовольственном отношении катастрофическое. Целые волости, не говоря уже о многих отдельных деревнях, исчерпали все запасы продовольствия и в настоящее время влачат полуголодное существование, а частью уже питаются суррогатами и требуют экстренной помощи».

Восстание в Ишимском округе, в отличие от разрозненных локальных крестьянских выступлений в Кулунде и Колыванском уезде, произошедших в 1920 году, имело массовый общесибирский характер –

мятежников-повстанцев поддерживали и зажиточные крестьяне, и середняки, и бедняки, оказавшиеся на грани голодной смерти.

Жители деревни Караульное не были активными участниками восстания: они не состояли в рядах вооружённых отрядов и не осуществляли физическую расправу над местными коммунистами, активистами и уездными продотрядовцами. Но они также сочувствовали повстанцам и оказывали им необходимую поддержку и помощь. Чтобы не допустить переброску карательных отрядов для подавления восставших, караулинцы вместе с крестьянами из соседних деревень Котино и Грязное разбирали рельсы железной дороги Тюмень – Омск, портили телеграфные столбы, поддерживали связь с повстанцами и укрывали их от красных карательных отрядов.

Во время восстания в близлежащих населённых пунктах произошли убийства ненавистных крестьянам коммунистов и активистов. В селе Рыжково был убит председатель сельского совета коммунист Я.Г. Якобсон, жители деревни Коротково жестоко расправились с двумя латышскими коммунистами Яунзенами и комсомолкой-учительницей, изуродованные тела которых бросили в прорубь. Эти убийства и поддержка повстанцев стали причиной ещё более жестокой и беспощадной расправы большевиков над участниками крестьянского движения.

По ложному доносу в убийстве Якобсона был обвинён житель деревни Караульное кузнец, середняк Солнцев Гурьян Григорьевич, который бесследно исчез из деревни ещё до подавления восстания. Поэтому, в соответствии с приказом Полномочной комиссии ВЦИК № 171 от 11 июня 1921 года, были взяты заложниками и расстреляны без суда и следствия почти все члены его большой семьи, восемь взрослых женатых сыновей: Вавила, Захар, Мартемьян, Калина, Кирьян, Анфим, Па-

вел, Иван. Все они были захоронены на местном кладбище в выкопанной ими самими могиле, которая, в буквальном смысле слова, стала для них братской.

Их семьи с многочисленными детьми, как и другие участники этих событий, были арестованы и высланы под конвоем в северные районы Сибири, в том числе и в Туруханский край. Их имущество, согласно постановлению Омского губисполкома от 4 марта 1921 года, было распределено между беднотой и пострадавшими крестьянами в ходе восстания.

В течение многих лет я безуспешно пытался выяснить подлинные обстоятельства расправы над моими родственниками по отцовской линии, степень их участия в народном восстании и причины убийства коммуниста Яковсона. Но изучение многих документов и результатов исследований истории Западно-Сибирского восстания не сумело пролить свет на свершившуюся трагедию. Неоднократные обращения в закрытые архивы КГБ-ФСБ также не увенчались успехом. В ответ на мои запросы ответственные работники архивных учреждений сообщали, что никакими сведениями о расстрелянных братьев Солнцевых они не располагают.

Не прояснила ситуацию и вышедшая недавно книга латышского и финского журналистов И.М. Эспер и С.С. Сярг, коренных потомков жителей села Рыжково, посвящённая истории села. В ней кратко были освещены события крестьянского мятежа, но нет никаких сведений о роли и деятельности Яковсона накануне и в период восстания, о подлинных мотивах его убийства.

По свидетельствам же местных старожилов, Яковсон был убит во время бытового конфликта его крепко выпившими участниками, а вовсе не по политическим мотивам. О вероятности этой версии говорит и то, что ни в местной советской печати, ни в научных исследованиях истории западносибирского восстания 1990-х – начала 2010-х годов нет никаких упоминаний о

причинах и обстоятельствах гибели Яковсона как жертвы антикоммунистического восстания.

Исходя из всего этого, я сделал предварительный вывод о том, что Солнцевы, наряду с сотнями и тысячами своих соотечественников стали жертвой чудовищного произвола сибирских чекистов, беспощадно расправлявшихся со всеми так или иначе причастными к мятежу. Судьбы же близких родственников расстрелянных братьев Солнцевых и других высланных из Караульного сельчан (кроме одной семьи, речь о которой пойдёт ниже) также остались мне неизвестны. Почти все они бесследно исчезли в многочисленных лагерях и спецпоселениях необъятной Сибири.

Под страхом новой расправы командир карательного отряда запретил местным жителям совершить должный обряд и установить крест на месте поспешного захоронения братьев Солнцевых. Долгое время их братская могила на краю кладбища была заброшенной и безымянной. Мой отец не раз порывался поставить на ней крест, но местные старожилы-старообрядцы каждый раз противились этому, ссылаясь на несовершенство необходимого ритуала при их захоронении. Лишь много лет спустя, после смерти отца и свидетелей жестокой бессмысленной расправы мы с братом установили на могиле наших родственников крест из лиственницы, сделанный по всем канонам старой русской веры с именами всех расстрелянных братьев.

В 1930-е годы некоторые из уцелевших в Караульном родственников восставших будут также необоснованно и незаконно репрессированы и высланы из родных мест с политическими и классовыми формулировками: «за участие в повстанческом движении против советской власти», «за антисоветскую агитацию» и как раскулаченные. Как и другие жертвы Гражданской войны, они так и не будут реабилитированы сменившимся в 1991 году режимом. Лишь по многочислен-

ным просьбам родственников, потомков бывших кулаков, спустя 60 лет оправданы были только отдельные кулаки-спецпереселенцы, судьба многих из них до сих пор остаётся неизвестной.

Среди сосланных по политическим мотивам была жена и четыре малолетние дочери Солнцева Кирьяна Гурьяновича, расстрелянного в 1921 году. Они оказались на спецпоселении в пос. Тырышкино Колыванского района Новосибирской области, ставшем для них постоянным местом жительства. Через 40 лет две из дочерей Кирьяна со взрослыми детьми приедут на свою бывшую родину, где их тепло встретят мои родители. Они посетят безымянную братскую могилу, где покоится их отец вместе со своими братьями, возложат цветы и поделятся воспоминаниями о своей нелёгкой жизни на поселении в 30–40-е годы.

После окончания длительной и кровавой Гражданской войны мой дед Егор, 25-летний красноармеец, вернулся домой, в заметно обезлюдевшую, разорённую и, как и вся страна, сильно голодающую деревню. За время его отсутствия его отец, не выдержав свалившихся на семью испытаний, умер от тифа, а мать, убитая горем с трудом справлялась с домашними делами.

Дед женился на дочери одного из расстрелянных братьев, шестнадцатилетней Василисе Вавиловне Солнцевой. Но их мирная семейная жизнь оказалась короткой. Испытав тяжёлое нервное потрясение от перенесённых ужасов и страданий, молодая жена умерла вскоре после рождения ребёнка, оставив мужу годовалого сына, моего будущего отца...

*Егор Петрович Каменевский. (Дед),
Василиса Вавиловна Солнцева. (Бабушка)*

1923 г.

*«Избравшее отношение
к кулакам...»*

Разрушенный революциями и войнами традиционный сельский уклад требовал создания новых организационных форм, которые не сразу были приняты некогда единым сельским обществом. В сибирской глубинке ими стали сельскохозяйственные артели, товарищества по совместной обработке земли, коммуны и другие коллективные образования, превратившиеся затем, по указанию большевиков, в колхозы и совхозы.

Руководителем первой сельхозартели, организованной в Караульном в 1924 году, стал мой дед Каме-нецкий Егор Петрович, имеющий хозяйство середняка. В созданную им артель вступили на первых порах бедняки и часть середняков. Её члены совместно обрабатывали свои земельные наделы, собирали урожай зерновых культур, заготавливали сено для личного скота. Зерно и мясо шло в зачёт обязательных хлебозаготовок и поставок государству, молоко от личного подворья перерабатывалось на артельном сепараторе, приводи-

мом в движение лошадьми, и сдавалось на маслодельный завод, построенный в первые годы НЭПа в десяти километрах, у деревни Редкое.

В 1930 году артель имени Сталина из-за частых употреблений в названиях фамилии вождя будет преобразована в колхоз «Большевик». Его председателем, как и председателем колхоза «9 Января», возникшего в деревне Редкое образованного Называевского района, стал мой дед, бывший середняк. Он также был избран секретарём первичной партийной Караулинской организации ВКП(б), состоявшей поначалу из пяти коммунистов и трёх комсомольцев. Дед пользовался несомненным авторитетом среди сельчан и искренне верил в строительство новой жизни, основанной на коллективистских началах, общественной собственности и социальной справедливости. Однако многим его надеждам и ожиданиям не суждено было сбыться.

Первые годы колхозной жизни для всех селян, бывших единоличников, оказались очень трудными. Не имея опыта ведения большого коллективного хозяйства, государственной поддержки в виде кредитов, семян, строительных материалов, тракторов, агрономической, ветеринарной помощи председателям первых колхозов приходилось самостоятельно решать многие сложные организационные задачи, используя и надеясь лишь на собственные людские и материальные ресурсы.

Серьёзно осложняли становление советского коллективного производства и неблагоприятные климатические условия. В начале 1930-х годов самая трудная ситуация сложилась в общественном животноводстве. Наспех построенные из местных нестроєвых материалов скотные дворы в колхозах не выдерживали сильные 40-градусные морозы и большие метели. Зимой 1931/32 года, несмотря на самоотверженные усилия работников молочной фермы и наличие кормов, много новорождённых телят погибло от переохлаждения.

Летом 1932 года острый недостаток грубых кормов из-за сильной засухи также привёл к значительному падежу колхозного стада. В следующем году был выращен хороший урожай, но в связи с дождливой осенью и отсутствием сушильного оборудования – зерно оказалось повышенной влажности, засорённым и не отвечало требованиям государственных поставок.

Всё это обернулось для моего деда-председателя крупными неприятностями и едва не подвело его под печально известную статью «Вредительская деятельность». Не приняв во внимание неблагоприятные природные факторы и большие усилия колхозников по улучшению дел в животноводстве и полеводстве, бюро Называевского райкома ВКП(б) объявило ему два строгих выговора с формулировкой «за допущенный падеж молодняка» и невыполнение плана сдачи зерна государству.

Особенно трудным и болезненным для деда, как председателя колхоза, коммуниста и человека стало выполнение решений партийной власти о раскулачивании зажиточных односельчан, не вступивших в колхоз, и выселении их из родных мест.

По данным похозяйственного учёта, проведённого в районе в 1924 году, Караульное насчитывало 103 двора, в которых проживало 567 человек. Численность населения деревни заметно сократилась из-за потерь мужского населения в годы мировой и гражданских войн, а также насильственной депортации семей участников Ишимского восстания. Между тем до революции село было одним из самых крупных и зажиточных в волости, а затем и в образованном Называевском районе.

Основное ядро поселенцев составляли старообрядцы и их потомки, славившиеся своим большим трудолюбием и предпринимательской жилкой. Экономическую основу хозяйства жителей составляло развитое товарное животноводство; земледелие в

условиях преобладания суглинистых и солонцеватых почв имело второстепенное значение. Население деревни составляли главным образом середняки; бедняков было немного. И хотя часть кулаков была насильно выселена из деревни уже после подавления Ишимского восстания, в ней оставалось немало зажиточных крестьян, имевших большое количество скота и лошадей.

По словам старожилов, самым богатым и обеспеченным хозяином в деревне был Братцев Иван Васильевич. Его хозяйство насчитывало свыше 50 дойных коров, 40 лошадей, больше сотни овец, имелся также полный набор сельскохозяйственных орудий и необходимого инвентаря. Для выполнения большого объёма сельскохозяйственных, сенокосных и других работ он постоянно нанимал работников-батраков. Все члены его большой семьи также много трудились, были умелыми, распорядительными хозяевами.

В деревне к И. Братцеву относились скорее уважительно, чем враждебно, потому что сам хозяин активно участвовал во всех сезонных работах и честно расплачивался за работу с батраками. Бедняки не называли его «кулаком-мироедом» – это классовое понятие было принято на вооружение большевиками и во многом оправдывало их действия при проведении в деревне сталинской коллективизации грубыми насильственными методами.

Семья Братцева жила в самом центре села, в большом сосновом доме, крытом прочным кровельным железом. После раскулачивания семьи и выселения её «в места не столь отдалённые» его дом стал избой-читальней, затем сельским клубом, где до строительства нового здания крутили кино, проводились культурные мероприятия и собрания колхозников. Другие бывшие кулацкие дома были отданы под начальную школу, жилые для учителей и многодетных семей бедняков.

В 1964 году при сносе дома И. Братцева строители нашли в кладке сруба тайник с золотыми монетами и бумажными ассигнациями царской России. Будучи вездесущим мальчуганом, я оказался случайным свидетелем этого необычного события. Рабочие, недолго думая, поделили золотые рубли между собой, а медные монеты и ассигнации подарили мне со строгим наказом держать язык за зубами.

Осуществлённый большевиками раскол деревни по классовому принципу, неоправданно жестокие и суровые меры по отношению к зажиточным односельчанам, материальный достаток которых во многом создавался их собственным трудом, и не одного поколения, вызывали у моего деда много мучительных вопросов, ответов на которые он не находил.

В областном партархиве Омска сохранились протоколы заседаний и собраний Караулинской ячейки ВКП(б) и личное дело моего деда Каменецкого Егора Петровича. В партийных документах отчётливо отразились его попытки смягчить насилие над местным крестьянством, облегчить участь раскулаченных земляков, использовать более гуманные методы руководства колхозом. Об этом наглядно свидетельствует протокол общего собрания караулинских коммунистов от 3 ноября 1930 года, в постановлении которого говорится: «Председателю сельхозартели товарищу Каменецкому немедленно прекратить выдачу молочных продуктов кулацким семьям, а также принять меры к выселению кулацких семей из колхозных домов».

На заседании Называевской районной комиссии по чистке рядов ВКП(б) партийной организации колхоза «Большевик» от 29 июня 1934 года в качестве недостатков председателя отмечено, что «товарищ Каменецкий очень слабохарактерный, не требует быстрого и точного выполнения распоряжений», «у него нет большевистской настойчивости», «на ряд заданных политических вопросов ответил, но слабо».

Комиссия также подчеркнула «остроту политического момента» в селе: «В прошлом Караульное имеет целый ряд антисоветских выступлений, большинство населения составляют участники Ишимского восстания, процент ликвидированных и высланных составляет около 15 процентов. До сих пор ещё колхозники в большинстве своём связаны с высланными и раскулаченными, в селе имеется до сих пор 11 единоличных хозяйств».

Не углубляясь в политическую и идеологическую риторику партийных оценок деятельности моего деда Егора Петровича, как руководителя колхоза, отмечу только один показательный факт, говорящий сам за себя. Избрание его в течение десяти лет председателем двух коллективных хозяйств в самый трудный период их становления является, на мой взгляд, ярким свидетельством доверия и уважения к нему сельчан, что было значимее и ценнее любых партийных, чрезмерно идеологизированных оценок его управленческой деятельности.

Неоднократные обвинения моего деда в «либеральном отношении к кулакам» ретивыми местными коммунистами, а также сдача сырого «некондиционного» зерна в Мангутский заготпункт дождливой осенью 1935 года вылились в донос на него в вышестоящие партийные органы.

После короткого предрешённого разбирательства постановлением Называевского РК ВКП(б) от 25 ноября 1935 года с формулировкой «за либеральное отношение к кулакам и антигосударственную практику при сдаче хлеба государству» Каменецкий Егор Петрович был исключён из партии, отстранён от занимаемой должности и осуждён условно на один год.

В его личном деле, сохранившемся в архиве, сохранилось написанное его рукой заявление. В своём бесхитростном малограмотном послании он пытался объяснить причины сдачи на приёмный пункт сырого

зерна, заявляя, что «не преследовал при этом никакой корысти», что колхозы, не имеющие сушильного оборудования, не могли довести зерно до нужной кондиции. Но у районной партийной власти эти объяснения никакой поддержки не нашли. Все его последующие апелляции в Омский обком и даже в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), подкреплённые положительными характеристиками местной партийной ячейки, также не имели успеха.

Исключение из партии стало для деда, свято верившего в справедливость и гуманизм нового строя, тяжёлым, непоправимым ударом. Глубокая морально-психологическая травма, а также необоснованные репрессии, вновь обрушившиеся на односельчан в 1936–1937 годы, усугубили застарелый туберкулёз, что привело к его преждевременной смерти.

Среди репрессированных караулинцев в эти годы был родственник моего деда, участник Русско-японской войны, кавалер двух Георгиевских крестов 72-летний Солнцев Сергей Григорьевич. Он был осуждён тройкой УНКВД по печально известной 58-й статье «за антисоветскую агитацию и пропаганду» и расстрелян 14 ноября 1937 года. Реабилитирован был только в 1992 году. Вместе с ним были осуждены на различные сроки по сфабрикованным политическим и религиозным обвинениям родственники отца и земляки: Солнцев Михаил Иванович, Ерёмин Максим Симонович, другие односельчане.

Невзирая на прогрессирующую болезнь и незаслуженные кары, дед до конца жизни добросовестно выполнял обязанности рядового колхозника, заведовал мельницей, был кладовщиком-фуражиром. Он с большим вниманием следил за происходящими в стране событиями, радовался её успехам и достижениям, искренне верил в победу социалистического строя, в его преимущество перед капитализмом. Основными источниками информации в деревне о положении дел

в стране были для него и других односельчан районная газета «Социалистическое маслоделие» и областная «Омская правда», которые широко повествовали об успехах довоенных пятилеток в СССР и колхозном строительстве в районе и области.

Появление в деревне первых отечественных тракторов, грузовых автомобилей, сложной земледельческой техники, резко повысившей производительность труда, стало для него настоящим праздником, торжеством колхозного строя, активным участником которого он являлся. Учитывая его немалые заслуги в организации коллективных хозяйств, правление колхоза выделило ему деньги для лечения в санатории Кисловодска. Но запоздалое и недолгое лечение уже не могло ничего изменить, и в начале 1940 года его не стало.

Завершая повествование о моём деде Каменецком Егоре Николаевиче, как руководителе и человеке, не могу не сказать о его удивительном бескорыстии, подлинном альтруизме, о реальной заботе о людях и общественном производстве.

По воспоминаниям моего отца, он не только первым передал в созданное им коллективное хозяйство свой домашний скот, сельхозинвентарь, посевной материал и другое имущество, но и помогал всем, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Однажды оборванный странник, каких было немало в период «коренного перелома» в деревне, попросился суровой зимой в дом деда на ночлег. Он получил от хозяина не только приют и пищу, но и его «парадный» полушубок, новые валенки и продукты на дорогу, чем дед немало рассердил свою новую жену Матрёну.

Мой отец вспоминал курьёзный случай, когда наш дед Егор отдал в колхоз даже новые ворота своей усадьбы. Чтобы отвлечь бдительное внимание своей жены, не поощрявшей расточительство «простодырого» мужа, он, сославшись на летнюю жару, попросил

её перенести приготовленный обед из кухни, откуда хорошо был виден весь двор, в горницу. Ничего не подозревая, она так и сделала. Обнаружив после обеда пропажу ворот, отданных председателем на колхозный скотный двор, она сразу всё поняла и обрушилась на мужа с большими горькими упрёками. А тот, не вступая в перепалку и не обостряя ситуацию, лишь улыбнулся, радуясь в душе удачно проведённой операции.

Наш дед остро переживал самоубийство своего ближайшего помощника, секретаря партийной организации Ракитина Егора Павловича, в прошлом матроса-балтийца. В неурожайном 1933 году он, чтобы спасти своих трёх малолетних детей от голодной смерти, похитил мешок зерна с колхозного склада. Пойманный сторожем, секретарь не перенёс позора, возможного сурового наказания и свёл счёты со своей жизнью. По просьбе деда правление колхоза выделило семье покойного зерно из неприкосновенного семенного фонда и заботилось в дальнейшем о судьбе его детей. Один из них, Ракитин Фёдор Егорович, после войны стал кадровым военным, полковником Советской Армии. Приезжая в отпуск на родину, он всегда с благодарностью вспоминал о нашем деде-председателе и той бескорыстной помощи, которая спасла им жизнь.

Последние годы жизни моего деда Егора Петровича нашли подробное освещение в письменных и устных воспоминаниях его старшего сына, моего отца, Каменецкого Павла Егоровича. Сохранившаяся острая память помогла ему глубоко и подробно рассказать о своём коротком, во многом безрадостном детстве в своих незаконченных «Записках» с кратким названием «Былое».

По официальным данным мой отец родился 10 января 1924 года, т. е. в год и месяц смерти В.И. Ленина. По словам же второй жены отца Щетковой Матрёны Игнатьевны, во всём заменившей ему мать, которой он достался ей годовалым ребёнком, это произошло годом раньше. Такое расхождение объясняется тем, что его мать Василиса Вавиловна, как уже было указано, вскоре после родов умерла, а его, слабого младенца, лишённого материнской груди и должной заботы, тоже не считали жильцом и поэтому зарегистрировали лишь

год спустя. По просьбе умершей матери его называли Павлом в память об её брате Солнцева Павле Вавиловиче, расстрелянном в 1921 году как участник Ишимского восстания.

Свои первые детские впечатления наш отец помнил с 4–5 лет, когда его отец Егор Петрович ещё вёл самостоятельно крестьянское хозяйство или, говоря официальным языком того времени, был единоличником-средняком.

Отец Павла, вернувшись в Караульное после демобилизации из Красной Армии, застал дома доставшееся ему от умершего родителя, расстроенное и разорённое военными реквизициями и продразвёрсткой хозяйство. Благодаря проведению новой экономической политики в деревне и своему неустанному труду земледельца-хлебороба ему удалось восстановить подворье и улучшить своё тяжёлое материальное положение. По словам нашего отца, в их усадьбе перед коллективизацией было уже три лошади, две коровы с телёнком, полтора десятка овец, немало гусей и кур, земледельческие орудия, а также небольшой земельный надел и сенокосные угодья.

Он хорошо помнил, как весной 1929 года отец взял его с собой осматривать освободившуюся от снега пашню и попутно заготавливать дрова. Они хорошо тогда потрудились, нагрузили телегу, запряжённую двумя лошадьми, тяжёлыми берёзовыми брёвнами, и усталые, но довольные вернулись домой. С ними был верный пёс Лапко, который тоже неплохо провёл время – по дороге домой он поймал линявшего зайца и принёс в зубах своим хозяевам.

С тех самых пор его отец, уступая настойчивым просьбам сына, всегда брал его с собой и в лес, и в поле. Одна из таких поездок едва не закончилась трагическим исходом. Во время весеннего сева отец разбрасывал вручную из лукошка семена протравленной пшеницы,

оставив сына на телеге с мешками зерна без присмотра. Ни о чём не подозревая, маленький Павлик съел несколько пшеничных зёрен из мешка и вскоре крепко уснул. Отец, закончив работу, не мог его разбудить и, мучаясь страшной догадкой, нещадно погнал лошадь домой. Вместе с женой они долго промывали детский желудок парным молоком, вызывали рвоту и с большим трудом сумели привести сына в надлежащее чувство. В последующей жизни отцу не раз приходилось смотреть смерти в глаза, но какая-то неведомая сила или провидение каждый раз её отводила, как бы готовя его к новым, более тяжёлым и суровым испытаниям.

Поездки с отцом на сезонные сельские работы – хлеба, заготовку топлива – стали для Павлика самым любимым детским занятием. В шестилетнем возрасте он мог уже самостоятельно ездить верхом без седла, так называемой охлюпкой, и умел управлять лошадьми, горячую привязанность к которым сохранил на всю жизнь. Его с раннего детства влекли и манили запахи возделанной человеком природы: весенней пашни, цветущего донника и клевера, спелых колосьев пшеницы. Любимым природным напитком был берёзовый сок, а из лакомств – луговая земляника и лесная смородина.

В 1931 году Павел пошёл в первый класс начальной школы, которая располагалась в двух бывших кулацких домах. Овладев грамотой уже через год, он даже сумел выполнить поставленную правительством задачу ликвидации неграмотности среди взрослых – научил читать и расписываться в бумагах свою мать, которая была очень довольна и горда достигнутыми успехами в учёбе.

В этом же году он случайно узнал, что его мама является на самом деле мачехой. Сведения об этом он получил от соседских мальчишек, которые, будучи в ссоре с ним, запальчиво называли его «мачехиным сыном».

Взволнованный этим сообщением и открытием Павлик пришёл домой и обратился к матери с вопросом: «Правда ли это?» Та, напуганная неожиданным вопросом ребёнка, после короткого замешательства заявила: «Спроси об этом у своего отца». Когда он обратился к отцу с тем же вопросом, отец, внимательно выслушав сына, задумчиво закурил самокрутку и сказал ему: «Может быть, и хорошо, что ты узнал об этом раньше. Знаешь, сынок, не та мать, которая рождает, а та, которая тебя кормит и воспитывает». Эта короткая, без пространных объяснений, отцовская речь и обращение к сыну как ко взрослому как-то сразу успокоили подростка, и он никогда больше не задумывался о своём прошлом родстве и относился всегда к мачехе как родной матери. Тем более, что пристыженные, очевидно, своими родителями пацаны перестали употреблять прежние обидные слова.

В первые годы коллективизации отец Павла, будучи председателем правления двух колхозов, уделял мало внимания своей семье. Зачастую он оставался ночевать в деревне Редкое, где руководил колхозом «Памяти 9 Января». Мать одна управлялась с четырьмя малолетними детьми и всеми домашними делами. Сын Павел во всём помогал ей – носил воду, пилил дрова, ухаживал за двумя младшими братьями и сестрой, присматривал за их большим гусиным хозяйством.

В начале 1932 года его отца, моего деда перевели на постоянное место жительства в деревню Редкое, где находился административный орган советской власти – Редковский сельский совет. В его ведении находилось пять деревень: Редкое, Караульное, Станкевичи, Коротково, Котино. Правление колхоза выделило семье просторный кулацкий дом, из которого наш дед вскоре переехал в другую, более скромную пустующую избу. Очевидно, он не смог жить в чужом доме, хозяин которого, лишённый всех прав и имущества, был выслан как раскулаченный на спецпоселение.

Рядом с ними жил их родственник Каменецкий Степан Иванович, с которым мой дед был дружен. Семьи вместе отмечали праздничные события, помогали друг другу в трудных ситуациях, ходили в баню Степана. Вскоре семья деда пополнилась новыми членами. К ним переехал жить отец матери Щетков Сергей Матвеевич; будучи уже старым, больным и слепым человеком, он вскоре умер. Кроме того, в их семье жила до замужества младшая сестра матери, Анна, но с ней у Павла из-за её жёсткого характера не сложились хорошие доверительные отношения.

В Редком наш дед сблизился и подружился с директором маслодельно-сыроваренного и казеинового завода Иваном Ивановичем Жеребенковым и с секретарём территориальной партийной организации Позняком. Жизненный путь Жеребенкова во многом был типичен для способных и целеустремлённых выходцев из крестьянской бедноты, сделавших немалую карьеру в советский период.

Благодаря своим организаторским способностям и деловым качествам, бывший бедняк быстро поднялся по служебной лестнице. В 1928 году он был избран председателем сельсовета в деревне Утичье, в 1931 году назначен директором указанного выше маслодельного завод, где успешно справлялся с возложенными обязанностями. В 1934 году при проведении чистки партийных рядов наш дед, являвшийся секретарём первичной партийной организации, отметил в характеристике «образцовую постановку работы» коммуниста Жеребенкова. В конце 1930-х годов он был назначен уже управляющим Ишимо-Тобольским трестом маслопрома. В годы войны Жеребенков являлся замполитом 343-го артдивизиона 209-й стрелковой дивизии, участвовал в сражении на Курской дуге, в грандиозном по своим масштабам танковом сражении под деревней Прохоровкой, где был тяжело ранен. Несмотря на тяжё-

лое ранение и полученную инвалидность, в 1945 году он был отправлен в Молдавию для восстановления разрушенной маслодельной промышленности, а завершил свой большой трудовой путь начальником крупного строительного управления треста «Промстрой» в Кишиневе.

В деревне Редкое Павел продолжил учёбу в местной начальной школе. Летом подросток наряду со взрослыми участвовал в сенокосной страде, верхом на коне возил копны, которые колхозники метали в стога (зароды). Вместе с бригадой заготовителей сена он часто оставался ночевать в полевом шалаше (балагане) и питался из общего колхозного котла. Кормили работников в основном пшённой кашей и мясным супом, заправленным дикорастущим луком и молодыми «пучками» (съедобный борщевик сибирский).

Несмотря на свой юный возраст, наблюдательный подросток заметил особые отношения молодых парней и девушек, работающих на сенокосе. От его острого глаза не ускользнуло то, что у молодых колхозников Евстигнея Ракитина и Марии Антоновой был «роман», при метании сена они часто задерживались допоздна и возвращались на полевой стан взявшись за руки; вскоре он узнал, что они поженились. Сам он не проявлял тогда особого интереса к девочкам-подросткам, решительно отказывался играть с ними в детские забавы, его больше привлекала и притягивала работа взрослых мужчин.

Мальчуган очень любил ходить на местные маслодельный и кирпичный заводы, где работал машинистом-механиком Антон Жуков. На маслозаводе он познакомился с электричеством, вырабатываемом локомотивом, работающем на дровах; паровая машина, генератор, электрическое освещение казались подростку чем-то необыкновенно чудесным и магическим, что всегда его привлекало и завораживало. К тому же, дядя

Антон угощал его невиданным для него лакомством – «сгущённой», которую, наряду со сливочным маслом, сыром и казеином, производили на заводе.

Весной 1934 года, несмотря на существующие запреты советских властей, жители деревни отметили, как обычно, православную Пасху. В тёплую неделю светлого праздника молодёжь и подростки качались на устроенных взрослыми качелях, играли в лапту, бабки, городки. Разгорячённый и возбуждённый праздником подросток напился ледяной воды, сильно простыл и слёг с так называемой в народе «лихоманкой». Несколько дней он был без сознания, метался в горячем бреду и, находясь в беспамятстве, неоднократно пытался даже ночью бежать из дома. Мать лечила его травяными настоями и своими старыми испытанными заговорами, которых знала множество. Благодаря её неустанным заботам и молитвам ребёнок постепенно выздоровел и вернулся к прежней жизни.

Вскоре в патриархальном укладе и быту сибирской деревни начались большие перемены, круто изменившие её привычную повседневную жизнь. Осенью 1934 года над деревней низко пролетел первый самолёт, который вызвал у молодых сельчан, особенно у детей, неописуемый восторг, а у пожилых набожных людей немалый страх и смятение.

Мне удалось установить, что это был легкомоторный учебный самолёт У-2 конструкции Поликарпова, хорошо известный современникам и потомкам по чрезвычайно популярному в послевоенные годы фильму «Небесный тихоход». Он принадлежал образованному Омскому отделению ДОСААФ и летел в соседний райцентр Крутинка на празднование очередной годовщины Октябрьской революции.

В этом же году через деревню прошли первые колёсные трактора «Универсалы» – первенцы Ленинградского завода «Красный путиловец». На прице-

пленных к ним больших бричках (грузовых повозках) они везли в райцентр кирпич, произведённый на Редковском кирпичном заводе. Трактора тоже произвели громадное впечатление на деревенских жителей. По словам отца, набожные старушки и женщины при виде их закрывали окна ставнями, неистово крестились и молились, называя новую технику «нечистой силой» и «сатаной». Не сразу приняли технические новинки и животные. Напуганные сильным незнакомым шумом двигателей лошади рвали сбрую, ломали оглобли, отчаянно лаяли собаки.

Весной 1935 года для борьбы с сорняками из учащихся школы была создана бригада, руководила которой Суворова Таня. Ручная прополка полевых культур, к тому же под руководством девочки ненамного его старше, не нравилась быстро взрослеющему подростку. Его всегда тянуло к более привлекательному и интересному миру взрослых людей: лошадям, технике, настоящей мужской работе. Летом этого года он впервые попробовал себя в качестве конного пахаря. Этому непростому занятию его научил Дмитрий Суворов, ставший после войны председателем колхоза в соседней деревне Грязное. Дядя Митя доверил ему хождение за плугом, похвалил его работу и сказал, что из него выйдет хороший хлебороб.

Отец вспоминал в своих «Записках», что когда он шёл за плугом, запряжённым парой лошадей, и старался делать ровную глубокую борозду, то «душа его пела от радости, от того, что ему доверили такую ответственную работу». С помощью того же Дмитрия он также быстро освоил и работу на конной сенокосилке. Из-за его небольшого веса для сохранения равновесия к беседке косилки привязывалась двухпудовая гиля и огромная вышедшая из строя шестерня; дополнительный груз не позволял дышлом давить на шею лошадам.

**ИДИ,
ТОВАРИЩ,
К НАМ В КОЛХОЗ!**

**БАТРАКИ И
КОМСОМЛЬЦЫ,
НА ТРАКТОР!**

**В УДАРНЫЕ КОЛОННЫ
ВЕСЕННЕГО СЕВА!**

В августе этого года он впервые принял участие в уборке урожая зерновых культур, где в качестве ездового вместе с тем же Д. Суворовым убирал рожь с помощью жатки-самосброски, запряжённой уже тремя сильными лошадьми. Подросток управлял лошадьми, а Дмитрий внимательно следил за работой механизмов машины, устранял помехи и останавливал Павла в случае какой-либо неисправности. Так в свои 12 лет он вполне освоил весь цикл колхозных полевых работ, которым впоследствии посвятил всю оставшуюся жизнь.

Тем летом он впервые заработал 100 трудодней, за которые должен был получить в конце года 120 руб. и 130 килограммов зерна, но получил ли эту плату подросток – остаётся вопросом. Расчёт оплаты труда всецело зависел от результатов хозяйственной деятельности колхоза, выполнения завышенных планов сдачи продукции полеводства и животноводства государству – при их невыполнении колхозники нередко оставались ни с чем.

В 1936 году семья вернулась на родину в Караульное, в оставленный ими прежний родительский дом. Причиной переезда стало исключение нашего деда из партии и освобождение от должности председателя, как уже было сказано, «за антибольшевистскую практику и либеральное отношение к кулакам». Для него и всех членов семьи это стало большим ударом и новым испытанием. Уложив нехитрый домашний скарб на телегу, привязав к ней корову, они пешком вернулись в свою бывшую, оказавшуюся разорённой усадьбу. Все хозяйственные постройки их прежнего большого подворья: амбар, конюшня, коровник, сарай – по указанию отца, бывшего председателя, во время проживания их в Редком были разобраны и переданы на колхозные нужды, нетронутыми остались только баня и летняя кухня, называемая в деревне «малушкой».

Налаживать жизнь пришлось заново. Дед, невзирая на плохое состояние здоровья, устроился на работу: летом пас жеребят, осенью и зимой работал на мельнице, его жена, имея на руках четырёх малолетних детей, ночами сторожила колхозные склады.

После окончания начальной школы отец повёз сына в единственную на весь район семилетку, но Павла не приняли в школу из-за её переполненности. К счастью, на железнодорожной станции Мангут открыли новую школу, куда он и поступил в пятый класс. Для учёбы в Мангутской семилетке ему пришлось устроиться на квартиру в семью нелюбимой им тётки Анны, сестры матери. Выйдя замуж за Петра Санникова, она жила в деревне Котино, в трёх километрах от станции.

Жизнь в другой семье и учёба в новой школе не обошлись без неприятных происшествий и приключений. Однажды, возвращаясь из школы в сильный мороз, не имеющий надлежащей тёплой одежды Павел серьёзно обморозил руки и ноги, которые долго оттирал снегом и самогоном муж тётки Пётр, а затем согревал его на русской печи. С ним подросток быстро подружился, они вместе ходили в баню, ездили зимой за сеном, дровами, рыбачить на озеро; всё это осталось в детской памяти Павла, которая сохранила о нём, как и Дмитриии Суворове, самые тёплые незабываемые воспоминания.

Другое происшествие было также связано у подростка с риском для жизни. Пешеходной дороги до станции Мангут не было, и ходить в школу приходилось по железнодорожному полотну Транссиба, сходя на насыпь при шуме надвигающегося поезда и тревожном гудке паровоза. В один из ненастных дней из-за бурана и сильного ветра, заглушавшего все звуки, Павел не услышал гула приближающегося поезда и грозного гудка машиниста. Лишь в последний момент, по воспоминаниям отца, его как ветром сдуло с пути, и он чудом избежал гибели. На переезде дежурный

железнодорожный смотритель крепко отругал его, сказав, что машинист не только сигналил ему, но даже экстренно затормозил поезд, а сам он махал красным флажком, тревожно сигналя ему об опасности, которую подросток не слышал и не видел.

Узнав об этих событиях и опасаясь за жизнь своего старшего сына, отец устроил его на квартиру на станции к другому своему родственнику, Александру Горленкову. Но и здесь с ним произошёл случай, едва не закончившийся трагически. Как-то зимним вечером хозяева, молодые супруги Горленковы ушли в станционный клуб, где показывали первые немые кинофильмы, ставшие любимым зрелищем жителей, особенно молодёжи.

Оставшись дома один, Павел, как всегда, сделал домашние уроки и улёгся спать, перед этим, по обыкновению, закрыл вьюшку печи, топившейся каменным углём. Выросший на русской печи, топившейся дровами, он и не подозревал, что этого нельзя делать ни в коем случае. Когда хозяева квартиры вернулись домой, он, надышавшись угарным газом, находился уже в критическом состоянии. Лишь своевременная помощь, оказанная местным фельдшером, спасла ребёнка от неминуемой смерти.

Обладая природной любознательностью, хорошей памятью и учебным трудолюбием, Павел охотно посещал школу, где добился немалых успехов. Учителя отмечали его большие склонности к математике, литературе, рисованию, наличие музыкальных способностей. Выбранный редактором школьной стенгазеты, он также отвечал и за её художественное оформление. Особенно ему удавалось копировать портреты выдающихся людей. К 200-летию со дня смерти А.С. Пушкина он нарисовал портрет поэта и иллюстрации к его сказкам, которые очень понравились и учителям, и ученикам. Большой похвалы он удостоился от учительницы русского языка и литературы Скамницкой Анны Васильевны, пользовавшейся глубоким уважением и лю-

бовью всех учащихся. В годы войны за свой педагогический труд она была награждена орденом Ленина, о чём Павел узнал из газеты «Правда», находясь уже на службе в Забайкалье.

Чтение художественной литературы со школьных лет на всю жизнь стало его любимым занятием. Он зачитывался книгами Жюль Верна, А. Беляева, В. Обручева, других писателей-фантастов и учёных, в которых авторы в увлекательной и популярной форме рассказывали о достижениях мировой и отечественной науки и техники. Огромное впечатление на него произвёл роман Н. Островского «Как закалялась сталь», подаренный ему приехавшим из санатория отцом. Образ бесстрашного, негибаемого большевика Павки Корчагина, как и всей советской молодёжи, стал его любимым героем и кумиром в довоенные и последующие годы.

Переживаемое им время грандиозных свершений в стране, строившей социализм, тесно сочеталось с громкими политическими процессами и тревожными слухами, суть которых постичь он ещё был не способен. Взрослеющему не по годам подростку были непонятны многие события, происходящие в стране во второй половине 1930-х годов, которые в начале косвенно, а затем и непосредственно затронули его школьную и последующую взрослую жизнь.

В начале 1937 года со стены его классного помещения были убраны портреты героев Гражданской войны маршала М. Тухачевского, командармов А. Корка, И. Уборевича, И. Якира, которые были объявлены врагами народа и расстреляны по так называемому «делу Тухачевского». Вскоре в Караульном, Мангуте, Редком и других деревнях были произведены неожиданные для всех жителей аресты людей, некоторых из них он хорошо знал и немало с ними общался. Среди них был и его родственник, дядя Солнцев Михаил Иванович, который приходился сыном расстрелянному в 1921 году

КАЖДЫЙ БАТРАК, БЕДНЯК, КОЛХОЗНИК ДОЛЖЕН СТАТЬ ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ!

Сельская школа 1930-е гг.

как участник Ишимского восстания Ивану Солнцеву. На вопросы об их вине, заданные учителям и своему отцу, он получил лишь уклончивые ответы, не удовлетворявшие ум пытливого подростка.

Природные дарования юноши, его прилежание к учёбе и труду не получили в школе своего дальнейшего развития. Тяжёлая болезнь отца, семейная нужда заставили его уйти из школы в феврале 1937 года, не окончив даже учебного года. Так, в 13–14 лет закончилось короткое детство Павла, ставшего с этого времени главным кормильцем семьи, заменившего тяжело больного и рано ушедшего из жизни отца. Он начал трудиться сначала разнорабочим, позже помощником комбайнёра в колхозе «Большевик», а затем стал учётчиком-весовщиком на машинно-тракторной станции (МТС), организованной в деревне Грязное, недалеко от Мангута.

Создание МТС стало настоящим прорывом в механизации трудоёмких процессов в тяжёлом крестьянском труде. Появление в деревне первых отечественных дизельных тракторов ЧТЗ, комбайнов «Коммунар», грузовых автомобилей АМО, зерновых молотилок-веялок МК-100 и другой техники позволило резко увеличить производительность труда и во многом облегчить работу сельских тружеников. Отец вспоминал, что караулинские старики-старожилы были немало потрясены скорой и качественной работой прибывших из МТС тракторов при вспашке полей и уборке урожая прицепными комбайнами на колхозных полях.

Больше всего Павлу нравилось работать с трактористами-комбайнёрами МТС, которые стали в деревне самыми авторитетными людьми и хорошо оплачиваемыми работниками. В этот период своей жизни он твёрдо решил стать трактористом-механизатором, не предполагая, что его жизненным планам может что-то помешать, а его мечте суждено осуществиться лишь спустя долгое и тяжёлое десятилетие.

Следует, очевидно, признать, что любовь подростка к тракторам и другой технике в этот период была во многом навеяна и самим духом проводимого партией большевиков курса на создание в стране форсированными темпами машинной индустрии, ускоренное осуществление сплошной коллективизации многомиллионного крестьянства и на осуществляемую в связи с этим политику героизации и романтизации её передовых участников.

Будучи ещё школьником, Павел узнал о героических поступках тракториста-комсомольца Петра Дьякова и пионера Павлика Морозова, ставших во многом примерами в воспитании не одного поколения и культурными символами борьбы за новую жизнь в деревне. Их образы широко тиражировали и культивировали в советской печати, постоянно пропагандировали в учебных заведениях среди учащихся и рабочей молодёжи, но в постсоветский период подвергли не во всём обоснованной и состоятельной морально-политизированной критической оценке.

Напомним, что П. Дьяков трудился в коммуне «Новый путь» Голышмановского района Тюменской области, расположенной по сибирским меркам недалеко от Караульного. Летом 1929 года во время пахоты на тракторе коммунарского поля он был избит местными кулаками, облит керосином и подожжён, но невзирая на сильные ожоги, выжил и продолжил свой труд земледельца-хлебороба, а в годы войны самоотверженно защищал свою родину от фашистов.

«Огненный тракторист» стал не только известным на всю страну героем, но и прототипом очень популярной песни в довоенные и послевоенные годы «Прокати нас, Петруша, на тракторе...». В 1980 году о его трудовом и ратном почти забытых подвигах напомнил в своей книге воспоминаний «Целина» генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Как уже было указано, оплата труда работников МТС была гарантируемой и неплохо оплачиваемой. По воспоминаниям отца, когда он впервые пришёл за зарплатой в контору МТС, то бухгалтер и кассир не поверили, что этот худой, невзрачный подросток сумел успешно справиться с ответственной работой по учёту труда всех трактористов-комбайнёров и взвешиванию намолоченного ими зерна. Только вмешательство директора МТС Арбузова, лично знавшего юного учётика-весовщика, позволило разрешить эту ситуацию.

Придя домой с первой зарплатой-получкой, Павел предложил тяжело больному отцу, прикованному к постели, купить ему путёвку в санаторий, чтобы он сумел поправить своё здоровье. Очень обрадованный трудовыми успехами сына и остро переживающий своё немощное состояние, отец не смог сдержать эмоций и, к удивлению сына, впервые в жизни заплакал от радости и чувства собственного бессилия.

Зимой 1937–1938 года сын подменил больного отца, работавшего в последние годы жизни фуражником-весовщиком. Весной вместе с верным другом Сергеем Рябининым они боронили колхозную пашню и готовили пары под урожай будущего поля. Во время вспашки паров на поле, у так называемого в деревне Солнцева сада, произошёл случай, который мог иметь самые тяжёлые и непредсказуемые последствия как для подростков, так и для ответственных за них взрослых колхозников.

Вспахать поле было невозможно из-за высокой стерни и разбросанных по нему куч старой прошлогодней соломы. Подростки, с согласия взрослых, решили очистить пашню огнём, что часто практиковалось в сибирской деревне. Чтобы огненная стихия не перекинулась на близлежащий лес- Солнцев сад, они опахали поле в «пять плугов», после чего подожгли сухую солому. Но порывом ветра огонь всё же перекинулся через

запретную зону и, по словам отца, «пошёл гулять по лесу». В результате пожара выгорел большой участок леса, возникла также угроза прошлогодним колхозным стогам-зародам, стоявшим в займище Епимахово.

С большим трудом подоспевшие на помощь колхозники отстояли стога от огня и погасили огненную стихию. Опасаясь санкций за допущенное «вредительство», которые неизбежно последовали бы от районных властей, подростки и колхозники Ракитин Евстигней, Кузнецов Дмитрий, его жена Домна предприняли противозаконные, но в то же время самые эффективные действия. В течение недели они поили водкой жившего на 46-м разъезде ответственного лесника, с тем, чтобы он не подал на них в суд. Так, по ироническому замечанию отца, колхозники «водкой потушили пожар» и тем самым избежали суда и неотвратимого в последующем сурового наказания.

1938 год стал самым благополучным и памятным для жителей довоенной деревни. В колхозе был собран богатый урожай, что позволило впервые за восемь лет его существования выдать труженикам полей и ферм по 3 килограмма хлеба на трудодень. 7 ноября стал для колхозником не только днём Октябрьской революции, но и большим праздником урожая, который торжественно был отмечен всем селом.

В центре деревни в ограде «зелёной школы», получившей своё название за её покраску в зелёный цвет, встали столы, накрытые разной деревенской снедью, водкой и вином. После краткой поздравительной речи председателя колхоза началось большое пиршество, при котором мужчины пили водку, женщин и работавших в колхозе подростков угощали красным вином. Празднование сопровождалось звонкими песнями, задорными частушками и весёлыми плясками забывших усталость и переживаемые трудности, расслабленных от тяжёлой работы сельских тружеников.

Мой будущий отец, приобщившись к такому взрослому праздничному застолью, впервые попробовал вино и, придя домой, с гордостью сообщил об этом событии своему больному отцу. Но тот, внимательно выслушав подробный рассказ сына об его участии в этом празднике, почему-то не разделил его нескрываемой радости. Сказав, что он скоро умрёт, отец дал сыну строгий наказ: никогда не употреблять спиртных напитков, не играть в карты, не обманывать людей и не совершать другие постыдные поступки, за которые в жизни ему придётся держать ответ. Этому строгому отцовскому завету, за исключением первого пункта, отец сохранил верность на всю оставшуюся жизнь.

Осенью того года наш отец работал с взрослым напарником Щетковым Павлом Корнеевичем на молотбе и вывозке хлеба. Из-за отсутствия в хозяйстве сушильного оборудования сырое зерно развозили по домам колхозников, где оно досушивалось на больших русских печах, а затем хозяева возвращали его на колхозный склад. Учёт намолоченного и сданного на сушку зерна колхозникам поручили отцу. Он также вел строгий учёт поставок зерна государству и выделенного хлеба колхозникам на трудодни. Большую часть готового к сдаче зерна возили на купленном колхозом грузовике-полutorке в Мангутский хлебоприёмный пункт. Водителями грузовика были родственники отца – Солнцевы Михаил Иванович и Демид Захарович. Эти большие труженики, работая практически без перерывов, за сутки совершали 18 рейсов, преодолевая каждый раз расстояние в 30 километров до приёмного пункта по разбитым сельским дорогам.

Помимо выполнения привычных сельхозработ, отец вместе с колхозником Потомовым Христофором Игнатьевичем стали главными заготовителями дров для Редковского маслозавода. Колхоз обязался по договору с заводом заготовить 1500 кубов метровых бе-

рёзовых дров. Их заготавливали зимой; старые берёзы пилили ручной пилой «с корня», очищали от сучьев, распиливали, грузили на сани и вывозили на завод. За кубометр привезённых ими дров завод платил колхозу 50 коп., что было высокой платой, но лесорубы получали лишь небольшую заработок, зато обеспечивали себя бесплатными дровами.

В начале 1940 года семью постигла большая утрата — 5 февраля в возрасте сорока трёх лет умер хозяин дома, мой дед Егор Николаевич. Преждевременная смерть отца стала большим ударом для всех, особенно для старшего сына, испытывавшего при этом сильнейший стресс, от которого он долго не мог избавиться.

По его воспоминаниям, он очень тосковал по рано ушедшему родителю. Отец снился ему каждую ночь, искал с ним встречи, заводил разговоры, и эти постоянные кошмарные видения, очень пугали парня. Подросток боялся выходить поздним вечером в сени, во двор, где его постоянно поджидал умерший отец, страшился наступления темноты. Обеспокоенная его тревожным состоянием и не в силах сама освободить своего сына-кормильца от тяжёлых, навязчивых страхов, мать обратилась за помощью к его бабушке Солнцевой Федосье Савиновне, слывшей самой «крепкой баушкой» — знахаркой в деревне. Её восемь сыновей были безвинно расстреляны в Ишимском восстании, а дочь, мать отца, как было уже упомянуто, умерла вскоре после родов и выпавших на её долю невиданных страшных испытаний.

Старая мудрая женщина, внимательно выслушав жалобу своего единственного внука, прочитала известную только ей молитву, напоила его каким-то взваром, опрыскала водой и научила заклинанию, которое нужно было постоянно произносить во время тяжёлых сновидений и наступления темноты: «Страх страха боится, а я не боюсь». Благодаря такому, говоря современным язы-

ком, эффективному психотерапевтическому лечению с него свалилась какая-то огромная тяжесть, исчез страх и вместе с ними и мучившие его ночные кошмары.

Весну 1940 года отец провёл за конным плугом и бороной. В конце мая полеводческая бригада, в которой он состоял, работала в поле у озера Коновальского. Здесь его ждало новое испытание на прочность, едва не стоившее ему жизни.

Неожиданно для этого времени года налетела сильная буря с обильным хлестким дождём, большими хлопьями снега и резким необычным похолоданием. Предвидя её тяжёлые последствия, бригадир полеводства Д. Антонов отправил людей и лошадей в деревню, а отцу и колхозникам Солнцеву Петру и Кузнецову Дмитрию было велено погрузить на большие брички, запряжёнными двумя лошадьми, оставшиеся от вывезенных зимой зародов «одёнки» (остатки) сена и тоже возвращаться в село. Старшие и опытные мужики быстро управились с работой и, не дождавшись подростка, спешно отправились домой.

Отец, вывозивший сено на двух лошадях Серухе и Буланке с двухмесячным жеребёнком, отстал от них и по пути следования застрял в болотной топкой грязи. Изнуренная тяжёлым полевым трудом, старая Буланка вскоре пала на задние ноги и не хотела вставать. После немалых усилий по её подъёму лошадь пришлось выпрячь и привязать к возу. Эта остановка посреди бушующей снежной бури и ураганного шквалистого ветра едва не обернулась для всех трагедией.

Чтобы оберечь жеребёнка от переохлаждения, отец накрыл его своим дождевиком, и, оставшись в одной быстро промокшей лёгкой телогрейке, сбросил часть сена в грязь, благодаря чему его обоз всё же сумел выбраться на твёрдый грунт. В тяжелейших условиях непогоды и плохой видимости они с большим трудом добрались до дому. Вся одежда отца и круп лошадей

были покрыты ледяной коркой, от жеребёнка, заботливо укрытого дождевиком, шёл большой густой пар.

Сильное переохлаждение организма подростка привело к острой пневмонии, сопровождающейся высокой температурой и огромными нарывами по всей спине. Потребовалось длительное домашнее лечение, которое осуществляла его мать своими народными средствами. Когда гнойники прорвались, то, по словам матери, стали видны даже кости позвоночника. Рубцы от этих тяжёлых нарывов остались у отца на всю жизнь.

Навестивший выздоравливающего друга Серёжа Рябинин помог ему выйти во двор, где и сообщил неутешительные печальные новости. Любимица Павла, труженица Буланка умерла; от сильного переохлаждения погибли также восемь молодых лошадей, которых пригнали с Коновальского, но жеребёнок, прозванный Сироткой, к удивлению всех, выжил. Колхозные пастухи также не смогли спасти от страшной природной непогоды и значительную часть крупнорогатого скота – «молодняка», находящегося на летних выпасах у Филиппова поля.

За падёж скота и лошадей, вызванный непредвиденной природной стихией, председатель колхоза Братцев Николай Леонтьевич вскоре был исключён из партии и осуждён на пять лет исправительных работ, которые провёл на лесозаготовках на Дальнем Востоке. Наказание рублём понесли также бригадир и другие ответственные лица, но подростка, нашего будущего отца, к счастью, эта гроза миновала.

После выздоровления отец вновь работал в бригаде по заготовке сена для колхозного стада. Вместе с Серёжей Рябининым и двумя девочками-подростками Шурой Франсовниной и Машей Хаповой они делали копны, которые младшие подростки сваживали на конных волокушах в определённое место, а взрослые мужчины метали сено в зароды. За выполненную взрослую дневную норму (80 центнеров на человека) им на-

числяли по 1,5 трудодня. Несмотря на тяжёлый труд в условиях знойного сухого лета, обилие вредных кровопийцев-комаров и паутов, взрослеющие подростки успешно справлялись с выполнением указанной нормы. Присутствие подгребающих им сено девушек-ровесниц придавало работе большой юношеский задор и азарт. Между ними даже возникло негласное соревнование – кто выполнит больше копен.

Осенью отец участвовал в уборке зерновых культур, где уже самостоятельно косил рожь на двухконной косилке-самосброске. При выполнении этой работы ему и другому работнику Петру Солнцеву также пришлось пережить неприятный случай, отложившийся в его памяти.

Чтобы рожь не успела спутаться и полечь на землю, работать приходилось с раннего утра до заката солнца. Лошади во время тяжёлой напряженной работы уставали не меньше людей и требовали заслуженного отдыха. Во время такого вынужденного «перекура» к ним подъехал на лошади, запряжённой в ходок, уполномоченный из района и крепко отругал их за простой, не пожелав выслушать никаких объяснений. С тех пор отец невзлюбил ретивых, грубых и некомпетентных начальников, которые, по его словам, не могли отличить овёс от ячменя, пшеницу от ржи, зябь от пара, но могли «грамотно» отчитать и оскорбить трудового человека.

ЮНОШИ И ДЕВУШКИ!

ПОСТУПАЙТЕ В ШКОЛЫ
ФЗО И УЧИЛИЩА
ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ТРУДОВЫХ
РЕЗЕРВОВ!

*Идёт в ФЗО.
Идутские зрелки*

Весной 1941 года во время весеннего сева отцу в поле принесли повестку о направлении его в школу фабрично-заводского обучения (ФЗО) г. Омска. Это назначение стало для отца неприятной неожиданностью – будучи единственным кормильцем большой семьи, он чувствовал свою ответственность за её судьбу. Позже он узнал, что путёвкой в ФЗО он был «обязан» заместителю председателя колхоза Патомову Игнатию, расчётливо вписавшему его фамилию в полученную разнарядку по оргнабору молодёжи в школу ФЗО.

Потомов доводился деверем, рано овдовевшей матери Павла, и этим поступком он преследовал определённую цель. Отправив почти взрослого сына золówki в Омск, он надеялся облегчить её тяжёлое положение, выдать замуж за «достойного» человека, который, как показала жизнь, оказался обыкновенным подлецом. После короткого проживания и рождения совместного ребёнка он бросил семью, сбежал из

деревни, прихватив при этом все сбережения своей оставленной жены.

Школы ФЗО были созданы накануне войны в связи с большой потребностью промышленности и строительства в квалифицированных рабочих кадров. Они вполне соответствовали духу времени и звонкому пропагандистскому лозунгу второй пятилетки: «Кадры решают всё!». Отцу довелось учиться в строительной школе № 3, организованной решением Омского облисполкома на базе старейшего в Сибири механико-технического училища.

Школа размещалась в центре города в добротном каменном здании дореволюционной постройки, располагала квалифицированными кадрами преподавателей и хорошим материально-техническим оснащением. Обучение, питание, обмундирование в школе осуществлялось за счёт государства, что делало её привлекательной для малообеспеченных слоёв молодёжи. Помимо обучения сельской и городской молодёжи различным рабочим специальностям, в ней можно было получить и семилетнее образование, но с началом войны эта возможность отпала – учить стали преимущественно практическим навыкам и умениям.

Забегая вперёд, отметим, что в начале 1990-х годов, когда отлаженная система профессионально-технического обучения была разрушена, эта школа, переименованная в конце 50-х годов в ПТУ, была закрыта, как и многие другие. В её здании разместился новомодный культурно-развлекательный центр досуга молодёжи – ночной клуб с громким названием «Атлантида». Вечерами он заполнялся «золотой молодёжью», значительную часть которой составили дети нуворишей из числа местных чиновников, коммерсантов и предпринимателей, стремительно разбогатевших благодаря «прихватизации» государственной собственности и финансовым аферам. Между тем в горо-

де и области вскоре возник большой дефицит рабочих квалифицированных профессий, который сохраняется и в наши дни.

Начало обучения в школе не обошлось для отца без неожиданной новой неприятности. Для приобретения ему форменного обмундирования школа ФЗО выделила колхозу 200 руб., но он этих денег так и не получил. Как выяснилось позже, они были присвоены нечистым на руку колхозным бухгалтером. Поэтому в первые месяцы учёбы из-за его «штатского» деревенского вида он был отстранён от строя, что вместе с насмешками товарищей очень обижало и задевало его. Лишь благодаря ходатайству мастера производственного обучения Копылова ему были выданы два положенных комплекта – рабочей и парадной форменной одежды. Кроме того, опытный мастер вскоре заметил большие успехи трудолюбивого крепкого подростка и назначил его старостой группы, состоящей из 30 человек.

Отец с отличием окончил школу в тяжёлом военном декабре 1941 года, получив высокий рабочий разряд арматурщика-бетонщика. В моём домашнем архиве сохранилась выданная ему 20 декабря 1941 года похвальная грамота с формулировкой: «За успешное освоение профессии арматурщика и отличные показатели в учебно-производственной работе». Свои практические профессиональные навыки он приобрёл при строительстве крупнейшего в Сибири элеватора, возведённого на левом берегу Иртыша. Спустя 30 лет, находясь во время экскурсии на этом элеваторе, отец не без гордости заметил, что в сооружении этого гигантского зернохранилища Сибири есть частица и его труда.

В редкое свободное от учёбы и работы время он пропадал в городской библиотеке имени А.С. Пушкина, размещённой в здании бывшей Городской думы. Здесь, укрывшись за её массивными старыми стенами, он много читал, с жадностью восполняя недостаток

знаний. Любовь к чтению, книжной культуре стали для него не только постоянным источником самообразования, но и какой-то большой, всепоглощающей страстью, сохранившейся до последних дней его нелёгкой, чрезвычайно насыщенной жизни.

Отец также тайком посещал тюрьму, где по ложным, сфабрикованным обвинениям томились его родственники и земляки (Солнцев М.И., Ерёмин М.С. и другие); приносил им нехитрые продукты и новости из родных мест.

После окончания ускоренной войной учёбы его с группой выпускников (всего 72 человека) направили в Иркутск, где быстрыми темпами возводились цеха эвакуированного из Москвы Авиационного завода № 39.

Работа на номерном военном предприятии шла круглосуточно, даже для подростков рабочая смена составляла 12–14 изнуряющих часов. Кормили их два раза в день горячей похлёбкой, к которой выдавали по карточкам 800 грамм плохо пропечённого ржаного хлеба. Жили молодые рабочие за чертой города в так называемых «Красных казармах», в пяти километрах от завода, до которого добирались пешком. Жилые помещения в казарме были сырым, плохо отапливались, поэтому спать приходилось в рабочей фэззушной одежде на деревянном топчане, укрывшись с головой в тонкое одеяло из грубого солдатского сукна.

После обморожения в сорокоградусные морозы ему с несколькими товарищами по ФЗО Ильёй Прудниковым, Гошей Афанасьевым, Колей Осинцевым, Овсянниковым разрешили ночевать в заводском цехе. Подушкой на деревянном помосте у чугунного обогревателя одному из них служила ветошь, а остальным – тело товарища. В конце марта 1942 года рядом с заводом построили общежитие для эвакуированных семей и остро нуждающихся в жилье рабочих. Выделенная молодым рабочим небольшая комната с общими на

этаже удобствами, в которой отец был назначен старшим, показалась им тёплым райским уголком.

Кроме выполнения строительно-монтажных работ молодым рабочим часто приходилось разгружать вагоны с заводским оборудованием, строительными материалами, углём, заготавливать древесину. Эта дополнительная тяжёлая работа чуть не стоила отцу жизни. Во время приёма и погрузки на берег осеннего сплавного леса он оступился на скользком помосте, оказался под сплочёнными брёвнами и едва не утонул в студёной воде стремительной Ангары. В последний момент, задыхаясь в ледяной воде и теряя сознание от недостатка воздуха и кислорода, он сумел вынырнуть в небольшой просвет между брёвнами, откуда его вытащил за волосы напарник Коля Осинцев. Судьба вновь помиловала его, но лёгкой жизни по-прежнему не обещала.

Тяжело простуженный и напуганный происшествием, он более двух недель провёл на больничной койке. Перенесённый им испуг был настолько сильным, что ещё долго он мучился тяжёлым кошмарным сном, в котором его с головой накрывала ледяная ангарская волна, и тогда он, дрожащий от страха и ужаса, с криком просыпался, чем немало пугал своих товарищей. Испытанный им страх был настолько велик, что даже в последующей мирной жизни отец, любивший рыбную ловлю, боялся плавать в лодке в больших водоёмах, предпочитая заниматься только подлёдным ловом.

Жизнь в Иркутске в начале войны оставила в его памяти и другие неприятные, нелёгкие воспоминания. Они во многом были связаны с его полуголодным существованием и трудным проживанием в глубоком сибирском тылу.

Скудного питания в заводской столовой по карточкам-талонам, выдававшимся на месяц, катастрофически не хватало растущему организму подростка, постоянно испытывающему большие физические и

моральные нагрузки. Ощущая постоянное, щемящее чувство голода, он, как и другие молодые рабочие, вынужден был на свою небольшую зарплату покупать по спекулятивным ценам продукты на городском рынке.

В военные годы на рынках, пользуясь тем, что много милиционеров ушло на фронт, значительно выросла преступность. Особенно процветали воровство и грабежи. Во время одного из посещений иркутского рынка у отца вырезали из кармана полученную зарплату и талоны на месячное питание. Обращение в милицию и отдел заводского снабжения ни к чему не привели. Почти целый месяц отец жил на временном вынужденном довольствии своих товарищей, старых мастеров-строителей и наладчиков военного оборудования, подкармливающих его в основном хлебом и варёным картофелем. От постоянного недоедания и тяжёлой работы к концу месяца он был в полуобморочном состоянии. Спасительным выходом стало получение новых карточек и зарплаты.

Опасаясь новых ограблений и возможных нападений, отец начал носить большую отвёртку в кармане своих фэзэушных «фирменных» штанов. Она пригодилась ему во время просмотра кинофильма «Чапаев» в городском кинотеатре. В самый захватывающий момент фильма, когда каппелевцы предприняли психическую атаку, он почувствовал чужую руку в своём кармане. Отец быстро перехватил её, но тут же ощутил спиной острый предмет и услышал угрожающий шёпот: «Не дёргайся, зарежу!». Обладая крепким телосложением, быстрой реакцией и не желая ещё раз лишиться денег и карточек, он увернулся от ножа и мгновенно ударил вслепую грабителя отвёрткой. В зале раздался громкий отчаянный вопль, сопровождаемый крепким матом. Показ фильма остановили, и при свете ламп отец увидел окровавленное лицо рослого грабителя. К счастью, тот отделался лишь неопасной здоровью травмой.

Оказавшийся в кинотеатре милиционер отвёл горе-грабителя и отца в ближайшее отделение милиции. При сопровождении их он пригрозил застрелить обоих при малейшей попытке к бегству. В отделении быстро навели справки о Павле, получив о нём с завода хороший отзыв. А в пострадавшем грабителе так же оперативно выявили вора-рецидивиста, промышлявшего в городе воровством и разбоями. Отца вскоре отпустили в заводское общежитие, судьба же грабителя осталась ему неизвестной.

Другой запомнившийся случай был тоже связан с продовольственной темой. Отец покупал на рынке пряники – своё единственное и любимое лакомство. Грязный и оборванный молодой бродяга схожего с ним возраста попросил у него взаймы денег. Отец, оглядев жалкую фигуру, пожалел его и дал просителю немного денег, не рассчитывая при этом на их возврат. Спустя некоторое время, когда случай уже и забылся, его окликнул на том же рынке ухоженный, прилично, даже с пижонским шиком одетый молодой человек, которого отец сразу не узнал. Это был тот самый бродяга, которого он когда-то выручил. Загадочный незнакомец поблагодарил отца и вручил ему сумму денег, в несколько раз превосходящую когда-то одолженную. Отец был несказанно изумлён. Местные старожилы пояснили ему, что он, очевидно, встретился с известным вором по кличке «Артист», который часто промышлял на рынке, умело перевоплощался в разные образы и славился своим «благородством» – воровал на рынках только у состоятельных людей.

*Отец с группой фронтовой товарищеской
1946 г. (первый слева)*

Подготовка боевых командиров

Имея достаточно высокую рабочую квалификацию, отец получил временную военную бронь, освобождающую его от призыва в армию. Но, как и многие его сверстники, он настойчиво просился добровольцем на фронт. Однако вместо сражающейся на западе Красной Армии его вместе с четырьмя товарищами по ФЗО направили в сентябре 1942 года на восток, в артиллерийскую школу. Она была спешно сформирована при 259-м артиллерийском гаубичном полку, размещённом недалеко от пограничной станции Мациевская, почти в 500 км к югу от Читы. 7 октября 1942 года отец вместе с другими новобранцами принял военную присягу и приступил к выполнению своих воинских обязанностей.

По воспоминаниям отца, условия обучения в школе, готовившей для фронта артиллеристов, были очень трудными во всех отношениях. Они во многом соответствовали тем суровым реалиям подготовки молодых бойцов в сибирском тылу, которые пережил и воссоз-

дал в своём произведении «Прокляты и убиты» писатель-фронтовик В. Астафьев.

Отец хорошо запомнил зиму 1942–1943 года, которая в Забайкалье была на редкость холодной и суровой. Над бурными сопками постоянно дули сильные пронизывающие ветра, которые здесь называли шурганами. От лютых сорокаградусных морозов трескалась голая земля, покрываясь при этом глубокими трещинами. Солдат-новобранцев кормили скудной пищей, по так называемой «третьей проднорме», предназначенной для тыловых воинских частей. От плохого питания, отсутствия витаминов, постоянной сырости в бараках молодые курсанты болели цингой, бронхитом, пневмонией, страдали от дизентерии, один из них умер от отказа печени.

Постоянный голод и пронизывающий до костей холод в наспех сооружённых бараках-землянках, строгие, усиленные войной порядки во многом приближали учёбу к боевой обстановке. Отправка на фронт считалась спасительным избавлением от выматывающей последние силы тяжёлой и напряжённой учёбы.

Выдержать новые испытания отцу помогли полученная в детстве трудовая закалка, крепкое телосложение и природное здоровье. Несмотря на все трудности военного времени, благодаря точному расчёту и хорошему глазомеру он быстро освоил необходимые навыки наводчика- артиллериста и мог поражать цель на большом расстоянии. Его выполненную на «отлично» стрельбу из пушки-гаубицы отметил присутствовавший на учении командующий артиллерией Забайкальского фронта генерал-майор Н.К. Рыжи. После разбора учения он приказал присвоить отцу звание младшего сержанта и направить на курсы младших командиров, где он обучался с апреля по август 1943 года.

Новая полковая школа, созданная при 1913-м истребительном противотанковым артиллерийском

полку, готовила младших командиров почти для всех родов войск: артиллеристов, зенитчиков, связистов, радистов, разведчиков, сапёров, водителей и других военных спецов. По словам отца, школа имела хорошую материальную базу и была настоящей кузницей по подготовке военных кадров.

Получив звание сержанта, отец, как один из лучших выпускников, был оставлен в полку для подготовки других курсантов, практически своих ровесников, 1925–1927 годов рождения. Вскоре он узнал, что и его прежний 259-й артиллерийский полк в полном составе тоже ушёл на фронт. Вместе с ним ушли на войну и его товарищи по ФЗО и заводу, их дальнейшая судьба осталась отцу неизвестной. Но новый рапорт отца с просьбой отправить его на фронт, как и прежде, был решительно отклонён.

Во время войны и в послевоенные годы в его учебном подразделении готовили артиллеристов для 122, 152, 155 миллиметровых пушек-гаубиц и других более лёгких огневых орудий. Указанные гаубицы образца 1938 года были в то время самым эффективным оружием против вражеских танков, долговременных огневых точек, скопления пехоты; поэтому потребность в подготовке артиллеристов этих орудий была очень высокой.

Особым успехом в борьбе с фашистами пользовалась 155 миллиметровая гаубица МЛ-20, которая по своей точности, большой рассеяности осколочных снарядов была сравнима с знаменитым танком Т-34, а по дальности поражения цели во многом его превосходила. Захваченные финнами и немцами в ходе военных действий советские гаубицы успешно применялись ими против русских на Восточном фронте; некоторые из них до сих пор стоят на вооружении в ряде восточных стран.

Артиллерия стала для молодого сержанта любимым родом войск. Благодаря математическим способностям и острому глазомеру отца его орудийный расчёт

постоянно занимал первые места на учебных стрельбах, за что он неоднократно получал благодарности от командования и повышение по службе.

Среди молодых солдат, обучавшихся артиллерийскому делу, были не только русские, украинцы, белорусы, но и казахи, киргизы, буряты, якуты и другие народности. Многие из коренных выходцев Сибири и Средней Азии слабо владели русским языком, едва умели писать и читать, но это не мешало им успешно постигать основы артиллерийского искусства, где большое внимание уделялось глубокому знанию материальной части, умениям оборудовать огневые позиции, точно наводить на цель и поражать врага, быстро перебрасывать противотанковые средства на новые места и многим другим военным премудростям.

Отец всегда с теплотой вспоминал их спаянность, упорство и выносливость, проявлявшиеся в нелёгкой учёбе. В послевоенные годы он часто мечтал встретиться с уцелевшими боевыми товарищами по школе, маньчжурской компании, до самой смерти помнил их имена и фамилии.

Полученные в армии уроки воинского товарищества, национальной терпимости, уважительного отношения к любым народам, их обычаям и образу жизни стали неотъемлемой чертой мировоззрения и поведения отца в последующей мирной жизни. Он нетерпимо относился к презрительным названиям и оскорбительным ярлыкам по отношению к «нацменам», не принимал анекдотов, унижающих национальное достоинство людей нерусского происхождения. Поэтому в послевоенной гражданской жизни легко находил общий язык и взаимопонимание в руководимом им трудовом коллективе с местными татарами и казахами, переселившимися в Сибирь латышами и эстонцами, высланными из Поволжья немцами, западными украинцами, бежавшими от войны белорусами и другими народами.

Служба в артиллерийской школе, находящейся в глубоком тылу, проходила для отца вполне успешно. В ноябре победного 1945 года ему было присвоено звание старшины батареи, его также приняли в ряды членов ВКП(б), в которой он состоял до конца дней своей жизни. В его подчинении находилось 60 сержантов и солдат, с которыми он проводил учебные стрельбы и тактические занятия, и 4 орудия. К концу войны с Германией его полк вошёл в состав отдельной истребительной противотанковой бригады, получил новые, более совершенные орудия – истребители танков, самоходные артиллерийские установки ИСУ-152, получившие название «Зверобой» и от союзников-американцев – мощные тягачи «Студебекеры», прозванные солдатами «студерами».

Его воинская служба в учебной воинской части также не была лёгкой и безоблачной. В ней имели место происшествия, которые могли иметь для отца весьма тяжёлые последствия. Одно из них едва не закончилось военным трибуналом. Во время летних полевых учений постоянно голодные солдаты его отделения поймали и съели в большом количестве сурков-тарбаганов, в изобилии водившихся в забайкальских степях. В результате несколько человек оказались в медсанбате. Лишь их быстрое выздоровление и не подтвердившийся диагноз чумы, носителями которой были злополучные грызуны, спасли его от сурового наказания согласно законам военного времени.

Полк в боях в Китае

В апреле 1945 года в полку, где служил отец, была объявлена боевая тревога. В течение суток полк оказался в другом государстве – дружественной Монголии, на реке Керулен. Батареи расположились в палатках и всё лето занимались боевой учёбой. Политработники проводили беседы об утрате Северного Сахалина и Курильских островов в ходе Русско-японской войны 1904–1905 годов, о боях с японцами на озере Хасан и р. Халхин-Гол в 1938 и 1939 годах, о помощи Японии в войне против Советского Союза, о кровавых злодеяниях в оккупированных японцами Китае, Корее и всей Юго-Восточной Азии, о союзнических обязательствах. По словам отца, эти беседы играли немаловажную роль. Молодые солдаты и офицеры, «обойдённые войной» с фашистами, были полны решимости сражаться с японской военщиной, создавшей на протяжении всей войны с Германией серьёзную угрозу советским границам.

*Наступление советских войск в Маньчжурии.
1945 г.*

Артиллеристам стали выдавать дополнительный фронтной паёк; всё это свидетельствовало о приближении грозных военных событий. Вскоре к ним стали прибывать другие воинские части, переброшенные из поверженной Германии и других государств, военная техника, боеприпасы, иные средства ведения боевых действий.

В условиях открытой местности монгольских степей все войска перемещались скрытно, преимущественно ночью, и по прибытии на место назначения тщательно маскировались, зарывались в землю, чтобы не привлечь внимание японской разведки. Войска созданного Забайкальского фронта вместе с 1-м и 2-м Дальневосточным готовились воевать с Японией – последней союзницей фашистской Германии.

8 августа все воинские формирования были приведены в боевую готовность и получили приказ выступить в северо-восточную часть Китая – Маньчжурию. Батарея, в которой наш отец служил командиром орудия, находилась в составе отдельного дивизиона 1913-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка 6-й танковой бригады под командованием Героя Советского Союза и Героя Югославии генерал-лейтенанта А.С. Жадова; она была определена в резерв Главного командования. Несмотря на то, что резерву отводилась роль «второго эшелона» и его личному составу не довелось прорывать укрепления и преодолевать яростное противодействие противника, полк не стоял в стороне от театра военных действий.

Наступление Красной Армии в Маньчжурию силами трёх фронтов было обусловлено рядом важных факторов. В первую очередь тем, что здесь был сосредоточен огромный военно-промышленный комплекс, обеспечивавший более чем миллионную Квантунскую армию вооружением, снаряжением, боеприпасами и техникой. Эта крупнейшая тыловая база и военный арсенал были недоступны для американской авиации, уже

бомбившей Японские острова. К тому же Маньчжурию хорошо защищали крупные естественные преграды: полупустынные безводные степи, горные системы высотой до двух километров и шириной в некоторых местах до 400 километров, непроходимая горная тайга и болота.

Чтобы вступить на территорию Маньчжурии и войти в соприкосновение с врагом, войскам Забайкальского фронта нужно было преодолеть более чем двухсоткилометровое приграничное степное и полупустынное пространство, а также сложный горный хребет Большого Хингана.

Переход осуществлялся в необычайно трудных условиях. Сильная жара, пыльные песчаные бури и отсутствие водоёмов во многом затрудняли продвижение воинских соединений. Тягачи с орудийными установками вязли в мелком зыбучем песке, двигатели танков, автомашин и тягачей быстро нагревались от большой жары и высоких нагрузок, их радиаторы постоянно парили. Ситуацию усугубляло полное отсутствие в степи какого-либо жилья и водных источников. Ввиду острой нехватки воды в подразделениях было введено нормированное её потребление, доходившее до пол-литра на человека в сутки.

Атмосферу того времени хорошо воспроизвели другие непосредственные участники маньчжурской кампании, осуществлявшие движение по безлюдной монгольской степи. По воспоминаниям бывшего командира артиллерийского дивизиона Петра Михина: «Есть ничего не хочется целый день, а пить хочется каждую секунду. В носу, во рту, гортани и в глотке всё пересохло и саднит. Песок не только в сапогах, на гимнастёрке, но и в волосах, ушах, на всём теле, он скрипит на зубах, режет глаза».

При переходе через Хинган воины столкнулись с другими трудностями. Вместо дорог их ждали узкие тропы, которые японцы считали непроходимыми для большой техники и орудий. Проходы в горах необходи-

мо было расширять, скалывать крутые уступы, на руках придерживать орудия, заноса их над пропастью. При спуске техники с перевалов пришлось использовать тросы, прикреплённые к танкам, выполнявшие роль «якорей». По воспоминаниям отца, этот переход, напомнил ему известную с детства, знаменитую картину В. Сурикова «Переход Суворова через Альпы».

Несмотря на все трудности, артиллеристы полка на лендлизовских «студерах» успешно преодолели труднопроходимые хинганские хребты, подавляя на своём пути оставшиеся долговременные узлы сопротивления и укрепления японцев. В ходе осуществления Маньчжурской наступательной операции полку довелось также участвовать в освобождении крупных городов северо-востока Китая: Харбина, Хайлара, Чанчуня.

В последнем оплоте японцев Чанчуне советские войска вплотную столкнулись с высадившейся с кораблей американской армией. Пришедшее к власти новое руководство США, поддерживая марионеточное правительство Чан Кайши, преследовало свои цели и стремилось не допустить усиления влияния СССР в Китае и Восточной Азии в целом. Это обстоятельство создало тревожную обстановку в полку, где служил отец, и во всём советском воинском континенте и едва не привело к крупному военному конфликту бывших союзников. Инцидент был исчерпан подписанием военного соглашения о разведении советских и американских войск, установлении линии разграничения, и невмешательстве их в гражданскую войну, шедшую в континентальном Китае.

За успешное выполнение боевых заданий при освобождении Маньчжурии отец был награждён медалями «За боевые заслуги», «За победу над Японией», «30 лет Советской Армии и Флота». В год 50-летия Победы к ним добавился орден Отечественной войны II степени. На портале Министерства Обороны РФ «Подвиг на-

рода» содержится наградной список приказа командира 1913-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка от 10 октября 1945 года. В нём указано: «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с японской военщиной от имени Президиума Верховного Совета СССР награждаю: медалью “За боевые заслуги” Каменецкого Павла Егоровича, старшего сержанта, командира орудия за то, что в период военного похода против японской военщины обеспечил высокую боеготовность и дисциплину своего отделения и самоотверженную работу по выполнению оперативного задания командующего артиллерией фронта».

После разгрома Квантунской армии в ходе блестяще проведённой Маньчжурской наступательной операции полк, в котором служил отец, разместился в Харбине в добротном каменном здании Министерства путей сообщения КВЖД. Для артиллеристов и других частей после тяжёлого перехода через монгольские степи и горные хребты Хингана и выполнения поставленных боевых задач наступил наконец долгожданный отдых.

Однако, несмотря на полное поражение японцев, обстановка в Харбине и других городах Маньчжурии оставалась тревожной. Во многих сёлах и городах действовали отряды хунхузов – китайских бандитов, находившихся на службе японцев, дезертиры из марионеточной армии Маньчжоу-Го, антисоветски настроенные бывшие белогвардейцы атамана Семёнова. Они совершали нападения на караулы красноармейцев, охранявшие трофейные склады с оружием, совершали диверсии, распространяли листовки антисоветского содержания, осуществляли расправы над китайскими коммунистами и партизанами. Но их враждебная деятельность в Харбине, как и в других городах, была быстро пресечена и обезврежена решительными действиями начальника гарнизона и военного коменданта, генерал-полковника А. Белобородова, начальника раз-

ведки армии полковника П.Ш. Шиошвили и органами Смерша. Благодаря оперативно принятым ими мерам в городе быстро установились спокойствие и порядок, которых жители Харбина не знали до прихода русских.

Налаживанию мирной жизни во многом способствовал приказ № 1 от 21 августа 1945 года указанного выше коменданта города А. Белобородова. Согласно ему предписывалось:

1. Всем гражданским властям продолжать исполнять свои обязанности.

2. Владельцам торговых и промышленных предприятий осуществлять свою деятельность. Цены на товары, продукты питания и другое остаются такими, какими они были до прихода советских войск. Продажа спиртных напитков запрещается до особого распоряжения.

3. Местным властям и гражданскому населению оказывать всемерную помощь в обеспечении нормальной работы школ, больниц, амбулаторий и других культурных и коммунальных учреждений и предприятий.

4. Богослужение в храмах и молитвенных домах разрешалось проводить беспрепятственно.

5. Местному населению сдать военному коменданту всё имеющее оружие, боеприпасы, военные материалы, военное имущество.

6. Все склады и складские помещения со всем наличным в них имуществом, принадлежащие японским и маньчжурским властям, переходят в распоряжение советского командования.

7. Хожение по улицам разрешается с 5.00 до 23.00 по местному времени.

Благодаря этому приказу, ведению патрульной службы и принятым мерам жизнь в городе быстро вошла в мирное спокойное русло.

Из особо значимых событий этой войны отцу больше всего запомнилось участие в параде Победы в Харби-

не, воспоминаниями о котором он нередко делился со своими детьми. Его впечатления во многом совпадают с описанием торжеств в статьях советских дальневосточных газет от 20–21 сентября 1945 года, в воспоминаниях известных полководцев и очевидцев события – партийных руководителей Дальневосточного края.

Инициатива проведения парада принадлежала самому Сталину, который выбрал для проведения этого триумфального мероприятия самый «русский» город Северо-Восточного Китая. Руководить парадом должен был командующий Забайкальским фронтом маршал А.М. Малиновский, личность которого была весьма популярна среди китайцев. Но он был вызван в Москву, и командовать парадом было поручено генерал-лейтенанту артиллерии К.П. Казакову, а принимать парад должен был дважды Герой Советского Союза, начальник гарнизона и военный комендант Харбина генерал-полковник А.П. Белобородов.

Парад победителей начался утром 16 сентября 1945 года на самой большой привокзальной площади с торжественного митинга, на котором выступили представители советского командования, городской общественности и русского духовенства. После приёма рапорта о готовности Харбинского гарнизона к проведению парада А.П. Белобородов обратился к войскам с короткой речью-поздравлением. Затем под звуки военных оркестров колонны советских войск торжественно прошествовали по главным улицам города. Их горячо приветствовали сотни тысяч харбинцев, среди которых было много представителей русской диаспоры, покинувших Россию в годы Гражданской войны.

По словам очевидцев, такого огромного скопления народа и такого торжества не видел и не знал Харбин. Празднично одетые жители города, испытавшие все ужасы более чем десятилетней японской оккупации, с живыми цветами, транспарантами и лозунгами

на разных языках, с советскими, российскими, китайскими и корейским флагами с большим воодушевлением и благодарностью чествовали величие и доблесть воинов-освободителей Красной Армии и её полководца И.В. Сталина.

На параде были представлены все виды сухопутных войск. Вначале шли колонны бойцов, первыми сломавших оборону пограничного хребта Большой Хинган: пехотинцы, связисты, сапёры, миномётчики. За ними следовала артиллерия, которая была представлена зенитными и противотанковыми орудиями разных калибров, включая 122 и 152 миллиметровые пушки-гаубицы.

Особенно восторженно харбинцы встречали прославленные «катюши» и «тридцатичетвёрки», о высоких боевых качествах которых они были наслышаны. Выход на парад колонны с тяжёлыми, средними и лёгкими танками, первыми перешедшими труднодоступный Хинган и сломавшими оборону противника, был отмечен пуском цветных ракет и праздничным китайским фейерверком.

Отца, как участника парада, немало поразила колонна офицеров, солдат и казаков белой эмиграции, получивших разрешение от советских военных властей принять участие в заключительной части парадного триумфального шествия. Среди них были ветераны Русско-японской и Первой мировой войн, бывшие колчаковцы, другие представители царской и белой армий. Их дореволюционную военную форму украшали многочисленные георгиевские кресты, медали и другие награды – неоспоримые свидетельства былых ратных заслуг.

Они тоже были героями, но героями прежней, ушедшей России. Своим участием в параде они ярко и недвусмысленно выразили своё отношение к победе и любовь к покинутой родине. В 1993 году некоторые из них, уже в очень преклонных годах, вместе со своими потомками вернутся в радикально изменившуюся новую

Нашендагская фото на Параде Победы

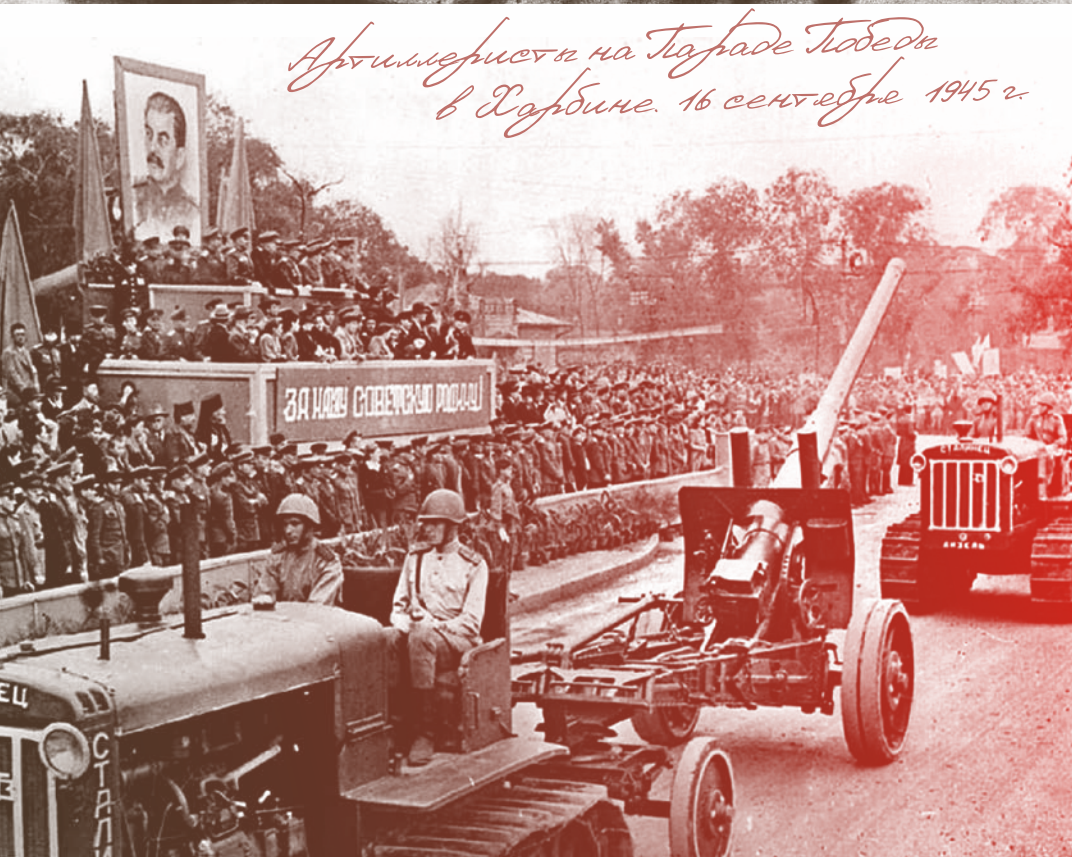
в Харбине. 16 сентября 1945 г.

中蘇兩人民族友誼結成
紅軍滿載！

*Павел Каменецкий (первый слева)
с группой фронтовых товарищей
1947 г.*

*Артиллеристы на Параде Победы
в Харбине. 16 сентября 1945 г.*

Россию, чтобы умереть на родине. Среди реэмигрантов была и небольшая группа омичей, земляков отца.

Парад наглядно продемонстрировал силу и мощь Красной Армии, сумевшей в течение трёх недель разгромить огромную, хорошо укреплённую Квантунскую группировку, освободить народы Китая и Кореи от многолетней японской оккупации, стоившей им более 10 миллионов человеческих жертв. Это был подлинный триумф не только солдат-освободителей, но и всего советского строя, одержавшего победу над самыми реакционными силами и режимами, мечтавшими о господстве над народами как западной, так и восточной цивилизаций.

Праздничная демонстрация длилась два часа, но ещё долго радостные и возбуждённые жители Харбина, обсуждая впечатления от увиденного, не расходились по домам. После окончания парада состоялся большой концерт местных артистов и красноармейского ансамбля песни и пляски 1-го Дальневосточного фронта. Для советских воинов Харбинского гарнизона был организован хороший праздничный обед с употреблением «наркомовских» ста граммов спирта.

Воспоминания отца о его службе в Китае также интересны другими событиями и бытовыми подробностями жизни китайцев, не вошедшими в мемуары известных полководцев, участников освобождения Маньчжурии.

Одно из происшествий курьёзного, но в то же время небезопасного для отца характера произошло зимой 1946 года. Выполняя свои старшинские обязанности, он предложил полковому начальству организовать баню, чтобы вымыть солдат и прожарить их одежду от известных насекомых. Получив разрешение, он с подчинёнными оперативно оборудовал под баню брошенный японцами частный деревянный дом. Когда первая партия солдат помылась, в «жарилке», где находилось на дезинфекции бельё и обмундирование, внезапно

вспыхнул пожар, быстро охвативший всю баню. Когда приехали пожарные машины, от дома и одежды ничего не осталось. Никто из «банщиков» не пострадал, но трём десяткам солдат, выскочившим из бани нагишом на улицу, пришлось стремглав мчаться в здание МПС, где размещалась казарма полка, под любопытствующими взглядами недоумевающих китайцев.

Пострадавшим пришли на помощь китайские портные, которые за два дня сшили новое обмундирование и бельё. Для отца этот трагико-комический эпизод мог иметь серьёзные последствия. Поскольку он был главным инициатором и организатором бани, то начальник особого отдела не одну ночь выспрашивал у него, санинструктора Чикоданова и военфельдшера (фамилию отец не помнит) причины и обстоятельства пожара, пытаясь выяснить – не было ли в том пожаре какого-либо злого умысла или вражеской диверсии.

Отцу также запомнился особый традиционный уклад жизни китайцев, бедность, покорность, необычайное трудолюбие и выносливость сельских жителей, составлявших основное население страны.

Ходившие в увольнение офицеры и солдаты неизменно оказывались в центре внимания нуждающихся китайцев. Они готовы были везти их на рикшах за мизерную плату в любую часть города, выступали носильщиками вещей, чемоданов; при этом никогда не допускали малейшего воровства; при встрече с бойцами и офицерами Красной Армии китайцы низко кланялись, в столовых и чайных проявляли большую обходительность, граничившую с угодливостью, что вызывало немалое смущение советских воинов.

По словам отца, он всегда испытывал неловкое чувство, когда рано утром китайские крестьяне, выстроившись в очередь, не только с благодарностью собирали в свои огромные заплечные корзины пищевые отходы полковых кухонь, но и очищали до дна содержимое

армейских нужников, служившее хорошим удобрением для их тщательно возделанных полей. Китайские власти с большой готовностью оказывали необходимые услуги, предоставляли помещения для размещения войсковых частей Красной Армии, поставляли советским солдатам хлеб, рис, сою и сушёный картофель. Последний диковинный продукт напоминал современные чипсы, но русским солдатам, привыкшим к горячей отварной картошке, он сразу не понравился.

Отец был немало удивлён большой численностью русской диаспоры, проживающей в Маньчжурии, особенно многолюдью русских людей в Харбине, заселяющих целые кварталы и улицы, обилию русских мастерских, трактиров, православных храмов, а также китайцев, свободно говорящих на русском языке.

Полк находился в Харбине более полугода. За этот период молодые офицеры и солдаты его подразделения, пользуясь расположением местного населения и отсутствием больших языковых барьеров, быстро освоились в городе. Некоторые из них, несмотря на строгие приказы командования и страх перед Особым отделом, заводили знакомства и романы с женщинами из русской эмигрантской среды и даже с китайскими барышнями. Но отец, воспитанный в строгой патриархальной семье с её прочными семейными устоями, по его словам, ограничивал своё общение с китайцами лишь рамками служебных отношений. В то же время он не раз вспоминал молодую китайскую девушку, свободно владеющую русским языком. В общении с ней она поразила его знанием русской литературы и поставила даже в тупик вопросами о романе Л. Толстого «Война и мир», о котором наш отец имел тогда ещё слабое представление.

Память отца сохранила и трагическое происшествие, случившееся в полку в то время. Уличённого в краже шёлка из магазина советского солдата китайские торговцы подвергли распространённому у них средне-

вековому наказанию, от которого он вскоре скончался. Когда пострадавший виновник с отбитыми внутренними органами с большим трудом добрался до части, сослуживцы, раздевая его, увидели, что его тело обмотано тонкой голубой шёлковой тканью. Этот случай стал не только предметом тщательного разбирательства командования полка и дивизии, но и показал особенности восточного менталитета, основанного во многом ещё на нормах архаического права и вековых традициях.

В мае 1946 года советское командование получило приказ от Ставки Верховного Главнокомандования вывести войска из Маньчжурии. Началась эвакуация личного состава и военной техники, которая осуществлялась в основном по магистрали КВЖД. Отношение населения к уходящим русским эшелонам на станциях было в целом доброжелательным, как к освободителям, выполнившим долгожданную спасительную миссию. Но в одном воинском эшелоне везли шесть трупов советских воинов, которые умерли, отравившись угощением, полученным по дороге домой из неизвестных вражеских рук. Поэтому всем военнослужащим было строго приказано не принимать никаких даров от местного населения и не вступать с ним ни в какие контакты.

Вскоре их полк благополучно пересёк границу и разместился в Забайкалье в местечке Цугольский дацан недалеко от Читы, где раньше находился один из старейших в Сибири буддистский храм.

Служба отца на новом месте совпала со временем больших перемен в армии, государстве и обществе, произошедших в стране в первые послевоенные годы. Она была наполнена как радостными, так и неприятными, а порой и печальными событиями, которые в его судьбе всегда взаимно дополняли друг друга.

Радостным, долгожданным событием стал приказ о демобилизации армии, переход Вооружённых сил на мирное служение Родине. Армию, как и всю страну, за-

тронули большие перемены. Несмотря на окончание войны и выход страны из состояния всеобщей мобилизации и милитаризации, в армии шло оснащение новыми, более совершенными видами оружия, вводились новые воинские уставы, осуществлялись кадровые, структурные и другие преобразования.

В период сокращения войск и проведения армейских реформ командующий Забайкальским фронтом маршал Малиновский со своим штабом лично инспектировал армии, бригады, дивизии, полки и решал их дальнейшую судьбу. Отцу посчастливилось встретиться с прославленным полководцем, прибывшим в его полк, отдать ему рапорт при посещении маршалом казармы и даже пожать его крепкую руку.

Для изучения новых уставов и знакомства с новой военной техникой штаб 36-й армии, в которую входил полк отца, издал приказ о проведении трёхмесячных армейских сборов старшин всех родов войск. На этих сборах отец изучал новые уставные документы, которые благодаря хорошей памяти знал наизусть, усиленно занимался строевой и физической подготовкой, чему также придавалось особое значение. Ему запомнился высокий профессиональный уровень ведущих занятия преподавателей, многие из которых были боевыми офицерами, и то, что на сборах присутствовал уже знакомый ему командующий 36-й армией, Герой Советского Союза, генерал-полковник А.С. Жадов, назначенный вскоре заместителем главнокомандующего Сухопутных войск СССР по боевой подготовке.

По завершении учёбы все старшины получили новое, парадное, подогнанное по фигуре обмундирование, портупеи, щеголеватые хромовые сапоги и, по словам отца, своим внешним видом и выправкой стали напоминать храбрых оловянных солдатиков.

Эти сборы произвели на него сложное, двойственное впечатление. С одной стороны, он, как и все слуша-

тели курсов, был рад новой военной форме, смягчению суровых законов и требований военного времени. С другой стороны, его, как и многих, не покидало тревожное предчувствие, что с завершением войны с Германией и Японией страну и армию ожидают какие-то новые, неведомые ещё внешние вызовы и угрозы, получившие позднее название «холодной войны».

Неприятное воспоминание, сохранившееся у него на всю жизнь, было связано, как ни странно, с празднованием Дня Победы 9 мая 1946 года. После торжественного строевого смотра полка состоялся праздничный обед с непременными наркомовскими ста граммами спирта. Вечером офицеры его батареи решили продолжить это праздничное мероприятие в неофициальной обстановке. Пригласив отца, они собрались на квартире своего сослуживца, где выпили ещё пол-литра спирта. Не довольствуясь этим, хозяин дома сходил в военторг, где за отсутствием уже раскупленной водки приобрёл несколько флаконов одеколона «Дорожный». Отец не хотел его пить, но не желая быть «белой вороной», сдался под нажимом старших товарищей. После его распития все присутствующие заснули и едва не отправились, по словам отца, «дорогой на тот свет».

Отец из последних сил выполз из комнаты и постучал в соседнюю квартиру, где жил офицер их полка. Вызванный по тревоге дежурный взвод быстро доставил пятерых пострадавших с тяжёлыми отравлениями в медсанчасть. Три дня армейские медики промывали им желудки и приводили в чувство, затем пострадавших строго отчитывали и воспитывали командир и замполит полка. Рассказывая нам, своим сыновьям об этом постыдном эпизоде, отец сказал, «что большего позора в своей жизни он никогда не испытывал» и наказал нам, своим сыновьям, никогда не употреблять сомнительных суррогатных напитков.

Тяжёлое воспоминание о службе этого года было также связано с событием, которое чуть не сделало отца инвалидом. Во время учебной стрельбы по вине водителя тягача ему прищемило ногу лафетом орудия и едва не раздробило голень. Отец не сразу обратился за помощью к полковому врачу, который, к тому же, не отличался высокой квалификацией, и, преодолевая боль, продолжал нести свою службу.

Между тем сильное повреждение тканей вызвало вскоре большую опухоль правой ноги, перешедшую быстро в гангрену. Когда его с распухшей недвижимой ногой доставили в военный госпиталь в Читу, то врачи заявили о необходимости ампутации ноги выше колена. Впервые в жизни отца охватил сильный страх и большое отчаяние. Лежащий с ним в палате пожилой бурят посоветовал ему не соглашаться на операцию, а настойчиво добиваться у врачей щадящего терапевтического лечения. Слезные просьбы отца, его жгучее желание не стать инвалидом и искусство опытного старого хирурга позволили избежать ампутации и сохранить ему ногу. Благодаря удачно сделанным разрезам, надлежащему лечению и молодому организму удалось остановить заражение крови, восстановить нарушенное кровообращение и спасти ногу. Вскоре отца выписали из спального госпиталя, и он снова вернулся в строй.

*Взвук на фронте.
Тяжелые дубовые*

*Дружница колхоза
"Дальневосток"
в годы войны*

После окончания войны старшине батареи Каменецкому П.Е. было предложено продолжить дальнейшую службу в полку или стать курсантом военного училища. Перед ним открывалась перспектива стать кадровым военным, о чём он мог только мечтать в условиях массовой демобилизации армии. Но судьба распорядилась им иначе.

В начале 1947 года он получил письмо от матери с печальным известием о том, что у них пала старая корова, которая всю войну была единственной кормилицей семьи, состоящей из 5 человек, и что они испытывают большую нужду. Отец сразу же выслал им все деньги, скопленные за годы службы в армии; на них семья купила новую корову и выразила ему глубокую сердечную благодарность. В июне этого же года ему был предоставлен месячный отпуск для поездки на родину, на которой он не был семь долгих лет. Эта долгожданная поездка во многом изменила его жизненные планы и судьбу в целом.

Прибыв в родное село, он был поражён – война изменила его облик до неузнаваемости. Все дворы-усадыбы лишились обычных изгородей, заборов, сараев и других хозяйственных построек, ставших дровами в суровые сибирские зимы. Берёзовые и осиновые колки в радиусе нескольких километров были вырублены и отправлены в качестве топлива в Омск на суконную фабрику, поставлявшую в армию шинели, и на другие оборонные предприятия. При въезде в деревню исчезла привычная глазу старая берёзовая роща под названием Солдатский колок, до которой жители в течение столетия провожали своих мужчин на военную службу и на войну.

Хозяйственная жизнь в деревне пришла в глубокий упадок. Посевные площади, машинно-тракторный парк, поголовье колхозного и личного стада резко сократились. Почти все работы в колхозе выполняли вручную женщины, старики и подростки. Единственным источником пополнения трудоспособного населения села в военные годы были семьи депортированных в Сибирь поволжских немцев. Несмотря на их непричастность к фашизму, большое трудолюбие и перенесённые лишения, отношение к ним старожилов, потерявших на войне родных и близких, было очень неоднозначным.

Огромные людские потери стали самым тяжёлым горем и невосполнимой утратой для деревни, как и для всей страны. Из 126 мужчин, ушедших на фронт, 56 человек навсегда остались на полях жестокой безжалостной войны. Семья Рябининых потеряла сразу четырёх человек: трёх мужчин – отца и двух сыновей, и надорвавшуюся от непосильного колхозного труда, единственную дочь; среди погибших на фронте был и Сергей Рябинин, самый верный и близкий друг отца.

Не вернулись с войны родственники отца, двоюродные братья Каменецкие Дмитрий Иванович и Кузьма Иванович, а также родственники его будущей жены, моей матери – отец и сын Пановы Степан Васильевич

и Анатолий Степанович. Получил тяжёлое ранение под Ленинградом и его дядя Солнцев М.И. В декабре 1941 года из-за отсутствия состава преступления и нехватки на фронте водителей, он был освобождён из тюрьмы и направлен в действующую армию, где прошёл всю войну водителем полуторки. Почти два года он возил бесценные грузы по «дороге жизни» для осаждённого Ленинграда, за что был награждён орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Войну закончил в поверженном Берлине.

Особенно много погибших было среди ровесников отца, парней 1924, 1925 года рождения. Из пятнадцати его одноклассников домой вернулись только трое, один из них – инвалидом. Самыми счастливыми были матери и жёны, чьих сыновей и мужей пощадила война. Среди них была Щеткова Пелагея, которая дважды получала похоронки о смерти своего сына Щеткова Евстигнея Корнеевича, сражавшегося под Сталинградом и Курском. Но он, после кратковременного пребывания в плену и штрафбате, после тяжёлых ранений благополучно вернулся домой старшиной-разведчиком, награждённый орденами Славы, Красной Звезды и Отечественной войны I степени. Примечательно, что его близкий родственник, Ракитин Николай Павлович за совершённые подвиги в годы Первой мировой войны стал полным Георгиевским кавалером.

Стоит отметить, что уцелевшие выросшие дети репрессированных в 20–30-е годы односельчан храбро сражались с немецкими оккупантами в годы Великой Отечественной войны и вернулись в родное село с боевыми правительственными наградами. Среди них были и родственники моего деда и отца: братья Солнцевы Демид Захарович и Моисей Захарович, Братцевы Михей Кузьмич и Михаил Кузьмич, Солнцевы Михаил Иванович и Пётр Сергеевич и другие. Никто из караулинцев, даже побывавших в окружении, штрафбате,

немецком плену, а некоторые из них даже в тюрьме и на спецпоселении, не озлобился, не ожесточился на существующую власть и не перешёл на сторону врагов.

Дома отца с большим нетерпением ждала больная мать, ослабленные от непосильного труда и постоянного голода два брата, уже взрослых, но выглядевших подростками, и две малолетних сестры. Семья, как и все жители деревни, едва сводила концы с концами. Отпускника поразила бросающаяся в глаза вопиющая бедность, скудное питание, отсутствие нужной одежды и обуви, осунувшиеся и постаревшие односельчане. Отец вспоминал, что в конце войны он получил из дома семейную фотографию, на которой цензура вырезала босые ноги его братьев.

Находясь в отпуске, он помог семье вскопать огород, накосить сена для коровы, заготовить дров на зиму и выполнить другие неотложные домашние работы. По окончании отпуска по пути следования в воинскую часть на оставшиеся деньги отец купил в Омске для братьев и сестер одежду и обувь, которые с большой радостью увёз домой его средний брат Николай.

Тяжёлое послевоенное положение деревни резко ухудшил и неурожай 1947 года, вызванный сильной засухой, породившей по всей стране небывалый голод. Из-за малоснежной зимы и знойного сухого лета выгорели не только все посевы, но и высохли озёра, болота, кормившие население мелкими карасями, гольянами и дикими утками. Чтобы не умереть от голода, люди ели лебеду, крапиву, пучки, щавель, саранки и другие съедобные растения; домашних животных кормили запаренными в кипятке болотными кочками.

Невольными жертвами стихийного природного бедствия стали его земляки, осуждённые за кражу колхозного зерна. Среди них оказалась наша тётя, Панова Нина Павловна. За хищение нескольких килограммов гороха с колхозного поля она подпала под статью пе-

Послевоенная пахота

Весенний посев зерновых

Сбор колосков

чально известного закона, названного в народе «О трёх колосках», и получила пять лагерных лет, проведённых на заготовке леса на Васюганских болотах Томской области. Тётя Нина, старшая сестра нашей матери, с детства отличалась броской красотой и высокой статной фигурой. Это сыграло роковую роль в её и без того тяжёлой безрадостной судьбе. Она была изнасилована начальником лагеря и, забеременев от него, родила ребёнка, что немного сократило её лагерный срок и позволило ей вернуться с ребёнком домой.

Бедственное состояние жителей наряду с трудностями и понесёнными утратами военного и послевоенного времени усугубляли тяжёлые налоги, государственные займы, различные трудовые повинности. Помимо обязательной выработки определённого количества трудодней, каждое личное подворье должно было сдавать ежегодно по 350 литров молока от коровы, полторы шкуры овцы, большое количество яиц, покупать обязательные для всех облигации государственного займа. Наряду с работой в колхозе его члены призывались по разнарядке участвовать в возведении объектов районного назначения, строительстве шоссейных дорог и других ударных трудовых кампаниях.

Несмотря на людскую нужду и царившую бедность, фининспекторы и сборщики налогов были неумолимы и нередко забирали в зачёт самые ценные и жизненно необходимые вещи, которые зачастую присваивали себе. Наша мама рассказывала, что у них в годы войны забрали швейную машину «Зингер», а у их соседки с тремя малолетними детьми налоговый инспектор, не обнаружив в избе ничего ценного, не погнушался прихватить кадочку с замешанным из последней муки тестом.

Наш, по материнской линии, дед Павел, отличавшийся обострённым чувством справедливости и неукротимым нравом, вернувшись из трудовой армии, узнал о незаконном изъятии своей швейной машинки.

Разгневанный, он ворвался в дом конфискатора, где на видном месте обнаружил свою «Зингер», от души обругал хозяина и забрал её.

Получаемого в колхозе зерна на заработанные трудодни зачастую не хватало до следующего урожая. Как и в военные годы, деревня ещё целое десятилетие жила натуральным хозяйством, производя не только продукты питания, но и одежду, обувь и другие предметы первой необходимости.

Медицинского обслуживания и лекарств не было, поэтому при любых хворях использовали традиционные испытанные средства – широко применяли лечебные травы (солодку, кровохлёбку, ромашку, репей, подорожник), бараний и барсучий жир, болотных пиявок и, конечно, баню с берёзовым или крапивным веником. При простуде сидели, укрывшись полушубком или тулупом, над чугуном с горячим отварным картофелем. От испуга и слеза детей лечили заговорами и лечебными отварами, состав которых передавался из поколения в поколение. Сорванные тяжёлым трудом спины и грыжи «правили» доморощенные костоправы и массажисты. Мылись чистотелом, щёлоком и мылом домашнего приготовления.

Выживать деревне в годы войны во многом помогали выработанная веками непритязательность, натуральное хозяйство, сохранившиеся ремёсла, необыкновенная предприимчивость и изобретательность её обитателей.

Наш дед Павел Васильевич выполнял не только любые плотничьи и столярные заказы, но и дубил и выделывал кожи, шил обувь, полушубки, тулупы, катал валенки, клал печи. Сработанные им изделия – телеги, ходки, сани, хомуты, конская упряжь, рыбацкие лодки, кадки, домашняя мебель, а также сапоги, тулупы, полушубки – отличались высоким качеством и пользовались большим спросом не только в деревне, но и в прилегающей округе.

Его жена, моя бабушка Агафья Варфоломеевна, пряла из овечьей шерсти пряжу, вязала из неё носки и варежки, из ниток – рыбацкие сети, шила любую одежду для семьи и на заказ. На изготовленном дедом ткацком станке, называвшемся «кросны», она вместе с нашей будущей мамой и двумя приёмными дочерьми мастерила не только грубые холсты, половики, но и ковры, покрывала, тонкие ткани. Вытканые и вышитые узорами изделия были подлинными произведениями домашнего кустарного искусства.

Большим мастерством, многими умениями и трудолюбием славилась в деревне большая группа депортированных в годы войны немцев с Поволжья. Это и отличный механик Шмидт, хорошие столяры и токари по дереву отец и сыновья Гейт, и плотники братья Бершауэры, искусная лекарь-костоправ Мария Колебер, животновод Андрей Майер и другие. Среди них был даже музыкальный руководитель, прекрасный скрипач Иван Иванович Руппель. Не имея музыкального образования, он стал бессменным заведующим клубом, создал при нём вокально-инструментальный ансамбль, который получил признание не только в районе, но и в области. Замечательным педагогом, моей первой учительницей, затем завучем школы была Щеткова (Майер) Амалия Васильевна. Благодаря своим трудовым качествам и умениям «пришлые» немцы прижились в сибирском селе, ставшем для них новой родиной, и внесли немалый вклад в его укрепление и развитие в военные и послевоенные годы.

Будучи подростком, я с большим интересом и любопытством наблюдал в сельской кузнице за необычной технической операцией, которую выполняли мой родственник Солнцев Демид Захарович и немец Шмидт. Им нужно было изготовить новый поршень взамен прогоревшего у трофейного немецкого мотоцикла довоенного выпуска. На моих глазах мастера,

используя придуманную ими форму, отлили в обычном кузнечном горне из подобранный металла поршень, обточили его на разбитом токарном станке, нарезали канавки для колец и, к удивлению всех скептиков, запустили мотор. Получив новое «сердце», мотоцикл ещё долгое время служил своему хозяину.

Потерявшие близких, вынесшие на своих плечах всю тяжесть войны, жители деревни страдали не только от военных утрат и лишений, но и от административного произвола председателя колхоза, бывшего политрука (фамилию которого по этическим причинам я не называю). Получив контузию в первые дни войны во время бомбёжки идущего на фронт эшелона, он был комиссован и назначен председателем колхоза «Большевик».

Пользуясь служебным положением и высоким покровительством своего брата, прокурора в областном центре, «политрук» пьянствовал, принуждал женщин к сожительству, особенно тех, кто потерял на фронте мужей, а получив отказ, наказывал их нещадно трудовнём. По воспоминаниям старожила деревни Сидоровой Акулины Семёновны, муж которой погиб на фронте в первый же год войны, председатель без всяких оснований обвинил её в пропаже колхозной лошади. Чтобы возместить ущерб, ей пришлось продать корову, все свои наряды и уплатить 3 тысячи рублей председателю, который, по её словам, пропил их вместе с налоговым инспектором.

После войны, чтобы выслужиться перед районным начальством, председатель выступил с инициативой перевыполнить и без того непосильный план сдачи государству сельскохозяйственной продукции, что стало новым тяжким бременем для измученных войной людей. В районной газете «Красная искра» от 15 июня 1945 года было опубликовано обращение колхозников сельхозартели «Большевик» ко всем колхозам, колхозникам и служащим Называевского района. В нём от имени колхозного актива председатель обязался

выполнить годовой план молокопоставок к 15 июля, мяса – к 1 сентября, шерсти – к 15 сентября, яиц – к 1 октября, а также обещал перевыполнить план сдачи зерна государству.

Эти повышенные обязательства честолюбивого и подхалимистого председателя были с большим трудом выполнены изнурёнными трудом и войной односельчанами. 6 ноября этого же года в «Красной искре» на передовой странице была помещена заметка о том, что колхозники артели «Большевик» сдали государству сверх плана 2 574 пудов хлеба при плане 16 536 пудов. 30 ноября в газете сообщалось о награждении председателя и доярки-стахановки Коротковой Е.Ф. медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Жестокие командные методы руководства, противоправные и аморальные действия председателя колхоза долгое время оставались безнаказанными. Возвратившиеся домой бесстрашные фронтовики не раз мужским способом сводили с председателем счёты, и только угроза действующего и после войны трибунала и мольба жён, боящихся за своих мужей, спасала его от более суровой расправы. Несмотря на жалобы населения районным властям, председатель ещё долго сохранял свой пост и был отстранён от занимаемой должности и исключён из партии лишь после смерти Сталина. Не вынеся большого, нескрываемого презрения людей, их и своей отчуждённости, он окончательно спился и умер.

Старожилы деревни не раз вспоминали как невесёлый курьёз хождения бывшего политрука-председателя по деревне в поисках горячительных напитков. Однажды одинокая солдатская вдова, увидев в окне направляющего к ней за очередной порцией выпивки председателя, решила спрятаться от него в подпол. Но обладавшего особым чутьём бывшего политрука было трудно провести. Покурив некоторое время на хозяйской лавке, он нетерпеливо спросил её, как долго

она будет сидеть в погребе и не пора ли ей налить ему стакан браги. Разоблачённой хозяйке ничего не оставалось, как выбраться из своего ненадёжного укрытия и утолить его ненасытную жажду.

Неудивительно, что на фотографии бывшего председателя колхоза, размещённой на его могильном кресте, вскоре кто-то выколот глаза и что это кощунство не вызвало в селе большого осуждения. Такая же незавидная участь спившегося алкоголика постигла и его высокопоставленного брата, который после увольнения с прокурорского поста собирал на городских улицах подаяние себе на выпивку.

По словам отца, увиденная им тяжёлая, безотрадная картина сельской жизни послевоенного лихолетья, которую лишь частично отразил в своей повести «Горькие травы» писатель П. Проскурин, резко изменила его планы. Он твёрдо решил оставить армию и вернуться в село, где и семья, и колхоз остро нуждались в его помощи.

Возвращение домой. Целина

В разгар весны 1948 года, несмотря на уговоры командования полка продолжить службу в его подразделении или в военном училище, он демобилизовался и вернулся на свою малую родину. Одной из причин его увольнения стала неразделённая любовь отца к дочери полкового офицера. Об истории своей любви он рассказал только мне, когда я собирался жениться. Он очень любил эту молодую красивую девушку, с которой познакомился в гарнизоне ещё в начале войны, и она, как ему казалось, разделяла все его чувства. Они собирались пожениться после окончания войны и часто строили планы будущей семейной жизни.

Но вернувшись из отпуска, он узнал, что любимая изменила ему и собиралась замуж за капитана его полка. Её предательство стало сильным ударом по чувствам и самолюбию моего горячего отца. Не колеблясь, он подал рапорт об увольнении и, едва попрощавшись с сослуживцами, незамедлительно выехал

на родину. Через несколько лет его первая любовь написала ему трогательное письмо о том, что её личная жизнь не сложилась, просила у отца прощения и готова была приехать к нему хоть на край света. Отец показал письмо своей жене, нашей маме и решительно порвал его, оставив без ответа. Но ещё долгое время он мучился этим поступком и хранил к этой женщине большие нежные чувства.

По пути домой, находясь в подавленном состоянии, он решил жениться на первой встречной девушке из своего села и начать новую гражданскую жизнь. Его избранницей стала 19-летняя Ирина Панова, которую он первой из своих земляков встретил по прибытии на родину, на станции Мангут.

Отец знал её ещё ребёнком в довоенные годы, но теперь с трудом узнал взрослую красивую девушку, лицо которой лишь слегка портили небольшие крапинки от перенесённой в детстве кори. Моя мама, как и многие её ровесники, была лишена детства и юности. Наряду с односельчанами она вынесла на своих хрупких девичьих плечах все тяготы военного времени. Вместе со старшими сёстрами она неустанно трудилась в колхозе, работала конюхом и выполняла другие возложенные повинности. Именно ей довелось примчаться на самом быстром коне на поле и на ферму и сообщить караульникам долгожданную радостную весть о Победе.

Наша мама тоже испытала неразделённую любовь к уже упомянутому Фёдору Ракитину, который обещал, вернувшись из армии, жениться на ней, но не сдержал своего слова. Как и отец, она тоже никогда не рассказывала об этом своим детям. Мы узнали о её попорченных чувствах, когда четверть века спустя в Караульное к своим родственникам приехал подполковник Ф. Ракитин. Он пригласил родителей в гости, но мама, сославшись на болезнь, отказалась с ним встретиться.

Думаю, что встреча наших будущих родителей не была случайной. Она стала, быть может, велением судьбы, соединившей сердца двоих молодых людей, сильно обожжённых войной и перенесённой личной драмой.

Для моих родителей наступил новый, не менее трудный, но мирный, созидательный этап жизни. По словам отца, это были очень нелёгкие и в то же время счастливые годы их послевоенной семейной жизни. Закалённая войной молодость, вера, надежда и ожидания лучшей жизни помогали родителям, как и всем их сверстникам, преодолевать выпавшие на их долю новые трудности и испытания.

Пройдя краткие курсы трактористов, отец начал работать на старом изношенном гусеничном дизельном тракторе С-65 «Сталинец», выпущенном ещё до войны Челябинским тракторным заводом. Всю войну на нём работали его тётя Солнцева Лукерья Ивановна и Ракитина Антонина Андреевна. Затем отец устроился слесарем-ремонтником в МТС, в которой начинал до войны свой трудовой путь. Здесь сразу проявились его трудолюбие, приобретённые технические навыки и умения. Вместе с напарником, бывшим фронтовиком латышом Александром Сунайтом за дневную смену они успевали сделать капитальный ремонт и обкатку любого дизельного двигателя, значительно перевыполняя при этом существующие трудовые нормативы.

Зимой 1952 года отца направили на трёхмесячные курсы бригадиров-механиков в Тюкалинский сельскохозяйственный техникум. В нём он с удовольствием постигал теоретические основы возделывания зерновых культур, организацию их производства и технического обслуживания машинно-тракторного парка. После окончания курсов он был назначен бригадиром тракторной бригады Грязновской МТС. В его ведении находилось 13 тракторов, среди которых были уже но-

вые машины ДТ-54, выпущенные Харьковским и Сталинградским тракторными заводами.

Моя мама, несмотря на почти ежегодные роды и растущие материнские обязанности (в 1954 году в семье было уже трое детей), по-прежнему трудилась и на животноводческой ферме, и в поле. В колхозе, как и по всей стране, ввиду огромных людских потерь постоянно не хватало рабочих рук. В связи с этим правительством был принят закон, согласно которому каждая домохозяйка-колхозница, независимо от количества детей, должна была выработать в год необходимый минимум – 240 трудодней. За его невыполнение был установлен двойной подворный налог. Поэтому за малолетними детьми присматривала бабушка Агафья и прабабушка Екатерина; подраставших детей отдавали в колхозный детский сад.

Никаких средств механизации в послевоенные годы в животноводстве не было, уход за животными, и доение коров оставались самым тяжёлым делом на молочной ферме. Нашей маме приходилось дважды в сутки вручную доить по 20–25 колхозных коров; она также ухаживала за телятами, свиньями, птицей и другой колхозной живностью. А весной, летом и осенью для всех трудоспособных деревенских женщин начинались бесконечные сезонные сельхозработы: посев зерна, прополка сорняков, сенокос, молотьба хлеба и прочее.

Не имея собственного жилья, родители снимали угол у дальних родственников. Решить жилищный вопрос им помог наш мастеровой дед. Пренебрегая строгими запретами самовольных порубок молодого леса, он сумел тайком заготовить брёвна для домового сруба. За короткий срок из тонких «нестроевых» берёз он построил небольшой пятистенный дом с тёплыми сенями, сохранившийся до наших дней, и баню. Сарай, коровник, колодец и другие хозяйственные постройки достроил отец. Немало сил и времени у отца ушло на

приобретение пиломатериалов, стекла, гвоздей, краски, которые в период восстановления народного хозяйства были в большом дефиците.

Благодаря совместным усилиям молодая семья обрела, наконец, своё жильё, о котором многие тогда могли только мечтать, и торжественно встретила новый 1954 год в собственном доме. Большой радостью для семьи стал и отёл купленной ими нетели, которая зимой принесла им телёнка, а дети стали пить молоко от своей коровы.

Рождение первых детей и новоселье были омрачены преждевременной смертью его второй матери Щетковой Матрёны Игнатьевны, которой едва исполнилось 53 года.

Отец всегда с большой теплотой и сердечностью вспоминал эту неординарную, наделённую даром врачевания женщину. Она была не только хорошей заботливой матерью, хозяйкой их немалой семьи, большой колхозной труженицей, но и известной на всю округу знахаркой-травницей. Матрена не раз спасала от неминуемой смерти своих детей, многих односельчан, принимала трудные роды, учила женщин известным только ей способам лечения их мужей и детей, была хорошей наставницей молодых мам.

По воспоминаниям живущей ныне ветерана, труженицы тыла Валентины Сидоровой, в годы войны дом Матрёны был своеобразным женским клубом. В нём часто собирались женщины всех возрастов: матери, потерявшие своих сыновей на фронте, и солдатские вдовы находили у неё утешение, молодые женщины и девушки, получали полезные советы и добрые наставления. Но сама Матрёна не обладала крепким здоровьем, которое к тому же в значительной мере было подорвано ранней смертью мужа, войной и послевоенным лихолетьем.

Отца, организатора похорон, очень тронуло и поразило при похоронах какое-то особое, необъяснимое словами отношение к ней караулинских женщин. Они

Цеткова Матрена

решительно заявили, что будут нести гроб до кладбища на своих руках, отказавшись при этом от сопровождения его на колхозном грузовике. Отец знал о врачебных способностях своей матери, не раз спасавшей его самого от тяжёлых недугов и самой смерти, но не придавал этому большого значения, считал её лечение и обращавшихся к ней за помощью односельчан естественным обыденным делом, не требующим какой-либо отдачи, и, конечно, он не мог отказать женщинам в их благодарном душевном порыве.

Меняя друг друга, женщины несли гроб с Матрёной на полотенцах более километра до сельского кладбища. Её последнее пристанище было всё усыпано цветами и лечебными травами, которыми мать лечила людей. Так жители проводили в последний путь нашу бабушку, которая своим чутким отношением к людям, искусным, бескорыстным врачеванием вылечила многих сельчан и спасла немало человеческих жизней. Отметим при этом, что, по воспоминаниям старожилов, ни до, ни после такого признания при погребении никто в деревне не был удостоен.

В первые послевоенные годы отец принял деятельное участие в судьбе своих близких родственников, прежде всего выросших братьев. Как известно, не получавшие паспортов колхозники долгое время не имели возможности сменить место жительства, получить профессию и устроиться на работу в городе или на стройках послевоенных пятилеток. По совету отца, его «невыездные» братья Николай и Александр воспользовались проводимыми в стране оргнаборами молодёжи для подготовки рабочих кадров.

После окончания краткосрочных курсов, получив рабочие специальности, они успешно трудились на предприятиях, ставших значимыми символами советской эпохи: Николай – плотником-столяром в Комсомольске-на-Амуре, Александр – взрывником на одной

из шахт Кузбасса, в Сталинск-Кузнецке. Спустя пять-шесть лет, заметно окрепшие и возмужавшие, они вернутся домой, активно включатся в колхозное строительство и станут надёжными помощниками моего отца, с мнением которого они всегда считались.

Работа в МТС не могла устроить деятельную, активную натуру отца. Благодаря полученным в армии командирским навыкам, природным способностям, огромному трудолюбию и желанию менять жизнь к лучшему он быстро прошёл все ступени сельской административной власти – от моториста-ремонтника в МТС до председателя колхоза «Большевик», а затем управляющего фермой № 4 совхоза «Искра».

Став руководителем большого, многоотраслевого хозяйства, отец всю свою кипучую энергию, организаторские способности и знания направлял на восстановление и укрепление подорванного войной аграрного производства, развитие социальной инфраструктуры села, улучшение жизни колхозников. Его высокая активность, твёрдая жизненная позиция, умение убеждать и вести за собой сельчан во многом напоминают мне героя фильма «Председатель», фронтовика Егора Трубникова, блестяще сыгранного уроженцем Омской области Михаилом Ульяновым.

Особенно много внимания и заботы отец уделял улучшению социальной сферы села. Наряду с производственными помещениями в 1950-е – 1960-е годы было построено немало жилых домов, восьмилетняя школа, детский сад, клуб, библиотека, медпункт, почтовое отделение. По его инициативе в память о погибших на войне в год 10-летия Победы на месте вырубленной берёзовой рощи был заложен большой яблоневый сад с пасекой, остатки которого сохранились до наших дней. Спустя десять лет на центральной усадьбе совхоза «Искра» был открыт памятник всем погибшим воинам-односельчанам.

Большая заслуга в закладке колхозного сада принадлежала Кочеткову Фёдору Романовичу, большому садоводу-любителю, создавшему ещё в 30-е годы своеобразный садовый «дендрарий» на своём небольшом приусадебном участке. К великому негодованию отца, этот возделанный уголок природы, где росли и обычные, и редкие для Сибири деревья и кустарники, после смерти своего одинокого хозяина был порушен. По приказу руководителя-временщика, сменившего отца, деревья были снесены бульдозером, а на садовом участке возведено здание молочного цеха.

Важным этапом в послевоенной трудовой биографии отца стало освоение целинных земель. Как и вся страна, село откликнулось на это событие невиданным энтузиазмом и высокой трудовой активностью. Чтобы решить поставленную задачу в колхозе была организована круглосуточная двусменная работа двух тракторных бригад, размещённых на оборудованных полевых станах (культстанах). Для экономии времени и горюче-смазочных материалов трактористы и обслуживающие их рабочие неделями жили в деревянных спальных вагончиках, изготовленных в колхозной мастерской, приезжая домой только по субботам увидеться с родными и попариться в жаркой бане.

Трактористы при освоении целины работали круглосуточно, останавливаясь лишь для пересмены, заправки топливом и техосмотра. По воспоминаниям отца, двигатели тракторов не успевали даже остывать. Особенно отличился при вспашке целинных земель молодой механизатор Солнцев Павел, который нередко проводил за рычагами трактора по двое суток, выполняя установленную норму на 300–400 и более процентов.

Отец, работавший в эти годы бригадиром первой тракторной бригады, вспоминал, что как-то Павел, проработав без загулявшего сменщика непрерывно более двух суток, крепко уснул за столом во время утреннего

завтрака на полевом стане. Сердобольные поварихи отнесли уставшего до бесчувствия тракториста в вагончик, где он проспал беспробудно почти весь световой день. Проснувшись вечером, он отругал дежурного за то, что тот его не разбудил, и неутомимо продолжил выполнять свою пахоту. За большое трудолюбие и особую приверженность к рачительному общественному хозяйствованию Павел Солнцев с тех пор на всю жизнь получил шутовское, необычное прозвище «Паша жадный», то есть до работы жадный.

В начале освоения целины у отца родился сын, весом ни много ни мало пять килограмм, что стало для него, имевшего двух дочерей, большим радостным событием. Обрадованный отец купил ящик водки и широко отметил это событие со своей бригадой на культстане, расположенном на берегу озера. На следующий день, проснувшись рано в прохладное августовское утро и обнаружив себя на берегу почему-то в лодке, отец почувствовал острую потребность прийти в себя. Но на обеденном столе он обнаружил только пустые бутылки. Недолго думая, он доехал до деревни на колхозном мотоцикле Иж-49 и купил ещё пару бутылок водки. Ею он «полечил» себя и всех нуждающихся, после чего довольная бригада продолжила свой нелёгкий земледельческий труд. Так было отмечено моё появление на свет.

Трудно поверить, но моя детская память хорошо сохранила отрывки из жизни позднего целинного времени. Я помню, как отец брал меня летом на «культстан», где я с большим вниманием и интересом рассматривал деревянные вагончики на железных колёсах и полозьях, грубо сколоченные столы со скамьями под навесом, бочки с дизтопливом и солидолом и особенно трактора с весёлыми, вечно чумазыми, пропахшими бензином и соляркой трактористами. Я помню даже нашу родственницу, повариху тётю Лушу Солнцеву, кормившую меня необычайно вкусным супом, и укла-

дывающую меня, разомлевшего от летнего зноя и ярких впечатлений, спать в вагончике.

В раннем детстве я любил со своим вечным другом Гошей бегать на колхозную мельницу, где молотась мука из целинного урожая и производилось подсолнечное и рыжиковое масло. Мельница казалась нам громадным и опасным предприятием, где стоял шум от большого двигателя, трущихся жерновов, а в воздухе всегда висел молочный мучной туман. Обсыпанный с головы до ног пшеничной мучной пылью, мельник Николай Ефремович Коротков, отец Гоши, кормил нас вкусным жмыхом и свежееиспечённым хлебом, который мы с большим удовольствием макали в свежее растительное масло местного производства. Вкус этого нехитрого, но очень вкусного пиршества навсегда остался в памяти моего детства.

Возделывание целины было сопряжено с немалыми трудностями. После вспашки пласты земли под жгучими лучами солнца превращались в твёрдые камни, обработать которые при отсутствии специальных земледельческих орудий удавалось с трудом. Целинная земля не готова была дать хороший урожай в первый год посева, нуждалась в отдыхе, «паровании» почвы. Но этого важного агрономического требования не понимали или не хотели признавать ретивые районные администраторы. Многие сельские руководители, подстёгиваемые районным начальством, не соблюдали необходимых агротехнических предписаний, не учитывали местных почвенных и природных условий. Под нажимом властей они засеяли новые земли уже в первый год их освоения, а в результате не получили ожидаемого урожая ни в первый, ни в последующие годы.

Прибывший в колхоз «Большевик» с проверкой первый секретарь райкома П.Ф. Уткин устроил большой разнос председателю и бригадирам, которые, в отличие от других целинников, произвели посев лишь

на второй год, на тщательно подготовленной почве, так называемых «чёрных парах». Секретарь предсказал сельским новаторам полный провал их агрономическим новшествам и пригрозил при этом суровыми партийными карами. Однако благодаря применению необходимой новой технологии колхозники получили в не самом благоприятном, засушливом 1955 году 25 центнеров с гектара, в то время как среднегодовой сбор зерна в районе составил лишь 7 центнеров.

Большой урожай зерновых культур создал немалые трудности в его уборке. Три колхозных комбайна не могли убрать почти 1 500 гектаров полновесной, но полёглой пшеницы, а также ржи, овса и ячменя. Недовольный темпами уборки урожая П.Ф. Уткин, прибыв в колхоз с инспекцией, очень удивился их земледельческим успехам и обещал помощь в уборке зерновых культур. Уже на следующий день на поля прибыло 12 комбайнов и 6 автомашин для вывозки зерна. В течение недели хлеб был убран и засыпан в колхозные закрома и в своевременно построенный элеватор в районном центре. По сбору зерна, производству и сдаче государству хлеба и другой сельхозпродукции колхоз занял первое место среди хозяйств в районе и одно из первых мест в области.

В 1956 году на отчётно-выборном собрании колхозников отец был выбран заместителем председателя колхоза, а на следующий год – его председателем. Ему, как и моему деду, первому организатору колхоза, было всего тридцать два года. Но за плечами уже был немалый жизненный, трудовой и военный опыт, умение руководить людьми и высокие личностные качества.

Третий целинный год также оказался благоприятным для тружеников «Большевика». Рекордный за всю историю существования колхоза урожай позволил собрать, переработать и засыпать на хранение более 6000 центнеров зерна, заготовить нужное количество грубых и сочных кормов хорошего качества – сена и

силоса. Колхозники получили на трудодень по 3 килограмма зерна, что при выработке установленной нормы в 300 трудодней, составило 9 центнеров на человека. Перевыполнившие норму колхозники, соответственно, получили больше.

Благодаря высоким урожаям и полученным доходам колхоз значительно пополнил свои основные производственные фонды. В связи с реорганизацией МТС ему на платной основе были переданы трактора, комбайны, земледельческие орудия и другая техника. Чтобы рассчитаться с полученной техникой, колхозу «Большевик», как и другим хозяйствам района и страны в целом, пришлось влезть в большие кредитные долги. Не взирая на это новое бремя, техническое перевооружение заметно повысило хозяйственную независимость колхоза и производительность сельского труда. Особенно высоко оценили полеводы стогомёт, навешенный на колёсный трактор МТЗ, косилку-самоходку с шириной захвата 10 метров и широкозахватные 14,5-метровые грабли, которые во многом облегчили тяжёлый ручной труд при заготовке грубых кормов, а также другие орудия и средства механизации сельского хозяйства.

В целинный период была завершена и электрификация села, которая осуществлялась при непосредственном участии нашего дяди, Каменецкого Николая Егоровича. Энергию вырабатывала своя электростанция, оснащённая мощным дизелем и динамомашинной, и ветродвигатель, установленный для подачи воды на животноводческую ферму. Приобретение своей большой пилорамы и заготовка строевого леса в соседних северных районах позволили значительно увеличить объёмы строительных работ, выполнявшихся также на хозрасчётных началах, то есть без всякой государственной поддержки. Началось возведение своими силами новых зданий социального назначения: школы, детского сада, конторы и жилья для колхозников.

За короткий период колхозу «Большевик» удалось ввести в оборот более двух тысяч гектаров новых земель, что позволило существенно расширить посевную площадь, повысить урожайность культур, заметно улучшить кормовую базу, увеличить дойное стадо и, главное, повысить уровень жизни сельских жителей, который заметно отставал от уровня жизни горожан.

За самоотверженный труд отец и группа передовиков района были награждены осенью 1956 года поездкой в Москву на ВДНХ, которая произвела на всех неизгладимое впечатление. На хранимой в семейном альбоме фотографии запечатлены лица плохо одетых, преимущественно в стёганные телогрейки, послевоенные старомодные пальто дорогих моих земляков. Такие же снимки хранятся и в семьях многих целинников – непосредственных участников этого большого и значимого проекта советского правительства.

Почти все они были награждены медалью «За освоение целинных и залежных земель», отец и бригадир Николай Ефремович Коротков были представлены к ордену Трудового Красного Знамени. Но получить этот заслуженный орден отцу, в отличие от Н. Короткова, не довелось. Его фамилия без всяких объяснений была вычеркнута из наградного списка директором Грязновской МТС.

Причиной стала критика отцом его неблагоприятного поступка на открытом партийном собрании. Рабочие МТС с возмущением сообщили отцу как члену бюро парторганизации, что директор скупил в местном магазине все дефицитные макароны, предназначенные для продажи передовикам целинного производства. За допущенное злоупотребление виновник получил строгий выговор по партийной линии, а фамилию отца в отместку директор МТС вычеркнул из наградного списка. Позже отец не раз сожалел не о неполученном ордене, а о своём критическом выступлении, поскольку с запоз-

*Группа целинников на выставке ВДНХ
(отец четвертый справа во втором ряду). 1956 г.*

данием узнал, что жена директора пережила блокаду в Ленинграде, была больна и остро нуждалась в усиленном питании.

Сегодня мне очевидно, как никогда, что при всех издержках и критических оценках целина была самым грандиозным и удачным аграрным проектом в послевоенной и последующей жизни страны. Самую верную и объективную оценку ей дали сами деревенские жители, ветераны колхозного производства. По их словам, благодаря целине сельские труженики впервые за долгие годы досыта наелись хлеба, испечённого из доброкачественной муки, и получили большое количество зерна на трудодни. А главным показателем и достижением в урожайные целинные годы стала высокая рождаемость. По меткому замечанию моего отца, дети рождались и росли как грибы после тёплого летнего дождя. В эти годы наша семья пополнилась погодками Наташей и Петей.

Благодаря неустанной, во многом подвижнической работе всего коллектива, в котором были сильны заложенные ещё старообрядцами трудовые традиции, и постоянным усилиям и заботам моего отца, колхоз постепенно набирал силу. Подъёму хозяйства способствовала и более взвешенная аграрная и социальная политика государства, проводимая в период «оттепели». Списание кабальных долгов, снижение огромных налогов, укрепление производственных фондов за счёт реорганизации МТС, и частичная механизация трудоёмких процессов в аграрном секторе экономики дали свои положительные результаты. Немаловажное значение имело и постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 июля 1957 года «Об отмене обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих», которое позволило впервые после войны заметно улучшить материальное положение и благосостояние колхозных тружеников и рабочих промышленных и других предприятий.

Но достигнутое благополучие в колхозе и в жизни его председателя было непрочным и нестабильным. Оно во многом зависело как от природных климатических условий, так и от системы управления сельским хозяйством, в которой господствовали не экономические, а преимущественно политические, командные методы руководства, сформированные ещё в 20-30-е годы. Об этом ярко свидетельствовали последующие события, произошедшие в его председательской управленческой практике и в судьбе в целом.

Лето 1957 года выдалось на редкость жарким и засушливым. Урожай зерновых на новых целинных землях, несмотря на соблюдение всех агротехнических норм едва составил 10 центнеров с гектара. В районе этот показатель был значительно ниже, многие хозяйства едва собрали семена для будущего года. Но невзирая на все капризы природы, колхоз «Большевик» выполнил план хлебосдачи государству; были засыпаны необходимые семена и фураж, а для расчёта с колхозниками оставлено более 2 000 центнеров зерна. В других хозяйствах дела обстояли намного хуже, район значительно недовыполнил план поставок государству зерна и другой сельхозпродукции.

В возникшей критической ситуации руководство района приняло волевое решение забрать зерно у хозяйств, имеющих, по мнению партийных органов, излишки зерна. В колхоз без предупреждения нагрянули уже известный секретарь райкома Уткин и председатель райисполкома Замятин. Не ставя в известность председателя, они потребовали у заведующего зерноскладом Александра Короткова показать хранившееся там зерно, чтобы определить его объём. Затем, найдя нашего отца, потребовали дополнительно сдать государству зерно, предназначенное на выплату трудодней колхозникам. Отец пытался воспротивиться этой явной несправедливости, но получил грозное предупре-

ждение об его ответственности перед партией и угрозу судом. Прибывшие вскоре по указанию районного начальства грузовики быстро вывезли из колхозных закомов всё зерно, оставив лишь небольшую часть, предназначенную на семенные нужды.

В знак протеста отец подал заявление об освобождении его от должности председателя. Его просьба начальством была незамедлительно удовлетворена. В марте 1958 года на смену ему райком прислал «чужака» Дмитриева, а отцу предложили стать его заместителем. Однако принципиальный отец решительно отказался, по его словам, «быть в пристяжных», за что был вновь назначен бригадиром тракторной бригады. В его обязанности входило прежнее руководство полем, которое составляло 3300 гектаров пахотной земли, обеспечение зерном и кормами большой животноводческой фермы, значительного конского поголовья и птицеводческого хозяйства.

Поставленный райкомом председатель из числа выдвиженцев партии – «тридцатитысячников» и его заместитель с возложенными на них задачами не справились. Их неумелое руководство привело к падению производства, трудовой дисциплины и, как следствие, к значительному снижению доходов колхозников. Замена председателя новым партийным выдвиженцем Ефремом Климентьевым также не улучшила ситуацию. Спад колхозного производства совпал с проводимой аграрной реформой Н.С. Хрущёва. В связи с принятой партией линией на укрупнение хозяйств, их специализацию и централизацию руководства предприятиями колхоз «Большевик» был лишён хозяйственной самостоятельности, говоря современным языком, статуса юридического лица и присоединён в качестве отделения к совхозу «Искра».

В условия реорганизации колхозного строя отца, вопреки его желанию, назначили управляющим центральной усадьбы совхоза «Искра». Возражая против своего назначения, он тщетно ссылаясь на недостаток образования и опыта для работы в новой системе хозяйствования. Но руководство совхоза, хорошо зная его по прежней работе, настояло на его кандидатуре перед райкомом.

Отец был направлен на трёхмесячную учёбу управляющих ферм, организованную при Омском сельхозинституте. После завершения учёбы и сдачи экзаменов на «отлично» он получил предложение учиться в институте, не сдавая при этом вступительных экзаменов. Но ему пришлось отказаться от этого заманчивого предложения по семейным обстоятельствам – наша мама ждала шестого ребёнка, и к тому же нам предстоял переезд на новое место жительства. Впоследствии он сожалел, что не сумел воспользоваться этой предоставленной возможностью повысить свою квалификацию.

Посёлок Искра значительно превосходил Каральное численностью населения и своей социальной и производственной устроенностью. В нём была десятилетка, участковая больница, Дом культуры, хлебопекарня, РТМ, строительный цех и другие объекты жизненно необходимой инфраструктуры, созданные в основном за счёт государственных вложений.

Но наш переезд так и не состоялся, поскольку отец недолго проработал управляющим в Искре. Его с самого начала поразило отсутствие прилежания к труду у совхозных рабочих и специалистов, имеющих среднее и высшее специальное образование. Производительность и эффективность труда в совхозе были значительно ниже, чем в его колхозе. Получая фиксированную нормированную зарплату и постоянные государственные субсидии, работники совхоза не стремились к большим трудовым успехам.

Совхоз постоянно пребывал в убыточном состоянии, но его долги регулярно списывались, и материальные интересы трудового коллектива от этого не страдали. При наличии в посёлке свободных рабочих рук, особенно среди неработающих жён, неплохо оплачиваемых трактористов, шофёров и строителей, на ферме хронически не хватало доярок, телятниц и других работников. В своих воспоминаниях, оценивая производственную деятельность и трудовую активность в совхозе, отец не без оснований назвал совхоз «коллективом наёмных рабочих, который нещадно эксплуатирует государственные средства».

Он не мог мириться с таким нерадивым отношением к совхозному производству и, продержавшись только три месяца в должности управляющего, подал заявление о своём увольнении. Его не остановил даже административный нажим директора совхоза, райкома партии и угроза партийного взыскания за оставление своей должности.

Перевод управляющим фермы в небольшую деревню Станкевичи стал для отца своего рода наказанием за его непокладистый характер, упорство и настойчивость, которые он неоднократно проявлял, сталкиваясь с косностью, безответственным и бесхозяйственным отношением к делу.

Указанная выше деревня возникла в период столыпинской реформы и получила своё необычное название от фамилии тобольского губернатора Станкевича, подписавшего распоряжение о выделении земли латышским переселенцам. Старожилы именовали её обычно Латсменой, так называлась в сокращённом варианте прежняя сельхозартель, возникшая в ранний советский период. В деревне жили преимущественно латыши, занимавшиеся в основном овцеводством; в хозяйстве имела также небольшая молочная ферма с зерновым производством.

Оказавшись на новом месте работы, отец быстро с ней освоился, познакомился с местным латышским населением, проникся уважением к его национальным традициям и обычаям, добился своего признания и в то же время получил строгое взыскание от районных властей.

В самый разгар сенокосной страды, не признающей выходных дней, по настойчивой просьбе жителей посёлка он предоставил им выходной день для празднования популярного у латышей национального праздника Лиго или Янова дня. За этот проявленный «либерализм и попустительство» он получил строгий выговор от инспектирующего хозяйство в этот день секретаря райкома. Через некоторое время, прибыв вновь для очередного контроля, этот же секретарь устроил отцу новый грубый разнос, но уже «за неправильную укладку силоса» для совхозных овец, показав этим свою полную некомпетентность.

Сталкиваясь не раз в своей жизни с таким неоправданным администрированием и явной некомпетентно-

стью и грубостью в руководстве сельскохозяйственным и другим производством, отец, по его словам, с большим трудом сдерживал отрицательные эмоции в адрес подобных управителей и нередко публично критиковал их действия, навлекая тем самым на себя ещё большее недовольство вышестоящего начальства.

Его пребывание «в латышах» было непродолжительным, но плодотворным. За короткий период отец сумел добиться строительства нового здания для местной начальной школы, сделать капитальный ремонт обветшавших овечьих кошар, значительно расширить посевную площадь зерновых культур. Хозяйство успешно выполняло планы по сдаче зерна, мяса и шерсти государству и заняло одно из первых мест среди 70 овцеводческих хозяйств области. В марте 1964 года в Станкевичи прибыли работники областного телевидения, которые «засняли» отца и его работников и показали их как передовых тружеников на экранах появившихся в городе и пригородных сёлах телевизоров. С группой передовиков аграрного производства Омской области он вновь был награждён поездкой в Москву, где посетил ВДНХ, образцовое подмосковное хозяйство и ознакомился с другими достижениями сельского хозяйства страны.

В этом же году он стал делегатом областной партийной конференции, на которой первым секретарём был избран И. Манякин, ставший со временем одним из самых авторитетных сибирских руководителей, получивший заслуженное звание Героя Социалистического Труда. К новому секретарю отец вскоре обратился в связи с возникшей в хозяйстве эпидемией ящура с просьбой оказать помощь, которая и была незамедлительно оказана. Прибывшие на место работники областной санэпидстанции и местного ветеринарного института быстро выявили очаги инфекции, дали рекомендации по их ликвидации, которые позволили

быстро преодолеть вспышку эпидемии и не допустить дальнейшей гибели животных.

Наша энергичная деятельная мама, родив седьмого ребёнка, тоже не сидела без дела. Она легко вошла в новый коллектив и даже стала рекордсменкой на ежегодно проводимой летом ручной стрижке овец, носившей соревновательный характер, чем немало поразила опытных, набивших руку местных стригалей.

Родители сблизилась в селе с одинокими стариками Гринбергами и большим семейством ровесника отца Семёном Мадисом. Гринберги были незаурядными людьми – активными комсомольцами в далёкие 20-е годы, большими колхозными тружениками, хорошими скрипачами и заядлыми шахматистами. Их взрослые дети давно уехали в далёкую Ригу, и одинокая чета Гринбергов проводила всё свободное время за шахматами и игрой на скрипках, нередко выступая при этом перед сельской аудиторией. Однажды мне удалось выиграть у старика партию в шахматы, полагая, что он умышленно уступил эту партию мне, за что я получил от него в подарок хороший шахматный набор. Мадис был отцом восьмерых детей, прекрасным сельским электриком-рационализатором; о его технических изобретениях, успешно внедрённых в производство, не раз писала районная газета.

Во время хозяйствования в Станкевичах отец единственный раз в жизни отступил от своих твёрдых жизненных принципов, а точнее говоря, смалодушничал. Об этом он доверительно рассказал мне, когда я сам стал руководителем.

После завершения ремонта кошар наёмной бригадой строителей из Северного Кавказа он отказался подписать акт о приёмке выполненных ими работ. Строители допустили небольшие недоделки, и отец резонно потребовал их устранения. В ответ на справедливые замечания отца пригласили «на разбор», где

бригадир и его подчинённые, угрожая ему физической расправой, потребовали подписаться под приготовленным актом. К своему удивлению, отец увидел в нём уже подпись совхозного прораба, курировавшего ход и качество строительных работ. Ему также недвусмысленно напомнили, что у него большая семья и она может остаться без кормильца. Испытывая такое давление, отец впервые в жизни ощутил страх – не за себя, а за судьбу своего большого семейства. Он поставил свою подпись под злополучным актом, пойдя впервые в жизни на сделку с совестью.

Управленческая деятельность отца в «Латсмене» едва не окончилась для него и всей семьи большой трагедией. Вырвавшийся на волю после долгой зимовки в коровнике свирепый бык-производитель крушил всё подряд, ловко уворачиваясь при этом от верёвки ловивших его рабочих фермы. Мой бесстрашный отец сумел всё же набросить на рога разъярённого быка прочную верёвку, но при этом получил от него сильный удар в голову. Значительная не долеченная в районной больнице травма впоследствии часто беспокоила его сильными головными болями и привела позже к частичной глухоте.

Пребывание отца в Латсмене совпало с новыми трудностями, возникшими в результате перекосов в проводимой политике Хрущёва в аграрной сфере экономики. Из-за неурожая 1962 и 1963 годов, вызванных в немалой мере, помимо субъективного фактора, также и сильной засухой, в стране было введено впервые после войны нормированное суточное потребление хлеба в городах и сёлах, составлявшее 400 грамм на человека; ограничения распространялись и на другие продукты питания.

Выгоревшие травяные гривы, поля с зерновыми культурами и многолетними травами создали серьёзную угрозу заготовке кормов для общественного животноводства и частных приусадебных хозяйств как текущего, так и последующего года.

В сложившейся обстановке отцом были предприняты срочные энергичные меры для создания необходимой кормовой базы. Трудолюбивыми латышами вручную, косами были выкошены все места, недоступные для механизированной уборки сена: ляги, займища и болота, что позволило заготовить с немалым трудом необходимое количество грубых кормов. По рекомендации учёных были даже наготовлены веники из молодых берёз, которые могли употребляться животными. В заготовительной кормовой компании участвовали все жители, включая школьников и пенсионеров. Совместными усилиями удалось создать нужный запас кормов и решить возникшую острую проблему.

Не все хозяйства в районе и области сумели справиться с возникшим продовольственным и фуражным обеспечением. Критическое положение с кормами для общественного животноводства и птицеводства возникло в бывшем колхозе «Большевик», где новое руководство не сумело организовать население должным образом на заготовку кормов. Замена нерадивого руководителя другим присланным райкомом номенклатурным работником также не улучшило положение дел.

Возникшая реальная угроза массового падежа животных и резкое снижение всех показателей хозяйственной деятельности бывшего колхоза заставило районную власть вернуть отца на прежнее место работы. Я был свидетелем, когда в наш дом зимой 1964 года неожиданно прибыли представители районного руководства и совхозного начальства. За накрытым мамой столом они долго убеждали отца вернуться на прежнее место работы, давая при этом несбыточные обещания в оказании необходимой хозяйству помощи. Отец, хорошо зная цену этих заверений и не раз уже получивший неоправданные взыскания и нарекания от начальства, не сразу дал своё согласие на новое назначение.

Его убедила в этом наша мама, которая была заинтересована в возвращении на родину, где прошло её короткое детство и жили старые родители и другие родственники. Перед новым назначением, наша заботливая мама убедила мужа взять путёвку в санаторий в Сочи, где он впервые за пятнадцать напряжённых послевоенных лет сумел немного отдохнуть и поправить заметно пошатнувшееся здоровье.

Возвратившись из санатория, отец с большим трудом смог завершить трудную зимовку совхозного стада. Благодаря его энергичным мерам были приобретены у других хозяйств района и области корма: сено, силос и комбикорма, часть фуража даже пришлось закупать в Кировской области, и тем самым был предотвращён падеж животных и гибель большого птичьего хозяйства.

Положительными моментами переезда в Караульное стало переселение нашей семьи в новый более просторный дом и встреча детей со старыми школьными друзьями. Наша энергичная мама сама организовала переезд в Караульное, не дожидаясь возвращения мужа из санатория. Соседи помогли нам погрузить мебель, домашние вещи, скот на транспорт, проводили на прежнее место жительства. Разместившись в новом, ещё пахнущем смолой и свежей краской доме, сложенном из толстого соснового бруса, мы вполне обжились в нём к приезду отца.

Мама всегда поражала нас не только своей неисчерпаемой энергией и трудолюбием, но и умением самостоятельно решать любые хозяйственно-бытовые вопросы. Накануне приезда отца она попросила меня, своего старшего десятилетнего сына, помочь ей зарезать барана для встречи мужа. Такими вещами занимался, разумеется, только наш отец, и я очень удивился её решению. К тому же я, как и многие дети, никогда в этом не участвовал и очень боялся крови. Но проснувшийся интерес и настойчивость мамы победили мои колебания. Мы не сразу поймали барана, почувство-

вавшего грозящую ему опасность, и долго прятался среди других овец, и пока я, отвернувшись от совершаемой казни, держал его, моя мама, умело орудуя ножом, быстро справилась с делом. На мой вопрос, кто её этому научил, она ответила кратко: «Война, сынок, всему нас обучила».

Возвратившийся из санатория удивлённый отец не нашёл семью на прежнем месте. Он привёз всем детям кавказские подарки, а мне – невиданные ещё в деревне джинсы с заклёпками, сразу ставшие предметом зависти моих сверстников, и причудливую морскую раковину. При этом отец примчался из Станкевичей на необычном для Сибири серебристо-яблочном жеребце орловской рысистой породы, по имени Латыш. Заметим, единственным условием отца при переходе его на новое место работы был перевод с ним и его любимца, который своим необычным окрасом и горячим нравом и ездовыми качествами заметно выделялся среди непородистых рабочих тягловых лошадей.

Ещё во время пребывания в Латсмене отцу пришлось изрядно попотеть, чтобы приручить и объездить этого непокорного и порывистого скакуна, который не раз сбрасывал его из седла, рвал ненавистную ему упряжь, ломал прочные берёзовые оглобли и ворота нашей усадьбы при выезде из двора.

Наша мама, хорошо знавшая с детства повадки лошадей, неоднократно просила его оставить это опасное, требующее особых умений и сноровки, занятие. Видя яростное сопротивление и непокорство Латыша, она не раз со страхом восклицала: «Паша, ведь он может убить тебя!». Но упорства и терпения отцу было не занимать. И, в конце концов, Латыш признал его более сильную волю и покорился своей судьбе. Он стал любимцем всего села, нередко становился победителем совхозного и районного соревнований по верховой езде. На мой взгляд, и в этом, казалось бы, незначительном эпизоде

проявился бойцовский характер отца, его непреклонность, умение преодолевать любые препятствия и способность решать поставленные перед собой задачи.

Однако, к великому горю отца и сожалению всех односельчан жизнь Латыша оказалась непродолжительной. Учитывая его «несибирское» происхождение, горячую кровь и нрав, отец всегда заботливо укрывал зимой его разгорячённый круп не только попоной, но и тулупом, и строго-настрого запрещал нам, сыновьям, поить его холодной водой после поездок. Но однажды этим правилом пренебрегли постоянно пропадавшие на конюшне подростки, которые после зимней быстрой езды напоили его ледяной водой, что привело к его преждевременной смерти.

Смерть Латыша стала для отца огромной потерей. Его гневу не было предела. Заведующего конюшней спасло от серьёзного наказания лишь то, что он был фронтовиком-инвалидом, отцом пятерых несовершеннолетних детей, а также заступничество моей матери, умевшей умело умирять мимолётные вспышки гнева своего мужа и сглаживать возникавшие острые конфликтные ситуации.

После непредвидимой, неумышленной гибели своего любимца отец перестал пользоваться конным видом транспорта, предпочитая объезжать летом и осенью большие колхозные поля и угодья на своём мотоцикле или на грузовом автомобиле, а на производственные участки ходил пешком. По неведомой мне причине он не имел распространённого в совхозном производстве «газика», который был незаменимым транспортным средством в условиях сибирского бездорожья, или он не хотел пользоваться им. Отец также с нескрываемой грустью отправлял на районный мясокомбинат отживавших свой срок лошадей, этих незаменимых колхозных тружениц, с которыми во многом были связаны воспоминания его нелёгкого детства и ранней трудовой деятельности.

Слово колхозника

Орган Увельского района Коммунистической партии Советского Союза
и райсовета депутатов трудящихся

№ 68 (2289) ЧЕТВЕРГ, 26 августа 1956 года Год издания XXIV Цена 10 коп

Селькор районной газеты

Советская печать—самое сильное, острое оружие Коммунистической партии. Печать несет в массы великие идеи ленинизма, является коллективным пропагандистом, агитатором и организатором. Вся наша печать строится на материалах рабочих и сельских корреспондентов, партийного и советского актива, а также всем трудящихся.

Коммунистическая партия воспитала многочисленную армию рабочих и сельских корреспондентов—активных борцов за строительство коммунизма.

Общезвестно, что печать и ее рабочие корреспонденты сыграли большую роль в развертывании социалистического соревнования за успешное выполнение сталинских пятилеток. Сельские корреспонденты вошли в историю, как активные и самоотверженные борцы за победу колхозного строя.

В наши дни сельские корреспонденты—это переломные люди советской деревни. В районной газете «Слово колхозника» насчитывается более ста рабкоров и селькоров. Наиболее активно принимают участие районная газета райкома, бригадир тракторной бригады т. Шашков, инженер т. Туров, зоотехник т. Рыскин, звеньевой т. Фейгина и другие. На страницах газеты помещаются и заметки школьников, полеводов, рабслужащих—передовых дел района.

Сила сельских корреспондентов—в их глубоком знании колхозной жизни, в их письмах и корреспонденциях селькоры освещают и многообразную жизнь колхозной деревни, пропагандируют опыт передовиков сельского хозяйства, смело вскрывают и указывают на недостатки в колхозах, МТС и совхозах. Селькоры помогают партийным организациям бороться с отсталыми элементами.

Колхозы и совхозы выполнили

Благодаря самоотверженности работников МТС и совхозов работы партийных и советских организаций выполнены в срок. Колхозы и совхозы выполнили план по уборке урожая, что давало возможность в августе-сентябре приступить к заготовке (без кукурузы) кормов для скота. Значительно возросла производительность труда колхозников.

критику и самокритику. Они непримиримо борются с недостатками, со всем, что тормозит экономический рост колхозов, мешает нашему движению вперед.

Своим острым словом селькор разоблачает нарушителей Устава сельхозработ, бюрократов, бражников, расхищателей социалистической собственности. Он стоит на страже интересов социалистического государства.

Сельские корреспонденты многое сделали для развешивания и укрепления советской печати. Их письма в газету являются свидетельством политической активности тружеников села, проявлением заботы о дальнейшем росте и процветании социалистического сельского хозяйства, об укреплении могущества нашей Родины.

Коммунистическая партия и Советское правительство поставили огромную задачу перед тружениками колхозной деревни—в ближайшие годы добиться крутого подъема сельского хозяйства. Долг сельских корреспондентов—своим печатным словом помочь партийным организациям, передовым

ПО НАШЕМУ РАЙОНУ

35 центнеров с гектара

Коллектив первой колхозной бригады сельхозработ «Путь к коммунизму» в содружестве с механизаторами тракторной бригады т. Прокопьева выростил богатый урожай пшеницы на площади 35 гектаров.

Тока подготовлены к приему зерна

В колхозе имени Карла Маркса бригады т. Семкина, несмотря на дождливую погоду, не прекращаются работы по ремонту и строительству крытых токов. В бригаде отремонтированы один ток, один построен вновь и заканчивается

ПОВЫШЕННЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ДОЯРКИ

Очень многое увидела Анна Андреевна Черник, доярка колхоза «Восход», из Восточной сельскохозхозяйственной пашаи. Она побывала почти во всех пашаиных. Больше всего ее интересовали животноводческие фермы. Там она очень внимательно слушала рассказы

Сельские корреспонденты призваны во время подхватывать и через печать широко распространять опыт новаторов колхозного и совхозного производства, бороться за укрепление трудовой дисциплины, за успешное проведение всех сельскохозяйственных работ.

НАВСТРЕЧУ ДНЮ ШАХТЕРА

На днях комбайнер т. Морин приступил к косовице прося. С первого убранного гектара получено 35 центнеров зерна бункерского веса.

П. БЕЗБОРДОВ, помощник бригадира тракторной бригады.

Наличие трех крытых токов позволяет в период массовой уборки полностью разместить зерно нового урожая и вести подработку зерна при любых погодных условиях.

П. СЕМИН.

Н. ЕВДОКИМОВ.

Успех коллектива первого карьера

Коллектив первого рудника Челябинского рудоуправления самоотверженным трудом отражает на поставленные польского Пленума Центрального

Век как руководство

Отец никогда не был ретивым и карьерным сельским функционером-коммунистом, слепо и добросовестно исполняющим указания сверху. Его, как и деда, не раз критиковало районное руководство за допущенное «самоуправство» в решении острых социальных и производственных вопросов, а районная газета «Искра» осуждала за «неправильное внедрение агротехнических новшеств в земледелии», которые вскоре давали хорошие результаты.

Как и Егор Трубников, главный герой фильма «Председатель», он пытался препятствовать сверхплановой сдаче зерна государству, лишаящей колхозников выплаты трудодней и обрекающей их на полуголодное существование. Немало внимания и заботы отец уделял семьям погибших фронтовиков, инвалидам войны и труда, многодетным семьям. Во избежание хищений сельхозпродукции он разрешал продажу молока, мяса, зерна нуждающимся жителям по их себестоимости, то

Живет и работает дружная Караульная

На строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции состоялся

пуск нижних судовых шлюзов.

На снимке: выход первых судов из камеры шлюза.

Фотохроника ТАСС

18 «Путь к коммунизму» 107

МТС

1 Катевская МТС 155

2 Увельская МТС 185

3 Рождественская МТС 121

4 Андреевская МТС 124

есть по низким потребительским ценам, вызывая тем самым большое недовольство вышестоящего начальства, запрещавшего подобную практику до и даже после выполнения плановых заданий государству.

Когда у колхоза не было нужных средств и ресурсов, а районные власти не могли решить возникавшие насущные социальные и производственные проблемы села, отец не боялся обращаться «через голову» непосредственно к областным руководителям и, как правило, добивался положительных результатов. Так было при электрификации колхоза в первое послевоенное десятилетие, борьбе с эпизоотией скота и птицы в начале 1960-х годов, преодолении последствий наводнения 1969 года, приведшего к затоплению значительной части пахотных земель, при строительстве зданий новой школы, детского сада и в решении других жизненно важных для села вопросов.

Среди руководителей хозяйств района отца отличала самостоятельность, инициатива, свой взгляд на перспективы развития сельского хозяйства.

Он не смог примириться с проводимой государством постоянно меняющейся стратегией развития сельского хозяйства. Отец не понимал и не принимал аграрную политику Н.С. Хрущёва, направленную на укрупнение хозяйств, преобразование рентабельных колхозов в совхозы, чрезмерное увлечение «королевой полей» – кукурузой и другие неоправданные аграрные новации. Заметим, что в развернувшуюся в стране широкую кампанию – «битву за урожай» и в производство мяса широко вовлекались даже учащиеся образовательных заведений. В Караулинской школе подростки, как и в других местах, разводили кроликов, участвовали в прополке корнеплодов: кормовой свёклы, турнепса, уборке картофеля и в других полезных, но малоэффективных трудовых делах, не способствующих, как известно, значительному подъёму сельского хозяйства.

С присущей ему горячностью он осуждал мелочную, зачастую некомпетентную опеку сельских руководителей советскими и партийными органами, нередко выступал с обоснованной критикой местных властей, требовавших слепого исполнения непродуманных указаний сверху, противился многим директивным установкам. Особенно его возмущала проводимая правительством линия, направленная на ограничение личного подсобного хозяйства тружеников села, урезание размеров приусадебных участков, которые в 1950–1960-е годы поставляли почти половину в общем объёме производимого в стране мяса, молока, овощей и других продуктов.

Как известно, импульсивные, непродуманные шаги по реформированию сельского хозяйства, в полной мере созвучные широкой, противоречивой натуре Хрущёва, явились одной из важных причин возникновения острого продовольственного кризиса, разразившегося в стране в 1962–1963 годы. Введение хлебного нормирования населения и повышение цен на основные виды продовольственных товаров привело даже к страшной трагедии в Новочеркасске – расстрелу мирной демонстрации рабочих, отстаивающих свои гражданские права на более достойную, обеспеченную продуктами питания жизнь.

Отец не мог примириться также с правительственным курсом, направленным на узкую специализацию аграрного сектора, ликвидацию в стране неперспективных деревень, частую реорганизацию системы управления и другими зачастую необоснованными и неэффективными партийными, государственными мерами, не вызывавшими, как известно, подъём сельскохозяйственного производства.

Он на практике убедился, что слияние его бывшего многоотраслевого рентабельного колхоза с убыточным государственным предприятием не дало желаемых результатов. Несмотря на то, что его отделение всегда выполняло плановые задания и приносило не-

малый доход, другие производственные подразделения совхоза «Искра» оставались, как и прежде, убыточными. Как следствие этого, результаты труда рабочих и служащих совхоза и бывшего колхоза нивелировались, у многих работников совхозного производства не было весомых стимулов к повышению трудовой активности, и государственное предприятие демонстрировало по-прежнему низкие экономические показатели.

Но несмотря на все издержки, порождённые непродуманной правительством аграрной стратегией, созданную в СССР колхозно-совхозную систему и управление аграрным сектором он считал вполне жизнеспособными, обеспечивавшими полную занятость населения, и не исчерпавшими до конца своих потенциальных возможностей. В то же время отец допускал и приветствовал возникновение в период горбачёвской перестройки новых видов и форм хозяйствования на селе: кооперативов, фермерских (крестьянских) хозяйств, агрофирм и других структур аграрного производства, справедливо отстаивая тем самым необходимость и возможность существования на селе многообразных форм и методов ведения сельского хозяйства.

В своей управленческой деятельности отец заметно отличался от многих сельских руководителей. Он нередко личным примером старался увлечь людей на выполнение срочных хозяйственных задач, которые в горячую страду приходилось решать всем сельским «миром» на многочисленных «субботниках», «воскресниках», и других трудовых дел.

Я хорошо помню коллективные выезды жителей села на сенокосные угодья, расположенные в займищах, лягах, на берегах озёр и болот. Отец не просто организовывал работу и контролировал все её этапы, но и сам принимал в них деятельное участие, привлекая к ним нашу маму и своих старших детей. При этом дневная норма ручной выработки при заготовке сена для

общественного стада, включавшая в себя копнение, подвоз копён к зароду и его метание, для каждой сельской семьи составляла 10 тонн. Заметим, что норматив при механизированном способе заготовки грубых кормов с использованием стогаoméта, который появился лишь в начале 60-х годов, составлял всего лишь 25 тонн.

Не оставался отец в стороне и от других сельских дел. Недовольный объёмом ежегодных заготовок строительного леса для ремонта большой животноводческой фермы, он вместе с бригадой лесорубов выезжал на отведённую деляну, где помогал валить деревья, очищать их от сучьев, грузить на тракторные прицепы и отправлять на местную пилораму. Обладая немалой физической силой, отец всегда при погрузке леса брался под комель тяжёлого берёзового бревна, воодушевляя тем самым других работников. Производительность труда при этом значительно возрастала.

Мне также запомнилось участие отца в широко распространённой в Караульном, как и по всей Сибири, организации «помочей» при строительстве частного жилья. По заведённому исстари правилу, хозяин строящегося дома готовил сам сруб или нанимал работников, затем приглашал плотников-односельчан помочь установить сруб на указанное им место. В назначенный выходной день участники «помочи» переносили брёвна сруба на отведённое место, укладывали их на озёрный мох, стелили потолок, устанавливали стропила вместе с кровлей; благодаря слаженной работе сельчан дом возводился «под крышу» в самые короткие сроки. Завершались строительные работы непременно угощением «подрядчиком» трудившихся работников самогоном или крепкой брагой.

Благодаря «самострою» и организации «помочей» в послевоенные годы деревня заметно пополнилась новыми домами и хозяйственными строениями. С помощью распространённого в 1950–1960-е годы, так

называемого хозяйственного способа (строительство своими силами и ресурсами) были построены не только многие производственные помещения, электростанция, мастерские, хранилища, но и важные социальные объекты: восьмилетняя школа, детский сад, медпункт, сельский клуб, библиотека и другое.

В отличие от многих руководителей, отец, как и его родитель, никогда не использовал свой административный ресурс для удовлетворения собственных нужд и материальных интересов своих родственников, не извлекал никаких выгод из своего служебного положения.

В заготовке сена для личного подворья участвовали все члены нашей большой семьи, вручную выполняв весь объём трудоёмких сенокосных работ: косьбу, копнение, метание сена. Хотя в 1960–1970-е годы эти работы в колхозе и в совхозе для всех работников выполнялись уже механизированным способом, отец никогда не пользовался этим законным установленным правилом. На мой взгляд, утренняя ручная косьба была для отца своего рода зарядкой перед чрезвычайно нагруженным делами летним трудовым днём, а кошение вечером травы снимало накопленную за день большую эмоциональную усталость.

Дрова на зиму отец также заготавливал сам, с помощью своих сыновей. Мы – его сыновья-подростки – обеспечивали летом семью свежей рыбой, которую ловили сетями домашней вязки в местных озёрах и грибами, которыми изобиловали окрестные леса. Сбором и заготовкой ягод, приготовлением солений и варенья занимались обычно мать с дочерьми и бабушка. Все эти выполняемые семейным «миром» домашние работы, с чётким распределением труда и обязанностей между всеми членами семьи, были лучшими средствами и методами воспитания детей. Они во многом способствовали формированию у нас трудолюбия, взаимопомощи, родственной и духовной близости, сохранившейся до сих пор.

Обладая сильным, властным и крутым характером, отец в то же время снисходительно относился к человеческим слабостям и мелким порокам членов его трудового коллектива. Как руководитель, он никогда не прибегал к помощи вышестоящих инстанций в разрешении возникавших трудовых споров и конфликтов, предпочитал использовать свои воспитательные методы воздействия к нарушителям трудовой дисциплины и общественного спокойствия. Примечательно, что даже к нерадивым работникам и пьяницам, к которым в деревне обращались зачастую по прозвищам, он относился уважительно, называл их всегда по имени-отчеству, чем приводил их в немалое смятение и замешательство.

Никто из его коллектива не был уволен по распространённой в советское время 33-й статье, означавшей расторжение трудовых взаимоотношений с наёмным работником по инициативе работодателя. После такой записи в трудовой книжке устроиться на квалифицированную высокооплачиваемую работу было практически невозможно. Он также не подвергал мелких хулиганов и семейных дебоширов к широко распространённым пятнадцати суточным общественным работам, что нередко практиковали другие руководители.

В течение многих лет отец избирался заседателем районного суда. При обсуждении рассматриваемых дел он нередко старался смягчить неоправданно строгие судебские решения. В спорах со своими коллегами неоднократно заявлял, что нельзя калечить судьбу человека из-за мешка украденного им комбикорма или при совершении другого малозначительного некриминального проступка.

Даже в острых конфликтных ситуациях отец никогда не терял самообладания. Однажды тёмным зимним вечером, когда наше большое семейство мирно ужинало, в дом неожиданно ворвался недавно освободившийся бывший уголовник, от которого сильно

разило сивухой. С обнажённым большим ножом в руке и злобным, рвущимся на поводке огромным псом он привёл всех детей и нашу маму в состояние жуткого оцепенения. Глядя на отца, незванный пришелец угрожающе произнёс: «Я пришёл по твою душу». Причиной этой дикой выходки стала обида мужика на то, что ему не привезли ко двору обещанный зарод сена и ему нечем было кормить свою корову.

Отец, не вставая с места, спокойно, но твёрдо попросил его не пугать детей, покинуть наш дом и обещал во всём разобраться. Его твёрдая выдержка, скрытое спокойствие и хладнокровие оказали должное воздействие, нарушитель нашего покоя спешно, не попрощавшись, ретировался, а родители успокоили напуганных детей. На следующий день отец отчитал бригадира, виновного в невыполнении его поручения. К возмутителю нашего спокойствия он не применил никаких санкций, ограничившись с ним лишь серьёзной воспитательной беседой.

Отец старался учитывать в руководстве коллективом все человеческие факторы, в том числе любительские интересы и склонности своих подчинённых. В период открытия охотничьего и рыболовного сезонов, совпадающих с весенним севом и уборкой урожая, он находил возможность, невзирая на острую нехватку рабочих рук, предоставлять выходные или отгулы заядлым охотникам и рыболовам, которые потом с лихвой возмещали их своим добросовестным трудом.

Его племянник, наш сосед, Солнцев Леонид, прозванный за своё большое пристрастие к охоте и высокую нескладную, худощавую фигуру Журавлём, был одним из лучших охотников и стрелков в районе. Он мог сутками неустойчиво пропадать на охоте, терпеливо часами выслеживая какую-либо дичь или зверя. В благодарность за возможность утолить свою большую охотничью страсть он нередко угощал нашу семью

озёрной или боровой дичью, которую добывал всегда в большом количестве.

Дядя Лёня представлял собой яркую колоритную личность. Он хорошо знал всех представителей местной фауны и особенности их обитания, был постоянным подписчиком, внимательным читателем журнала «Охота и охотничье хозяйство» и одним из самых удачливых и просвещённых охотников-натуралистов в округе. Его заветным желанием было стать егерем-охотоведом в своём районе. Поэтому он немало содействовал созданию на озере Мангут, богатом водоплавающей дичью и ондатрой, государственного природного заказника и даже написал по этому поводу письмо в Москву с обоснованием его необходимости. Но препятствием назначения дяди Лёни на должность егеря учреждённого по его ходатайству заказника, стала большая привязанность к Бахусу. Поэтому эта возделенная должность, к его великому огорчению, закончившемуся запоем, досталась другому.

Обладая хорошим голосом, незаконченным музыкальным образованием и природным артистизмом, он был также лучшим гармонистом-частушечником и танцором на селе и в округе, завсегдаем многих сельских семейных и других праздников. Нередко, войдя в кураж, под влиянием изрядно выпитого алкоголя, он играл на гармонии с такой страстной силой, что не раз рвал её слабые меха. Зная за собой эту слабость, он покупал только дешёвые гармони и не брал с собой на сельские праздники любимый им дорогой баян. Чрезмерная любовь дяди Лёни к народным гуляниям способствовала развитию у него известной пагубной привычки, что и привело к преждевременной смерти, несмотря на его прекрасное физическое здоровье и невероятную выносливость.

Свою неуголённую хмельную страсть дядя Лёня Журавель гасил неистовой физической работой и ярким сочным сквернословием, где ему также не было

равных. Ко всему прочему, обладая живым характером, горячим темпераментом и острым языком, он пользовался немалым успехом у одиноких женщин, особенно у вдов, чем любил похвастаться среди нас, молодых парней. Отец не раз безуспешно пытался вразумить своего не во всём «путёвого», неугомонного племянника и очень сожалел, что пьянство сгубило этого незаурядного, наделённого многими способностями и задатками человека.

Сам отец, кстати, вовсе не был трезвенником, но мы никогда не видели его в состоянии сильного алкогольного опьянения. Он с удовольствием опрокидывал стопку-другую водки после бани, которая была у него любимым способом лечения от всех болезней и важнейшим терапевтическим средством; к посещению её с непременно берёзовым веником он приучил с детства всех своих детей.

Родители принимали приглашения родственников и сами принимали гостей по случаю радостных, памятных семейных событий. В застолье отец всегда произносил тосты, с удовольствием выпивал, любил слушать песни и наблюдать за танцами и плясками расслабившихся после нелёгкого сельского труда своих односельчан.

По окончании сева в колхозе, позже совхозе ежегодно проводился летний трудовой праздник – сабантуй. Из-за его тюркского названия происхождение сабантуя обычно связывают с празднованием окончания весенне-полевых работ у коренных народов Поволжья – татар, башкир, чувашей. Но это событие являлось на самом деле праздником всех славянских земледельцев, известным ещё со времен языческой Руси.

Сабантуй не сводился к простому застолью, а имел свои устоявшие традиции. В один из первых июньских дней, чаще всего в Троицу, все сельчане вместе с детьми выезжали «на природу» в близлежащую берёзовую рощу. Здесь, удобно и свободно расположившись на

Сельский праздник «Сабантуй» 1968 г.

Праздник в деревне 1950-е гг.

зелёной молодой траве, все участники сабантуйа слушали краткий отчёт отца или директора совхоза по итогам полевых работ и положении дел в животноводстве, рукоплескали награждённым грамотами и премиями механизаторам и дояркам, слушали выступление участников местной художественной самодеятельности. Лишь затем приступали к праздничному обеду с непременно горячительными напитками.

Я с детства видел много сельских праздников, но не помню случая, чтобы они сопровождались ссорами, пьяными драками, какими-то скандалами и присутствием на празднике участкового милиционера. Все деревенские праздники проходили весело, в спокойной доброжелательной атмосфере, в которой не было места неприятным происшествиям.

В то же время отец крайне негативно относился к пьяницам, особенно к семейным дебоширам и нерадивым работникам, нарушающим слаженный производственный процесс, особенно во время проведения срочных сезонных сельскохозяйственных работ. Хорошо зная в деревне всех работников, поклонников «зелёного змия», он требовал от бригадиров постоянно контролировать их и загружать работой, не допускать нарушений трудовой дисциплины при проведении сева, сенокосении, уборки урожая, кормлении и доении коров, где все звенья технологического цикла были тесно взаимосвязаны и зависимы от трудовых усилий каждого.

Даже в ненастную погоду, непригодную для выполнения сезонных странных работ, отец всегда стремился обеспечить работой механизаторов и шофёров, с тем чтобы «народ не расслаблялся». Одни из них были задействованы на транспортных работах, другие направлялись на заготовку леса для местной пилорамы, третьи занимались текущими ремонтными работами. Рабочий день в 1960–1980-е годы в горячую полугодовую пору длился обычно 12 часов, отгулы, как прави-

ло, предоставлялись только для решения неотложных, жизненно важных семейных и других личных дел.

Читатель, малосведущий в специфике и стиле управления сельскохозяйственным производством советского периода, может назвать методы руководства отца и других его современников – руководителей колхозов и совхозов – расхожими в современной печати прилагательными-ярлыками: командно-административные и мобилизационные. При этом критики-хулители советской управленческой системы забывают, что благодаря этим методам и поддержке государства после смерти Сталина были созданы необходимые условия для развития сельского хозяйства, которые обеспечили продовольственную безопасность страны и полную занятость сельского населения, а также значительное повышение его уровня жизни. Среднегодовая зарплата механизаторов и доярок в 1970–1980-е годы составляла стабильно 160–180 рублей в месяц, а зарплата инженера на заводе и фабрике в городе – всего лишь 110–120 рублей.

Немаловажно и то, что, в руководстве коллективом отец умело использовал и сочетал методы поощрения и наказания людей в зависимости от степени их заслуг и провинностей. Он умело подбирал на руководящие должности людей, радеющих за дело, хорошо проявивших себя в практической работе. Надёжными, незаменимыми помощниками отца были бригадир полеводства, уже названный выше Солнцев Павел Петрович, Петряков Михаил Изотович, агроном Зайцев Николай Николаевич, бригадир животноводства Жукова Валентина Фёдоровна, Дудолодов Владимир Андреевич, бригадир строительной бригады Бершауэр Александр Андреевич, механик Коротков Николай Ефремович, инженер Рябинин Владимир Максимович и другие замечательные труженики советской деревни.

Когда меня, выпускника классического университета, не имеющего никаких управленческих навыков и

даже знаний по педагогике, детской психологии и дидактике, назначили директором сельской школы, он дал мне немало бесценных советов, которыми я стараюсь руководствоваться до сих пор.

Основными заповедями отца было беречь людей, уметь работать с любым «человеческим материалом», принимать своих подчинённых такими, какие они есть, а не такими, какими мы хотели бы их видеть; всегда уважать человеческое достоинство. Он призывал меня видеть даже в самом отъявленном двоечнике и хулигане личность, будущего гражданина своей страны, проявлять заботу обо всех членах школьного коллектива, не обходить вниманием «маленьких людей»: уборщиц, кочегаров, сторожей, вносящих свой вклад в общее дело.

Об отношении наших родителей к людям ярко свидетельствует то, что в ненастную погоду и в распутицу наш дом нередко превращался в маленькую гостиницу. В ней останавливались на ночь люди, ехавшие автобусом в соседний посёлок Искра. Когда плохая грунтовая дорога раскисала от дождей или была занесена бураном и рейсовый автобус не мог двигаться дальше, пассажиры шли за помощью к отцу и всегда получали ночлег в нашем гостеприимном доме.

Не раз, просыпаясь утром, я видел в нашей мальчишеской «братской» спальне и в небольшом зале отцовского дома незнакомых мне людей-пассажиров, безмятежно спящих на брошенных на пол матрасах и тулупах. Утром мать поила их чаем, а отец давал команду своим бригадирам отправить людей домой на гусеничном тракторе с прицепом, наполненным соломой. Таким же способом в период половодья отправлялись все караулинские старшеклассники и студенты на станцию Мангут, откуда добирались уже до районного и областного центра.

Плохие просёлочные дороги и отсутствие надёжных средств сообщения долгое время были настоящим бедствием села, окружённого со всех сторон озёрами,

болотами и лягами. Они не раз были причинами гибели подростков и даже взрослых людей. Идя домой с железнодорожной станции в пургу, всего в версте от жилья выбился из сил и замёрз, школьник, наш дальний родственник; мой одноклассник был убит молнией в летнюю грозу, переходя вброд размытый весенним половодьем участок дороги.

В сильные бураны и весеннее половодье село нередко оказывалось отрезанным от остального мира. Поэтому отец всегда придавал большое значение строительству проселочных шоссейных дорог с твёрдым покрытием. Он неоднократно выступал на сессиях местного и районных советов о необходимости выделения средств и дорожной техники для решения этой задачи. Добившись выполнения своего депутатского запроса, он постоянно контролировал дорожное строительство и следил за качеством выполняемых работ. Однажды, недовольный работой молодого тракториста при возведении насыпи дорожного полотна, он сам сел за рычаги бульдозера и обучая его, работал вместе с ним почти полный рабочий день.

Я уже говорил, что по своим взглядам и отношению к нерусским народам отец был подлинным интернационалистом. Наряду с коренным и пришлым населением, в Караульное часто приезжали строители из республик бывшего Союза. Приезжие строители из Азербайджана построили в селе целую улицу добротных домов из соснового бруса, что позволило к началу 70-х годов полностью решить жилищную проблему. Жителями Чечни и Ингушетии были возведены несколько цехов большого животноводческого механизированного комплекса. Казахи пасли многочисленное стадо на совхозных полях. Отец всегда внимательно относился к просьбам трудовых мигрантов: предоставлял им временное жильё, питание, выделял необходимую технику, организовывал снабжение нужным строительным материалом.

Особое отношение было у него к местным казахам. Они долгое время жили обособленно в ауле, состоящим из нескольких ветхих бревенчатых изб, расположенном в десятке вёрст от Караульного. После продолжительных переговоров отец убедил казахов переселиться в село, обеспечил хорошим жильём, постоянной работой, их дети получили возможность учиться в нашей школе.

В моей детской памяти сохранилась поездка с отцом к казахам летом 1964 года. Нас тепло встретили хозяева небольшой избы с земляным полом и глинобитной печью. Меня удивило отсутствие мебели, кроватей и других предметов привычного домашнего быта, а также обилие кошм, матрасов и подушек, сложенных штабелем в углу. Нас угощали незнакомым для меня горячим маханом из баранины, очень вкусным бешбармаком из конины и особо испечёнными пресными лепёшками. Гостевой ужин и оживлённая беседа отца с казахами сопровождалась обильным распитием спиртных напитков.

Поздним тёмным вечером отец с трудом взобрался в ходок, запряжённый нашим быстроногим Латышом. Он доверил мне узды правления и погрузился в сон, сказав, что Латыш сам знает дорогу и привезёт нас домой. Мне было страшно ехать в полной темноте с риском зацепить ходком за деревья в мрачной лесной чаще, но наш любимец быстро и благополучно доставил нас домой. Осенью того года наша семья пополнилась новым членом, «малой» казашкой, которая пошла в первый класс и жила у нас до переезда её родителей в деревню.

Я уже упоминал, что отец с детства был большим книголюбом, недостающие ему знания он постоянно черпал из различной литературы и других источников. Находясь в районном или областном центре, он всегда находил время для посещения книжных магазинов. Им была собрана хорошая библиотека, в которой было немало дефицитных подписных изданий, постоянно вы-

писывались десятки взрослых и детских периодических изданий, в доме царил культ книги. Установленным им правилом, постоянным занятием детей в долгие зимние вечера было семейное чтение, которое не заменил даже появившийся в конце 1960-х годов телевизор. Своим ранним пристрастием к чтению и любовью к книжной культуре мы, его дети, обязаны в большей мере отцу, чем школьным учителям.

Особенно большое воспитательное и познавательное воздействие книги оказывали на меня, самого непослушного и непокорного среди детей в нашей большой семье. Меня, старшего сына, не отличавшегося в детстве большим прилежанием к учёбе, но обладавшего острой восприимчивостью и потребностью в новых знаниях, отец сумел приобщить к книжной культуре и увлечь постоянным чтением, ставшим любимым занятием и главной страстью всей моей жизни. Он умело подбирал захватывавшие моё воображение рассказы и повести, которые я читал вслух перед нашей семейной аудиторией. Начиная с со второго класса я охотно читал журналы «Мурзилка», «Пионер», «Костёр», позднее «Юность», «Молодая гвардия» и другие периодические издания, пользующиеся немалым успехом среди учащихся советского времени. Моими любимыми книгами раннего детства стали повесть А. Мусатова «Стожары», эпопея В. Катаева «Волны Чёрного моря», роман Каверина «Два капитана», которые я с огромным интересом и воодушевлением прочитал ещё в девятилетнем возрасте.

Следует указать, что большую роль в воспитании и формировании моих книжных пристрастий и будущего библиофильства сыграла сельская библиотека. Благодаря хорошо налаженному централизованному снабжению она постоянно пополнялась собраниями сочинений зарубежных и отечественных классиков, литературными новинками, справочными издани-

ями и другими полезными книгами. К сожалению, этот важный канал информационного воздействия на умы и души молодёжи был вытеснен в последующие 1990-е годы другими, более востребованными рыночными средствами информации, оказывавшими подчас разрушительное воздействие на умы и души подростков.

Любимым чтением отца были популярные в 1950–1990-е годы «Роман-газета», «Сибирские огни», «Дружба народов», «Огонёк», которые печатали все новинки художественной литературы и к которым я также рано пристрастился. Он любил читать военную прозу писателей-фронтовиков: К. Симонова, В. Астафьева, В. Быкова, Ю. Бондарева, мемуары Г. Жукова, И. Конева, К. Рокоссовского и других выдающихся советских военачальников. Отец высоко ценил за реализм и высокое актёрское мастерство кинофильм «Они сражались за родину»; его любимой военной песней был торжественный «Марш артиллеристов», который из-за упоминания имени Сталина практически не исполнялся до середины 90-х годов и до сих пор остаётся малоизвестным военным гимном.

Обладая природным художественным вкусом, отец любил живопись, стены нашего дома украшали репродукции А. Саврасова, Ф. Васильева, И. Шишкина, которые он приобретал в областном и районном центрах. Мне до сих пор глубоко памятна «Оттепель» Ф. Васильева, висевшая над кроватью наших родителей. Выбор отцом этой картины-репродукции, на мой взгляд, был не случайным. В ней наряду с мыслью о безысходности и трудности сельского бытия отражена надежда на скорое пробуждение природы и ожидание новой, более радостной жизни. Отец всегда с большим удовольствием рассматривал наши детские рисунки и нередко сам брал в руки карандаш или краски.

Мама предпочитала читать в «Роман-газете» близкие ей по духу повести и рассказы писателей-«деревен-

щиков» А. Черкасова, А. Иванова, В. Солоухина, В. Астафьева, В. Распутина, В. Шукшина, глубоко отражавших повседневную жизнь сибирской сельской глубинки.

Несмотря на то, что тяжёлое короткое детство и жизненные невзгоды не позволили моим родителям получить необходимое образование, недостаток знаний они при возможности пополняли учёбой и самообразованием. Отец охотно учился на разных курсах сельских руководителей, радовал преподавателей своей профессиональной подготовкой, эрудицией, неизменно получал отличные оценки на экзаменах. Обладая аналитическим складом ума и экономическим мышлением, он мог сделать глубокий анализ и дать точные прогнозы результатов годовой производственной деятельности руководимого им отделения и совхоза в целом, удивляя тем самым квалифицированных сельских специалистов, имеющих за спиной профильные институты.

Сохранившиеся его письменные отчёты об итогах хозяйственной деятельности колхоза, а затем отделения совхоза отличаются своей содержательностью, взвешенным подходом и адресным характером. Наряду с представлением показателей о выполнении заданий по сдаче государству молока, мяса, зерна и другой продукции и эффективности их производства, в них содержался глубокий анализ трудовой активности коллектива, с учётом его реальных заслуг и упущений, с непременным указанием передовиков производства, их достижений в получении надоев, привесов, урожайности и других данных, показывающих значимость вклада сельских тружеников в выполнение поставленных задач.

Отец всегда стремился познать и перенять опыт передовых сельскохозяйственных предприятий. Большое внимание уделял изучению новаторского подхода в земледелии выдающего полевода-селекционера, Т.С. Мальцева, удачно прозванного Н. Хрущёвым «пше-

ничным аристократом», и старался использовать его революционные приёмы и методы агрономической работы в своём хозяйстве. Особенно высоко отец ценил последние его работы «Вопросы земледелия» и «Раздумья о земле и хлебе», где Мальцев ввёл понятие «философия земледелия» для обозначения новой области исследования в агрономии, разработал оптимальную систему земледелия и землепользования для Сибири, поднял вопросы воспитания подлинного хлебороба.

Отец, следуя его советам и рекомендациям, также старался учитывать местные почвенные условия и рационально использовать их для повышения урожайности. Он неоднократно пытался применить на полях безоотвальную обработку почвы, отказывался от использования старых агрономических приёмов и указаний, идущих сверху, за что, как было уже указано, не раз получал выговоры от районных администраторов. Благодаря своевременному и правильному выполнению агротехнических работ отцу удавалось получать хорошие для того времени урожаи даже на бедных суглинистых и солончаковых почвах.

Чтобы повысить их плодородие, наряду с минеральными удобрениями в почву вносилось большое количество навоза и перегноя, накопленных в течение почти двух столетий, на которых, как на холмах, расположились дворы и огороды деревенских жителей. В детстве мы не задумывались об их искусственном происхождении, катаясь с них, как с высоких гор, на лыжах и самодельных санках.

Чтобы подкормить бедный плодородием местный суглинок и солончак, зимой на поля вывозился весь навоз крупного животноводческого комплекса и толстый слой перегноя, сохранившийся на участках бывших жилищ. Отец даже неоднократно сетовал на невозможность перенести деревню на новое место, чтобы в полной мере использовать это ценное органи-

ческое удобрение. Укажем, что при строительстве новых, уже панельно-бетонных зданий школы и детского сада в центре села строителям пришлось удалять пятиметровый слой перегноя и навоза, чтобы добраться до необходимого им «материка».

Из-за толстого слоя навозного гумуса вода в колодцах жителей была рыжей и годилась только для поения скота. Питьевую воду приходилось завозить из двух водонапорных башен и расположенного неподалёку от села глубокого колодца с очень чистой вкусной водой, получившего название «Песцов». Колодезь был удачно вырыт на водоносной жиле ещё до войны местным жителем Николаем Ивановичем Песцовым, впоследствии погибшим на фронте.

Находясь в туристических поездках в бывших социалистических странах, отец всегда проявлял большой интерес к их аграрным успехам и достижениям: отмечал высокую эффективность сельскохозяйственного производства в ГДР, Чехословакии, низкую производительность труда в Польше, где многие трудоёмкие процессы были ещё не механизированы, что порождало немало продовольственных и социальных проблем.

Он не без основания считал, что сибирское земледелие и животноводство, в отличие от европейского аграрного сектора, имеет большие преимущества, огромные неиспользованные возможности и резервы. Мой средний брат, агроном-практик, много лет проживший в Болгарии и посетивший почти все европейские страны, тоже отмечал высокое естественное плодородие земель Сибири и большую истощённость почв Запада, напичканных большим количеством различных химикатов.

В то же время отец постоянно обращал внимание на недостаточность выделяемых государством дотаций сельскому хозяйству, в сравнении с развитыми западными странами, его слабую техническую оснащённость, большую неразвитость отечественной сырьевой

перерабатывающей отрасли и другие нерешённые проблемы, сохраняющие свою актуальность и в наши дни.

Неустанная работа отца по укреплению и наращиванию аграрного производства и повышению эффективности сельского труда принесла свои плоды. В период правления Брежнева, названный либеральными деятелями неудачным и незаслуженным термином – «эпоха застоя», бывший колхоз «Большевик» стал одним из самых крупных и передовых хозяйств района. За достигнутые успехи и высокие производственные показатели в развитии сельского хозяйства в годы восьмой пятилетки отец был награждён орденом «Знак почёта», лучшая в районе доярка Короткова Акси́нья Степа́новна – орденом Ленина.

Наряду с успешной хозяйственной деятельностью отец вёл большую общественную работу. Его постоянно избирали депутатом сельского, районного советов депутатов трудящихся, членом райкома КПСС, членом районного комитета народного контроля, председателем районного суда и в другие, ныне уже забытые, советские общественные структуры. Среди многочисленных наград отца сохранилась почётная грамота с надписью «За активную работу в органах народного контроля», подписанная Председателем Комитета народного контроля РСФСР В. Конновым, и другие знаки отличия.

Общественные обязанности не носили для отца лишь формальный представительский характер, выполнение их помогало ему решать острые социальные проблемы села и во многом способствовало улучшению условий жизни людей. Благодаря его депутатской деятельности во второй половине 1970-х годов были построены новые здания школы, детского сада, почтовое отделение с библиотекой, принимались меры по улучшению медицинского и торгового обслуживания села, была проложена грунтовая, а затем и асфальтированная дорога до районного центра и станции Мангут.

*Павел Евгеньевич
Каменевский
1984 г.*

*Наши родители и дядя Коля
в колхозном саду. 1956 г.*

Мама, мама и её семья

Отец был не только хорошим производственным, или, как он себя называл «практиком», но и прекрасным семьянином. Вместе с женой Ириной Павловной он вырастил и воспитал семерых детей, которые получили высшее и среднее специальное образование, реализовали себя в личной жизни и профессиональной деятельности. Родители всегда живо интересовались здоровьем и успехами своих детей и многочисленных внуков, радовались их достижениям, остро беспокоились о возникавших проблемах.

Моя мама была верной спутницей жизни отца, его бесценным помощником в семейных, а нередко и в производственных делах. Её отличали качества, присущие простой русской женщине, сформированные ещё в детстве и закалённые войной: невиданное трудолюбие, удивительное терпение и поразительная стойкость во всех жизненных испытаниях.

Родившись в семье сибирских старообрядцев-«кержаков», она рано познала весь объём и тяжесть

крестьянского труда, в котором, особенно в военные и послевоенные годы, не было узкой «специализации» и так называемых «гендерных» различий. Трудно даже назвать сферу сельского производства, где бы мама не участвовала и не проявляла себя как большая труженица. За свою недолгую жизнь она поработала конюхом, поваром, дояркой, телятницей, свинаркой, птичницей, воспитателем в детском саду, уборщицей в школе.

При этом все свои обязанности она выполняла не просто аккуратно и добросовестно, но и с какой-то высокой энергетической отдачей, стараясь сделать как можно больше за короткий период времени. Высшей оценкой трудовой активности своих и чужих детей была её краткая, но ёмкая характеристика – «крутой парень» или «крутая девка». Чаще всего в нашей семье этого «почётного» звания удостоивалась сестра Нина, которая во многом унаследовала её сильный, упорный характер, особую энергетику, выносливость и прочные трудовые навыки.

Рабочий день мамы даже в мирное послевоенное время начинался в 4 часа утра у «русской» печи, занимавшей почти треть кухни, и заканчивался в 10 часов вечера. Её жертвенная, неустанная забота о детях, их будущем, о семейном благополучии в целом была для неё не только обычным материнским долгом, но чем-то большим, какой-то своеобразной компенсацией за перенесённые в детстве тяжёлые лишения и невзгоды.

Благодаря её особому трудолюбию, энергии, умению планировать семейный бюджет, вести подсобное хозяйство наша большая семья (10 человек) никогда не знала недостатка в питании, одежде; дети – в игрушках, книгах, других детских радостях. Имея только начальное образование, мама обладала хорошей памятью и явными математическими способностями, что позволяло ей быстро и безошибочно производить в уме любые подсчёты при оплате многих покупок в магазине, чем немало удивляла продавцов и покупателей.

В отличие от многих деревенских женщин, мама не любила участвовать в обычных для них посиделках-пересудах, являвшихся порой их единственным досугом, она со смиренным прощением переносила нанесённые ей обиды и огорчения. В редкие минуты свободного времени мама предпочитала читать художественную литературу или районную газету. Самым лучшим и, пожалуй, единственным отдыхом для неё были походы или поездки на природу, особенно в лес. Из собранных в лесу ягод: земляники, смородины и малины – готовились в большом количестве домашнее варенье и удивительно вкусные наливки и настойки.

Мама ушла из жизни рано, в неполные 48 лет. Её преждевременная смерть стала для всех нас большим потрясением и огромной потерей. Прошло уже более сорока лет, как её нет с нами, все её дети давно пережили её, сами стали не только матерями и отцами, но и бабушками и дедушками. Но несмотря на прошедшие годы, я по-прежнему чувствую какую-то неизгладимую вину перед ней и невозможность её искупления.

В детстве я не был злостным хулиганом, бездельником, но и послушным, внимательным и заботливым сыном тоже не был. Я часто шутил над её особым старожильческим старообрядческим говором, не всегда выполнял её просьбы, слабо реагировал на её справедливые замечания и упреки, признавая авторитет только своего отца. Она же прощала мне все мои детские и подростковые шалости, дерзости и проделки и не раз спасала меня от праведного отцовского возмездия. Всегда, когда бываю на кладбище, на глаза набегают невольные слёзы, я прошу прощения у своих родителей и особенно у мамы, которой я обязан не только своим рождением, воспитанием, но и многими унаследованными от неё качествами.

Наши родители любили устраивать нам праздники. Ни одно из важных, значимых для нас событий

не было обойдено их вниманием и любовью. За семейным праздничным застольем вручались обычно незатейливые подарки, говорились тёплые слова и поздравления именинникам, отмечались и другие праздничные торжества.

Мои проводы на армейскую службу стали для отца, питавшего к армии особые чувства, памятным торжественным днём. В честь этого события были приглашены мои друзья, наши многочисленные родственники. Отец зарезал лучшего барана, выставил для гостей бочку пива и много бутылок горячительного. На вокзале, перед самым отправлением поезда я впервые в жизни увидел слёзы на глазах своего внешне сурового и строгого отца. До сих пор со стыдом вспоминаю, что очень обидел его в этот день, когда из-за юношеской закомплексованности отказался надеть в дорогу его бережно хранимую парадную военную гимнастёрку, которая четверть века дожидалась своего часа.

Неся службу далеко от дома, в бывшей социалистической Чехословакии, я старался регулярно писать родителям, не очень понимая при этом, насколько дороги были им мои письма. Уже после смерти отца, перебирая его бумаги, я обнаружил аккуратно перевязанные пачки всех писем, полученных им от меня, моих братьев и сестёр. Он бережно хранил их и всегда перечитывал, когда от кого-то из нас долго не было вестей. Не подавая виду, он страдал от того, что никто из детей не остался жить в Караульном. На праздновании юбилея своего сына он неожиданно для всех присутствующих заявил: «Я плохой отец, потому что не смог никого из вас оставить жить рядом».

Наши родители практически не знали ссор и больших разногласий в своей семейной жизни. Отец был безусловным главой семейства, его авторитет был непререкаем. Но, признавая бесспорное лидерство отца, моя мать умела влиять на него, отстаивать свою точку

зрения, незаметно проводить её в жизнь и поэтому являлась подлинным управителем и устроителем всех важных и значимых в доме дел.

В моей памяти сохранились две незначительные ссоры родителей, скорее комичного и курьёзного, чем скандального характера. В один из тёплых августовских дней, когда вся семья собралась за обеденным столом, оказалось, что необходимые принадлежности: тарелки, вилки, ложки отсутствуют. На наши недоумённые вопросы мать сообщила, что они были отправлены отцом в совхозную столовую во временное пользование. Оказалось, что работники столовой не успели приобрести дополнительную посуду для прибывших на уборку урожая водителей районной ПТП, и отец разрешил возникшую проблему таким простым и эффективным способом.

Другой случай был связан с ущербом, нанесённым отцом нашему домашнему гусиному хозяйству. Во время уборки урожая зерновых он обнаружил на колхозном зернотоку большую стаю домашних гусей, пожирающих пшеницу из бурта. Рассерженный этой картиной и отсутствием сторожа, он выгнал гусей в находящийся неподалёку пруд, угостив их напоследок большой хворостиной. К несчастью, два гуся от удара сильно пострадали. Решительный отец отвёз свою «добычу» в колхозную столовую и приказал поварихам приготовить из них ужин для комбайнёров, работающих в поле.

Вечером наша хозяйственная мама не досчиталась двух своих любимых гусаков. Учитывая, что в деревне, населённой преимущественно потомками старообрядцев, практически не было воровства, она быстро обнаружила виновника и выяснила все обстоятельства этого «криминального» дела. После небольшой разборки с отцом, сопровождаемой обвинениями с обеих сторон, мать с грустью заявила: «Ты такой же хозяин, как и твой покойный отец, который нёс всё из дома и раздавал людям».

Вспоминая эти эпизоды, понимая и разделяя мамины чувства, я не могу полностью согласиться с этим суждением. Несмотря на свою поглощённость работой и заботой об общественном благе, отец уделял немало внимания и своей жене, и семье в целом. В нашем доме раньше, чем в других семьях появилась стиральная машина «Сибирь», которая была невиданным новшеством в начале 60-х годов; огромный неразборный шифоньер, трюмо с большим зеркалом, затем холодильник и другие предметы домашнего быта, являвшиеся в те годы предметом гордости лишь средних слоёв горожан.

Отец любил технику и всегда следил за новинками бытового прогресса. Понимая всю тяжесть женского домашнего труда, он покупал всё это в райцентре, стремясь облегчить нелёгкую ношу нашей мамы, являвшейся подлинной хозяйкой нашего большого семейства. Нашим семейным транспортным средством был вначале ижевский дорожный одноцилиндровый мотоцикл Иж-56, затем его заменил дефицитный, очень востребованный сельскими жителями мотоцикл «Урал» с коляской. На нём, можно сказать, выросли все мы, его сыновья. «Урал» стал незаменимым средством передвижения нашей большой семьи на покос, заготовку дров на лесной «деляне», на озёрную рыбалку, в поездках за грибами и ягодой.

Большое значение в обучении и воспитании детей родители придавали раннему приобщению нас к сельскому труду и книжной культуре. Мы все не только помогали родителям в ведении личного подсобного хозяйства, но и постоянно привлекались летом к выполнению общественных сельскохозяйственных работ. Старшие дочери зачастую подменяли доярок и телятниц на ферме и летних выпасах, сыновья работали на заготовке грубых и сочных кормов, младшие участвовали в прополках кормовых культур. Меня, отличавшегося в детстве не всегда управляемой кипучей энергией и боль-

шим непослушанием, особенно по отношению к маме и бабушке, отец всегда стремился плотно загрузить домашними делами и летней работой в колхозе и совхозе.

Когда после окончания средней школы я не поступил в институт, и меня ждала армия, отец предложил мне работу на тракторе. Несмотря на то, что никаких практических навыков у меня не было, а трактор уже требовал ремонта, меня определили в строительную бригаду к чеченцам, возводившим новый цех на молочной ферме. Моей задачей стала трелёвка берёзовых и осинового стволов из затопленного весенним половодьем лесного массива и вывозка его на местную пилораму. Работа была непростая, поскольку трелевать спиленные деревья приходилось лавируя между скрытыми под водой пнями, которые опасно ощущались гусеницами. Трактор от напряжения и моей неопытности часто глох, мне приходилось выбираться из кабины и, стоя по колено в болотной жиже, заводить его. При этом стремящиеся заработать горячие чеченские парни грузили оба прицепа с верхом и, в нарушении всех правил безопасности при перевозке людей, взбирались на самый верх незакреплённых ими брёвен.

Всё это стоило мне немалых нервов и физических усилий, но самолюбие не позволяло попросить другую работу. За домашним ужином отец всегда как бы невзначай спрашивал меня о проделанной работе, давал полезные советы, делал замечания.

Сегодня, как никогда, я понимаю, что отец очень рисковал, доверив мне эту непростую, рискованную работу, но она была лучшим испытанием меня на прочность, на способность переносить предстоящие физические и психологические нагрузки. Добавлю к этому, что после окончания строительного сезона, за десять дней до призыва в армию он поручил мне вместе с опытным механизатором Александром Коротковым произвести капитальный ремонт трактора в совхозной

РТМ. И лишь уступая настойчивым увещаниям моей матери, за два дня до призыва я получил возможность отдохнуть и попрощаться со своими друзьями и сверстниками и детством в целом.

Неслучайно после такой хорошо поставленной отцом работы по социальной и профессиональной ориентации в семье четверо его детей стали квалифицированными сельскими специалистами: агрономами, зоотехниками, ветеринарами – и отдали этой нелёгкой трудоёмкой отрасли много времени и сил. Полученная в детстве трудовая и физическая закалка позволила нам в дальнейшем успешно переносить и преодолевать новые трудности и испытания, решать жизненные проблемы, добросовестно выполнять свои профессиональные и служебные обязанности.

Отец с детских лет приучал нас давать отпор обидчикам, не обращаясь за помощью к родителям. Когда я учился в старших классах районной школы, мне не раз перепадало от местных хулиганов, и я приезжал домой с большими «фонарями» под глазами. Отец, хорошо зная ещё со времён ФЗО нравы безжалостной «шпаны», научил меня драться, чтобы я мог постоять за себя. Его полезные уроки помогли мне вместе с моим неразлучным другом силачом Гошей Коротковым достойно отстаивать свои интересы, даже при количественном превосходстве противника. Полученные от отца навыки уличной драки пригодились мне и во время службы в армии, когда приходилось противостоять напору «стариков».

Наша патриархальная, в хорошем смысле этого слова, семейная жизнь вовсе не была идиллической и безмятежной, как может показаться на первый взгляд. Она была наполнена большими родительскими тревогами и волнениями о здоровье и благополучии своих детей. Помимо обычных детских болезней, почти со всеми детьми случались события, связанные с разными травмами, вызванными, как правило, внешними факторами.

Самый сильный стресс родители испытали, когда одна из младших дочерей серьёзно пострадала в аварии по вине пьяного водителя. Будучи студенткой медицинского училища, она вместе с группой сверстников работала на уборке урожая в одном из южных хозяйств омского Прииртышья. При возвращении с поля водитель, находясь в большом подпитии, не справился с управлением и перевернул грузовик. В результате страшной аварии одна студентка погибла, другие получили различные повреждения.

Самую тяжёлую травму получила наша сестра Наташа. В течение месяца врачи боролись за её жизнь. Всё это время у её постели постоянно находилась наша мама. Её страстные молитвы о спасении дочери были услышаны, Наташа пришла в сознание и после продолжительного лечения была выписана из больницы. Но понадобился ещё целый год реабилитации, чтобы сестра вернулась к своей учёбе. Она сумела успешно завершить обучение и продолжительное время работала главным врачом в сельской участковой больнице. Два её сына, окончив с отличием мединститут, продолжают дело своей матери, а дочь, после окончания консерватории, стала преподавателем музыкального училища и восходящей звездой омской музыкальной эстрады.

Немало волнений и бессонных ночей пережили родители и с другими своими детьми. Из-за сильного стресса, вызванного грубостью учительницы начальных классов, наша старшая сестра оказалась в психиатрическом диспансере, где провела целый месяц, после чего, по решению отца, была переведена в другой класс. Уже студенткой сельхозинститута она перенесла серьёзную операцию, едва не стоившую ей жизни.

Мой средний брат Пётр получил опасную травму шейного и спинного позвоночника, разбившись на мотоцикле «Ява» при обгоне грузовика. Лишь искусство знаменитого украинского врача, мануального терапев-

та Н. Касьяна спасло его от неминуемой инвалидности. Определённые проблемы со здоровьем были у Нины, которая ещё в раннем детстве обожгла кипятком пальцы на левой руке, оставшиеся на всю жизнь неподвижными, а позже получила серьёзную травму бедра по вине, опять-таки, водителя грузовика. Проблемы со здоровьем были и у младшей сестры Кати, ставшей в зрелом возрасте инвалидом.

Всё это, конечно, не могло не отразиться на спокойствии и здоровье наших дорогих родителей. Но никаких жалоб и упреков в наш адрес мы не знали. Они стойко переносили все наши детские несчастья и злоключения, старались, как могли, их предупредить, и принимали необходимые меры по защите нашего здоровья и благополучия от опасных заболеваний и испытаний.

В этой связи мне вспоминается эпизод из детства, едва не закончившейся для меня печально. Как-то я, 14-летний подросток, летним предгрозовым вечером собрался на рыбалку. Неожиданно отец захотел составить мне компанию. На озере он остался на берегу, а я, погрузив сети в лодку, поплыл на любимый удалённый плёс. Едва я успел поставить сплетённые отцом сети, как налетел свирепый шторм с проливным дождём. Сильный порывистый ветер и огромные волны грозили в любой момент опрокинуть и потопить мою небольшую утлую лодку. Каким-то особым чутьём я догадался опуститься на дно лодки, и орудия шестом как балансиром, отдался воле течения, прибывшего вскоре меня к густым прибрежным камышам.

Напуганный грозой и наступавшей темнотой, потеряв ориентиры, я был близок к отчаянию. Поднявшись в камышах во весь рост, чтобы определить направление к ближайшему берегу, я вдруг с огромной радостью увидел вдали скирду сена с едва заметной тёмной фигурой, которая и стала моим спасительным маяком. Это был отец, который, сильно испугавшись

за меня, прошёл несколько километров вдоль берега, нашёл сохранившуюся скирду соломы и, взобравшись на неё, стал подавать мне сигналы. Держась этого ориентира, я с большим трудом пробился через густые камышовые заросли, выбрался на берег и помог отцу спуститься с его «маяка».

Очевидно, отец, каким-то особым иррациональным чутьём предчувствуя грозящую мне опасность, поехал тогда со мной на озеро и сумел вовремя прийти на помощь.

На другой день после шторма, ещё до конца не оправившись от перенесённого страха, я взял большую надёжную лодку своего соседа Журавля, проверил сети и обнаружил в них огромное количество карасей. Приведённые в движение ураганным ветром, они буквально заполонили все сети. Такого большого улова мне никогда ещё не доводилось видеть. Сняв и погрузив сети в лодку, осевшую под их тяжестью до верхних бортов, я с большой осторожностью едва доплыл до берега. С трудом разместив их в коляске и багажнике нашего семейного «Урала», я с нескрываемой гордостью и восторгом добрался до дому, где поразил родственников и соседей своим невиданным рыбацким счастьем.

Получив образование и заведя свои семьи, мы, их дети волею жизненных судеб оказались вдали от родных мест и ставшего тесным родительского гнезда. Для наших родителей это стало новым испытанием. Несмотря на привычную постоянную сельскую занятость и большие сибирские расстояния, они регулярно поочерёдно навещали своих детей, очень радовались появлению внуков, всегда живо интересовались нашей личной жизнью и профессиональной деятельностью.

Мне запомнилась поездка отца со мной на север Омской области, где в таёжном райцентре и местном колхозе трудились мои старшие сёстры, молодые специалисты. После долгого утомительного путешествия на быстрой «Ракете» и тихоходном катере по из-

вилистому Иртышу мы добрались наконец до места. Отец не только пообщался с дочерьми, но и посетил районное управление сельского хозяйства, животноводческую ферму, где они трудились, поговорил с их начальством, получив полное представление об их работе и личной жизни. Точно так же он поступал во время поездок и к другим детям. Во время моей учёбы в новосибирском Академгородке он тайком побывал в деканате, где получил все интересующие его сведения о моей учёбе, чем привёл меня, старшекурсника, отслужившего в армии и уже имевшего семью, в немалое смятение и удивление.

Отец не раз приезжал ко мне, когда я уже работал вдали от дома директором сельской школы. Он знал моих друзей и коллег по работе, мои успехи и неудачи, присутствовал на школьных праздниках, участвовал в посадке деревьев в День Победы на пришкольном участке. Во время одного из визитов он обнаружил на моей приусадебном огороде необработанный участок картофеля, и, пользуясь моим отсутствием, выполнил прополку, высказав при этом мне своё неудовольствие. Зато, inspectируя наш пришкольный участок, он остался доволен видом цветущих лип, краснеющих гроздей рябин, черёмухи и особенно ухоженными газонами и клумбами с многочисленными гладиолусами разных видов и другими цветами.

*Посадка деревьев в День Победы
на пришкольном участке.
(Рец в центре.) 9 мая 1989 г.*

Отец с внучкой Наташей. 1987 г.

Отец с тетей Веней за урожаем картофеля.
1995 г.

Последние годы
Абдышевичей

Преждевременная смерть жены, нашей мамы стала для отца самым сильным потрясением за все послевоенные десятилетия. Он с трудом перенёс этот тяжёлый, непредвиденный удар судьбы. Почти ежедневно, в течение не одного месяца, после окончания рабочего дня он приезжал на своём «Урале» с бутылкой водки на сельское кладбище, где хоронил своё горе привычным русским способом и обычаем.

Во многом помогли ему выстоять в этот самый тяжёлый период жизни моральная поддержка уже взрослых детей и особенно его младший сын, 14-летний Александр, который делил с ним нелёгкое горькое одиночество. Поступление сына в военное училище, окончание его с отличием и быстрое продвижение по службе стало для отца большим праздником, своего рода исполнением его давнего заветного, но неосуществлённого желания. Он очень гордился тем, что его младший сын стал офицером и настаивал на том, что-

бы он, приезжая в отпуск домой, был всегда в военной форме со всеми заслуженными им регалиями.

Попшатнувшееся здоровье отца и болезнь нашей мамы побудили его, вопреки активным возражениям начальства, оставить свой руководящий пост и перейти на рядовую работу, которой он был занят до самой смерти. В этом поступке также проявился особый непреклонный характер нашего отца. Несмотря на то, что хозяйство, которому он отдал почти сорок лет своей нелёгкой жизни, переживало подъём, а авторитет отца как руководителя был несомненен, он без колебаний принял своё решение. В отличие от многих руководителей, он не стремился сохранить свою должность до выхода на так называемый заслуженный отдых и своим решением в полной мере доказал свою способность приносить пользу людям другим, менее квалифицированным, но не менее важным и полезным трудом. До конца жизни, в течение последних двадцати лет он неустанно трудился на разных работах в совхозном производстве

Летом отец выполнял срочные слесарные работы в ремонтной мастерской, зимой работал кочегаром в местной котельной и заготавливал в большом количестве лёд для охлаждения молока для местного молочного цеха. К выполнению новых обязанностей он, как всегда, относился не только добросовестно, но и с присущей ему инициативой и творческим подходом, удивляя своих напарников предприимчивостью и новаторским мышлением. Придуманные им нехитрые технические новшества заметно облегчали его нелёгкий физический труд и во многом повышали его производительность. Заметим, что пришедший ему на смену опытный механизатор не мог справиться с объёмом выполняемых отцом слесарных работ и вскоре потребовал себе помощника.

Богатый жизненный опыт и глубокое знание аграрного производства отца в этот завершающий период жизни были всегда востребованы. К его советам

и консультациям постоянно прибегали сменявшие друг друга руководители хозяйства, появившиеся фермеры, его избиратели- односельчане.

Несмотря на ухудшающееся состояние здоровья, он до конца вёл активный образ жизни: занимался личным подсобным хозяйством, бережно ухаживал за своими домашними животными, выращивал цветы, выписывал и возделывал новые садово-огородные сорта и культуры.

Особенно много сил и физического труда отец вложил в посадку фруктовых деревьев и уход за ними. На своём большом приусадебном участке он вручную убрал непригодный для садовых посадок, перенасыщенный перегноем грунт, завёз хорошей «чёрной» земли, посадил немало плодовых деревьев и обеспечил тщательный уход за ними. Беспокоясь о слабом здоровье отца, я не раз его спрашивал: «Зачем тебе всё это нужно?» На что он неизменно отвечал: «Не всё, сынок, картошку сажать и редьку сеять, нужно что-то и внукам оставить».

В преддверии празднования 50-летия Победы отец собрал большой материал о погибших в годы войны односельчанах, который вошёл в изданную в 1995 году «Книгу памяти». Незадолго до смерти он начал писать мемуары, посвятив их детям и внукам, но, к сожалению, не успел их закончить.

Крутые перемены, произошедшие в государстве и обществе, стали для него последним сокрушительным ударом. Воспитанный, как и большинство представителей его поколения, на идеях социализма, социальной справедливости и коллективизма он не смог перенести распад союзного государства, дискредитацию коммунистической партии, членом которой был с 1945 года, переход к новой системе власти и хозяйствования.

Проводимая правительством новая экономическая политика, сопровождаемая чуждыми ему названиями: приватизация, либерализация, монетизация – и другими терминами иностранного происхождения,

была встречена им с самого начала негативно. Отец, переживший на своём веку немало различных реформ-преобразований, прозорливо усмотрел в новых непродуманных и скороспелых реформах разрушение прежней государственности, ограбление своей страны, невиданное обогащение узкой верхушки и обнищание народа, что коснулось и его самого.

Но, потеряв, как и многие другие простые граждане, все свои «гробовые» сбережения, он не утратил присутствия духа. Не лишённый чувства юмора и сарказма, отец по-своему отреагировал на политику известных либералов-реформаторов. Не имея до этого в своём подсобном хозяйстве свиней, он приобрел у соседей трёх поросят и назвал их именами известных в России инициаторов и проводников рыночных экономических и политических реформ.

Свой земельный пай, обидевшись на наш коллективный отказ от него – (по его словам, «совсем от земли оторвались»), он безвозмездно передал сельскому учителю, ставшему фермером в соседнем селе. Отец поделился с ним многими секретами нелёгкого земледельческого труда, научил технологии возделывания зерновых культур, грамотно распоряжаться полученным урожаем. При этом он неоднократно сетовал на то, что возраст и здоровье не позволяют ему самому стать фермером.

Попытки же других односельчан заняться фермерским хозяйством в новых условиях хозяйствования не увенчались большим успехом. Новой власти, разрушившей колхозно-совхозную систему, в условиях неразвитой рыночной экономики, непродуманной и запутанной политики кредитования, мизерных обесцененных субсидий так и не удалось создать «новых крестьян» – фермеров и решить вечный в России аграрный вопрос.

Деревня в этот период вступила в глубокий, мучительно затянувшийся кризис, продолжающийся и в наши дни. Из-за резкого скачка рыночных цен на сельскохозяй-

ственную технику, электроэнергию, топливо, семена и недопустимо низких цен на производимую сельхозпродукцию некогда прибыльное хозяйство быстро пришло в упадок. Его не спасло даже преобразование в самостоятельное аграрное предприятие и попытка запоздалого, навязанного новым режимом акционирования с невнятным субсидированием производимой продукции.

Чтобы выплачивать зарплату и рассчитываться с растущими как снежный ком долгами, хозяйство вынуждено было распродавать частями основные производственные фонды, создаваемые десятилетиями трудом сельских тружеников: скот, сельхозтехнику; продавать за бесценок молоко, мясо, зерно, пиломатериалы. Утрата производственных мощностей привела к сокращению посевных площадей, кормовой базы, а вместе с ней и поголовья совхозного стада. По мнению отца, в середине 90-х годов по объёму производимой сельскохозяйственной продукции его бывшее передовое предприятие оказалось ниже уровня начала 1950-х годов.

Жители села, чтобы выжить в новых условиях управления и хозяйствования, вынуждены были покидать обжитые их предками места, наниматься на работу вахтовым методом на нефтяные и газовые месторождения Тюменского Севера, расширять свои подсобные хозяйства. Оставшиеся в деревне, как и их родители в войну и послевоенные годы, выживали натуральным хозяйством и мелким предпринимательством: продажей в райцентр молочных продуктов, мяса, картофеля, рыбы; имеющие автомобили сельчане вывозили продукты своего подсобного хозяйства даже на север Тюменской области. Некоторые сумели возродить, казалось, забытые навсегда деревенские промыслы и ремёсла, проявляя при этом чудеса предприимчивости и находчивости.

Ровесница отца, Ерёмина Меланья Ефимовна, работавшая в войну и после войны трактористом и мото-

вала овчины и шила из них незамысловатые, но тёплые полушубки. Другие жители промышляли рыбной ловлей и охотой, сбором дикоросов, сдачей металлолома.

Резкий рост цен и отсутствие средств на приобретение тракторов, грузовиков, комбайнов и запчастей к ним и другой сельскохозяйственной техники вызвали в деревне подъём не только вынужденной предпринимательской деятельности, направленной на выживание, но и технического изобретательства и рационализаторства.

Мой одноклассник Илья Щетков, имея за плечами только восьмилетнее образование и шофёрские курсы, с детства обладал технической жилкой, удивительной способностью и большим влечением к техническому творчеству и конструированию. Используя списанный двигатель от советского малогабаритного трактора и придуманную им оригинальную облегчённую ходовую часть, он собрал уникальный многоцелевой трактор-агрегат, оснащённый большим набором орудий, чего до сих пор не смогли создать отечественные производители, но зато с большим успехом осуществляют китайские предприятия. Высокие технические характеристики позволяют этому чудо-трактору выполнять большой объём работ в крестьянском хозяйстве, и сыновья изобретателя до сих пор трудятся на нём. Попытки воспроизвести эту модель в других сёлах не увенчались успехом.

К сожалению, жизнь этого талантливого изобретателя, подлинного самородка, чьими бесплатными советами и техническими консультациями постоянно пользовались жители всех окрестных деревень, рано оборвалась. Проститься с ним прибыло много неизвестных селянам людей, и десятки автомобилей своими прощальными гудками нарушили вечный покой тихого сельского кладбища.

Заключительным аккордом проводимой политики фермеризации, а точнее, деколлективизации, осуществляемой либеральным правительством, ста-

ло раскрестьянивание и разрушение деревни. Оно проявилось в безжалостном изъятии за долги перед государством оставшихся производственных фондов села – тракторов, автомобилей, скота, зернохранилищ; в отключении электроэнергии, повышении тарифов и в других негативных правительственных мерах, разрушающих налаженную хозяйственную жизнь села и вековые устои его обитателей.

Отец, к счастью, не дожил до того времени, когда судебные приставы в сопровождении милиционеров с автоматами забрали за недоимки последние полсотни дойных коров на животноводческой ферме. Укажем, что в советский период она насчитывала не одну тысячу голов и являлась крупнейшим производителем мясо-молочной продукции в районе.

В результате осуществления проводимой новым режимом политики приватизации и разгосударствления все бывшие колхозно-совхозные земли и природные угодья были быстро скуплены состоятельными предприимчивыми людьми из района и области.

Бывший государственный природный заказник каким-то непостижимым образом также перешёл в частные руки. На его берегу выросли два комфортабельных охотничьих домика, куда из областного центра на вертолёте нередко наведывались высокопоставленные чиновники и крупные предприниматели. Они, не считаясь с установленными ранее правилами и запретами, занимались невиданным по масштабам браконьерством, сопровождаемым обязательным пьяным разгулом. При этом на рыбную ловлю и охоту для местных жителей был наложен строгий запрет.

Однажды прилетевшая на вертолёте очередная партия областных начальников-браконьеров, будучи в нетрезвом состоянии, не поделила что-то с другой, ранее прибывшей группой подобных «охотников», и дело едва не завершилось взаимной перестрелкой. И лишь

своевременное вмешательство местного авторитетного охотоведа помогло «разрулить» возникшую острую ситуацию и избежать тяжёлых последствий. При этом никто из опасных гастролёров-браконьеров не понёс никакого наказания, к ответу районным прокурором был призван лишь «стрелочник»-охотовед.

Впрочем, через непродолжительное время охотничьи домики были сожжены неизвестными, и прилёты высоких гостей сократились из-за отсутствия комфортных условий проживания. Жителям прилегающих окрестных деревень снова было разрешено рыбачить в бывшем заказнике, но ловить рыбу было уже некому, местное население резко уменьшилось.

В начале нового века о былой хозяйственной активности в Караульном, как и в других деревнях России, напоминали лишь разрушенные цеха крупного животноводческого комплекса, вышедшие из строя большие водонапорные башни, остов разобранный на металлолом зерносушилки, пустующие хранилища и мастерские, зарастающие мелколесьем огромные массивы заброшенных полей.

Даже сама природа, которая, как известно, не терпит пустоты, взбунтовалась против бездумного, безответственного и разрушительного подхода людей к своему культурному хозяйственному наследию, создаваемому усилиями многих поколений. Начался процесс заболачивания бывших сенокосных и плодородных пахотных угодий, подтопление больших участков леса внутренними водами. Созданный ещё в 1960-е годы для отвода воды бесхозный дренажный канал был заброшен и не справлялся с большим потоком воды в весеннее половодье, что привело к подтоплению многих деревень и создало угрозу жизни их малочисленных обитателей. К удивлению жителей, в местных озёрах и болотах появились наряду с карасями и гальянами некогда водившиеся окуни, чебаки, щуки и незнакомые им хищники-ратаны. В лесах увеличилась численность кабанов,

лисиц, волков и других диких зверей. Произошедшие изменения во многом стали напоминать описание дикой природной среды Нижнего Приишимья, сделанное во время путешествия по этим местам знаменитым учёным-натуралистом П. Палласом в 1771–1773 годы.

Приезжая ежегодно на свою малую родину, мы с горечью отмечаем заброшенные, заросшие бурьяном и мелколесьем поля, всё увеличивающуюся площадь погибающих берёзовых и осиновых колков, выросший камыш вдоль разрушающихся асфальтовых дорог и заброшенные, опустевшие сельские усадьбы. Лишь добротные двухэтажные каменные здания школы и детского сада, возведённые при активном содействии и участии нашего отца в конце 1970-х годов, невольно напоминают нам о прошедшем «золотом» веке сибирской деревни.

Являясь невольным свидетелем наступившего великого разорения и запустения, отец с сердечной болью наблюдал, как приходит в упадок и разрушается созданное огромным трудом его односельчан, налаженное коллективное хозяйство, уезжают из села квалифицированные кадры, распадаются родственные, хозяйственные и другие связи, а вместе с ними исчезает всё то, что было ему близко и дорого.

Будучи по своим взглядам убеждённым «государственником» и «почвенником», он глубоко переживал за судьбу разрушенной страны, её непредсказуемое будущее. Распад великой державы, который он воспринял как личную драму, разрушение производства, армии, расхищение государственной собственности считал великой трагедией и национальным бедствием России.

Особенно болезненно он воспринял начавшиеся национальные конфликты в бывших союзных республиках и война в Чечне. Когда в деревню пришло известие о гибели в Грозном двух девятнадцатилетних парней, один из которых доводился нам дальним родственником, он со свойственной ему прямоотой заявил:

«Смерть их, как и других погибших солдат, целиком и полностью лежит на совести Ельцина».

Осуществление в 1990-е годы политики массовой деколлективизации в сельском хозяйстве, приведшей к разрушению сложившегося аграрного сектора, упадку сельскохозяйственного производства и вынужденной архаизации всего сельского уклада жизни, отец считал грубейшей ошибкой и даже преступлением пришедших к власти либералов.

Являясь наблюдательным зрителем и истинным патриотом своей деревни, близких и дорогих ему земляков, он с тревогой отмечал нарастание негативных явлений в сельской жизни – пьянства, алкоголизма, воровства, криминала и прежде неведомой в селе наркомании, а также возникшего отчуждения среди людей. По поводу последнего он с горечью констатировал: «Люди перестали ходить в гости друг к другу».

Отец не смог смириться с новыми политическими и экономическими реалиями, утверждавшимися в государстве с начала 90-х годов, остро воспринимал все негативные события, происходившие в стране, служению которой он, как и его отец, посвятил всю свою нелёгкую жизнь, что и ускорило его преждевременный уход.

За год до своей кончины, будучи безнадежно больным, он попросил своего среднего сына, имеющего надёжный внедорожник, свозить его ко всем разбросанным по Западной Сибири детям. Этот прощальный визит состоялся в предновогоднюю неделю уходящего 1994 года.

Дорога к детям была долгой и утомительной, а остановки – короткими, заполненными разными впечатлениями. Но отец, невзирая на большие нагрузки, хорошо перенёс это почти недельное путешествие. Мы с братом сопровождали его от Караульного до Ачинска, где жил и служил наш младший брат, что составляло более полутора тысяч километров. В пути следования отец, казалось, забыл о своих болячках и не чувствовал

большой усталости. Нас поразило его какое-то особое, воодушевлённое, приподнятое настроение. Всю дорогу он оживлённо беседовал с нами, расспрашивал о делах и успехах, делился воспоминаниями, давал оценки происходящим событиям в стране.

Мы хорошо понимали, что он мобилизовал все свои силы для этой последней поездки, не хотел показывать свою немощь детям и внукам. Он очень радовался возможности пообщаться со своими взрослыми благополучными детьми, их семьями, тем самым как бы подводил главный итог своей нелёгкой, насыщенной и плодотворной жизни.

На обратном пути, под предлогом усталости наш брат предложил отцу остановиться в Омске и встретить Новый год в его семье. А домой, в Караульное, находящееся в двухстах пятидесяти километрах от города, обещал отвезти его на следующий день. Но отец не согласился с его предложением и заявил, что Новый год нужно всегда встречать дома. По прибытии в родную деревню он попросил жену, которая уже не ждала его в такой поздний час, истопить баню, приготовить праздничный ужин и решительно оставил ночевать своего сына в родительском доме, который хотел вернуться в город к своей семье.

Отец до конца боролся за свою угасающую жизнь, что вполне соответствовало его прежнему бойцовскому характеру. Ему очень хотелось дожить до начала двухтысячного года, заглянуть в грядущее третье тысячелетие, с которым он связывал большие надежды на перемены к лучшему. Чтобы разгрузить больное сердце, он разными способами и средствами, в том числе и длительными голодовками, старался снизить избыточный вес и тем самым продлить свою угасающую жизнь.

Из всех больниц областного центра, куда мы помещали отца, его быстро выписывали как безнадежно больного. В военном госпитале, где лечились участники Отечественной войны, отца не хотели даже принимать.

Врач из приёмного покоя, посмотрев на мониторе работу его сердца, заявил, что оно у него «словно сбесилось». Лишь моя убедительная беседа с главврачом, сопровождаемая презентом, помогла решить вопрос с госпитализацией. После месячного курса лечения мы привезли отца домой, а через неделю его не стало.

Несмотря на сильный мороз и резкий пронизывающий февральский ветер, проводить отца в последний путь пришла вся деревня. Среди присутствующих заметно выделялась стройная фигура высокого военного. Это был его младший сын, майор новой российской армии, на петлицах и погонах которого были символы ракетных войск.

На могиле отца с траурной речью выступил бывший секретарь местной партийной организации В.М. Рябинин. Он доводился младшим братом погибшего на фронте друга отца Сергея Рябинина. Максимыч, как уважительно звали его в деревне, работал в совхозе инженером-механиком и был незаменимым помощником и другом отца. Из-за переживаемой утраты и волнений я не мог слышать все его слова. Но отчётливо запомнил, оценку деятельности нашего отца, данную ему Рябининым, который сказал, что «ему тесно было в нашем хозяйстве, по своим личностным качествам и масштабу своей деятельности Павел Егорович мог быть руководителем района, а то и области».

Ежегодно приезжая за сотни и тысячи вёрст на свою малую родину, посещая могилы наших родителей, мы всегда находим их убранными неизвестными лицами. Кто-то посадил между могилами отца и матери яблоньку-дичку, выкопанную, очевидно, из заброшенного колхозного сада. В конце мая она покрывается нежным бело-розовым цветом, а позднее мелкими горьковатыми плодами. Удивительно, что её прочный ствол разделён на семь ветвей... И, наверное, не случайно, что в год смерти отца на свет появилось ещё двое его правнуков.

*Братья Пановы Павел
и Павел Васильевичи. 1930 г.*

*Дед Павел, дед Павел,
баба Павел и дядя*

Любовью к природе и родному краю, трудовыми навыками мы со средним братом во многом обязаны общению с дедом Павлом. С раннего детства я с большим интересом наблюдал за его многообразной трудовой деятельностью: плотницкими и столярными работами, дублением кож, вязанием сетей и другими делами, которыми был заполнен весь день уже старого, но ещё крепкого сухощавого деда. Он отдыхал только в воскресенье и в дни старообрядческих праздников, которые они с женой, нашей бабушкой, неукоснительно и строго соблюдали.

Пройдя суровую школу жизни, являясь непосредственным очевидцем и участником многих войн и социальных потрясений, похоронив жену и многих детей, он был полной противоположностью своим современникам, моим близким старшим родственникам. В отличие от другого моего деда, Егора, и моего отца, являвшихся подлинными коллективистами, дед Павел

был ярко выраженным индивидуалистом, человеком, «сделавшим себя». Он чем-то напоминал лесковского героя из «Очарованного странника» или персонажа американских писателей, воспевающих предприимчивость, свободолюбие и независимость первых колонистов Северной Америки.

Рано потеряв родителей в голодном неурожайном 1911 году, он вместе со старшим братом был вынужден скитаться по уезду, нанимаясь батраками к богатым крестьянам. Выполняя самые разные работы, дед стремился всеми силами выбиться «в люди», завести собственное хозяйство, семью и обрести тем самым личную хозяйственную самостоятельность и независимость, чем отличались все истинные сибирские старообрядцы.

Больше всего он зарабатывал работой на заказ – делал срубы жилых изб, бань, избышек-заимок, колодцев и других хозяйственных построек. Накопив денег, он выстроил недалеко от моего деда Егора небольшой, но вместительный дом со всеми необходимыми надворными постройками и женился на дочери местного середняка, нашей будущей бабушке Агафье Варфоломеевне Братцевой. Но стать прочно «на ноги» ему помешала война с германцами. В самом её начале дед был призван в армию, и находился в ней до революционных событий, потрясших до основания бывшую царскую империю.

О своей воинской службе, как и жизни в целом, дед не любил рассказывать. Лишь уступая моим настойчивым просьбам, вызванным подростковым интересом к военной тематике, он поведал мне, четырнадцатилетнему подростку, некоторые сюжеты из своего военного прошлого. Он был призван волостным правлением в самом начале войны с Германией. После непродолжительной учёбы в Омске он стал пулемётчиком сибирского стрелкового полка. В военные годы был участником и свидетелем многих кровавых сражений,

газовой атаки, воздушных бомбёжек, но серьёзных ранений не получил, хотя не раз был контужен.

Несмотря на преклонный возраст, он хорошо помнил многие сражения на Восточном фронте без указаний мест боёв, случаи применения немцами новых средств ведения войны: тяжёлых орудий, авиации, танков, разрывных пуль. Всё это произвело на неграмотного крестьянского парня из Сибири, оказавшегося в эпицентре непонятной ему мировой войны, глубокое сильное впечатление. Дед был также участником братания с немцами. Во время одного из таких братаний он с присущим ему простодушием спросил немецких солдат, почему они применяют против русских газы и разрывные пули. На что получил не менее простодушный ответ, что они выполняют приказ своего военного начальства.

При прорыве немцами линии фронта дед оказался в плену. В Германии он почти год работал на ферме у зажиточного немца. Являясь старообрядцем, дед сразу оценил умение немцев вести хозяйство, их трудолюбие, аккуратность, склонность к чистоте и порядку. В свою очередь, он также покориł хозяина своими большими плотничьими умениями и трудолюбием и даже был поощрён за работу швейной машинкой «Зингер», которая была очень востребованной в России и являлась заветной мечтой любой крестьянской семьи. Затем был удачный побег из плена, трудное возвращение домой по расколотовой революциями и Гражданской войной России.

В годы революции и последовавшего гражданско-го противостояния дед, испытавший на себе все ужасы войны и обладавший сильным независимым характером старовера, не примкнул ни к одному из политических лагерей. Во время Гражданской войны он сумел уклониться от насильственной мобилизации в армию Колчака, укрывшись на своей заимке. Так же поступил он и во время призыва в ряды Красной Армии, как, впрочем, поступили многие его односельчане-старообрядцы.

Семейная жизнь деда складывалась не лучшим образом. Первая жена умерла в середине 20-х годов, оставив ему двух малолетних дочерей Федосью и Нину. Второй женой стала Братцева Агафья Варфоломеевна, сестра раскулаченного в 1930 году Кузьмы Братцева. Агафья родила мужу восьмерых детей, но выжила только одна первая дочь, ставшая впоследствии моей матерью.

Трудно представить, какие чувства испытывал наш дед, который почти ежегодно хоронил своих новорождённых детей, укладывая их в собственноручно сделанные аккуратные гробики. Напомню, что старообрядческие семьи до сих пор являются самыми многолюдными и дружными в Сибири, а смерть своего и чужого ребёнка – всегда большая личная драма...

Во время коллективизации, несмотря на сильный нажим властей, он сумел остаться в стороне от проводимой большевиками политики: не вступил в колхоз и до конца жизни оставался в деревне единственным единоличником. В совершенстве владея плотницким, столярным, печным, кожевенным, портным и другим мастерством, дед зарабатывал на жизнь выполнением многочисленных заказов односельчан и колхоза.

В годы Великой Отечественной войны его, как единоличника, мобилизовали в трудовую армию. В течение двух лет, до поздней осени 1943 года дед участвовал в возведении укреплений, мостов и других временных военных сооружений, где во всей полноте проявился его недюжинный талант плотника. По свидетельству трудившихся с ним земляков, он поражал своими будто врождёнными плотничьими навыками, умением работать «на глаз», сохраняя при этом высокое качество, способностью решать сложные строительные задачи при нередком отсутствии гвоздей, скоб и другого крепёжного материала. За добросовестный труд и высокое мастерство дед был награждён двумя

Сталинскими грамотами и после перелома в войне был освобождён от трудовой повинности, что позволило ему ещё до окончания войны вернуться домой.

Не испытывая большого доверия к любой власти и даже ко многим своим односельчанам, дед жил особой, отгороженной от мирской суеты и колхоза жизнью. Имея сложный, взрывной, но незлобивый характер, он нещадно бранил людей, не умеющих или не стремящихся работать хорошо, нередко при мне критиковал местную власть за допущенную бесхозяйственность, уважал и ценил только себе подобных мастеров.

Примерно раз в год или в два дед исчезал из дома и пускался, по словам нашей бабушки и мамы, в какие-то неведомые никому «странствия». Его отсутствие длилось порой целый месяц и больше, и тогда его обеспокоенная дочь, наша мама, просила нашего отца «подать на него в розыск». Но отец, лучше всех знавший своего неугомонного и непредсказуемого тестя, всегда успокаивал её и тещу, заверяя их, что дед вскоре возвратится домой. И действительно, он возвращался и, не давая никому никаких объяснений, сразу же приступал к своей привычной повседневной работе. Куда пропал наш дед: жил у какой-то женщины или ездил к своему брату, осевшему ещё до войны в далёкой Одессе, – для нас навсегда осталось тайной.

При всём своём чудачестве и неуживчивом характере дед любил своих внуков, особенно детей единственной дочери от второй жены, то есть нас. Он не отказывал мне ни в одном моём детском желании и капризе, которые он называл «прихотями». Даже в праздничные, запретные для работы дни, уступая моим назойливым просьбам, он, ворча, вставал за свой верстак и, как добрый папа Карло, искусно мастерил различные поделки своему внуку.

С четырёх-пяти лет он брал меня на окрестные, опоясывающие деревню с юга и запада, заросшие гу-

стым камышом озёра и болота, где мы проводили с ним немало времени, не раз ночевали в рыбацьем шалаше на удалённом Коновальском озере. Я очень любил эти поездки и часто хвастался своим друзьям-ровесникам дедовым уловом, за что и получил безобидное прозвище «Карась». Дед, не желая рисковать моей жизнью, пытался оставлять меня на берегу, но всегда был вынужден уступить моим жалобным просьбам. Однажды, когда он устанавливал сети на большой глубине, я едва не опрокинул нашу лодку, потянув за прочный скользкий стебель понравившуюся мне жёлтую водяную лилию, за что он впервые в жизни крепко меня обругал.

Дед также с ранних лет брал меня на сенокос, на выделенный ему ещё до революции сельским обществом участок, звавшийся Пановым полем. Изготовив по моему росту косу-литовку и деревянные грабли, он научил меня косить, сгребать сено, делать копны, принимать пласты сена, стоя на стогу-«зароде». Несмотря на болезненные укусы многочисленных комаров, слепней и паутов, летний удушающий зной, тяжёлый физический труд, я с детства полюбил сенокосную страду и до сих пор с удовольствием окашиваю косой-литовкой склоны и берега речушки на своём и соседних дачных участках.

Не получивший никакого образования, дед Павел тем не менее не был лишён природного эстетического вкуса. Изготовленную им домашнюю мебель: шкафы-горки, диваны-конопели, стулья, наличники на окнах и ставни — он украшал всегда незатейливой, но весьма выразительной резьбой. Телеги, ходки и сани отличались не только прочностью, но и искусно выполненными, радующими глаз формами. Даже изготовленные им сети заметно отличались от сетей его односельчан. Поплавками им служила аккуратно скрученная береста, обожжённые в печи глиняные трубки были грузилами, а берёзовый шест-«пехалка» и служившие для привязывания сетей палки-«тычки» были

тщательно ошкурены и зачищены от малейших сучков и зазубрин. Его добротный дом и небольшую усадьбу на берегу естественного пруда украшали особые, завезённые им с берегов Ишима ивовые заросли.

Дед не любил почему-то фабрично-заводские промышленные изделия, презрительно называл их «мануфактурой», весь плотничий, столярный и другой инструмент был выполнен им самим в колхозной мастерской или у себя дома. Даже столярный клей и дубильные вещества (квасцы) он изготавливал сам по известному только ему способу.

Благодаря его умению подбирать строительный материал, где преобладали особые породы берёзы, тщательно отобранные и срубленные им в лесу; благодаря выдержанной сушке и тщательной обработке древесины, выполненные им изделия отличались удивительной прочностью и долговечностью. Так, колеса его телеги не имели привычных железных ободьев, они целиком были выполнены из хорошо подогнанных частей, изготовленных из комлей прочной берёзы, как, впрочем, и другие элементы его деревянной повозки; исключением являлись лишь железные оси и поворотный курок. Мне, выросшему в деревне и посетившему немало этнографических музеев, нигде не приходилось видеть телег, изготовленных подобным дедовским способом.

У нашего деда была какая-то особая скрытая любовь к птицам, особенно к голубям. На фасаде и чердаке его дома, в аккуратно сколоченных им ящиках постоянно гнездились пары и выводились многочисленные птенцы. Их воркование и помёт были предметом постоянного ворчания его жены, нашей бабушки, на которое дед никак не реагировал. Даже в голодные военные и послевоенные годы, когда жители Караульного, чтобы не умереть от голода, ели всякую дикую живность, дед не охотился на своих голубей, считая их «божьей тварью».

Летними вечерами он любил сидеть на лавочке у своего дома с самодельной трубкой, набитой выращенным им табаком-«самосадам», слушать мерное воркование голубей и делиться со мной, подростком, воспоминаниями о своей былой нелёгкой жизни. Примечательно, что после смерти деда и продажи его дома голуби перестали водиться у новых хозяев.

Как многие деревенские дети, я был непоседливым и любознательно-пронырливым сорвиголовой, за что бабушка звала меня «варнаком». Однажды я нашёл спрятанный на чердаке дедовского сарая гранёный штык от трёхлинейной винтовки, который с неописуемой радостью принёс показать деду. Но он не разделил моего восторга от находки. Сердито выбравив меня за то, что я сую нос, куда не следует, он унёс куда-то моё бесценное сокровище, которое я больше никогда не видел.

Спустя много лет после смерти деда, я узнал от его старшей дочери, тётки Федосьи, что у деда в сарае был хорошо замаскированный, сделанный из деревянного сруба тайник. Переживший немало голодных лет и реквизиций, дед хранил в нём зерно в качестве семейного «страхового фонда» и сохранившуюся ещё с гражданской войны винтовку, которой, к счастью, ему никогда не пришлось воспользоваться.

Его смерть была преждевременной и в немалой степени спровоцированной особенностями его строптивой, непокорной и неуёмной натуры. В возрасте далеко за семьдесят лет он, вопреки уговорам наших бабушки и мамы, купил популярный в 60-е годы дешёвый малосильный мотоцикл, прозванный в народе «козликом», приладил к нему коляску и тем самым решил вопрос с новым, более передовым транспортным средством. Но не имея навыков вождения, после нескольких поездок на рыбалку он опрокинулся вместе с мотоциклом, сломал ключицу и рёбра, что, конечно, приблизило его смертный час.

*Каменецкий Николай Егорович
и Каменецкая Екатерина
Егоровна. 2005 г.*

Дядя Николай

С многочисленными родственниками отец всегда поддерживал тёплые отношения, но особенно близок он был со своим средним братом Николаем. Дядя Коля в их семье был самым хилым, болезненным ребёнком, но вопреки слабому здоровью и перенесённым тяжёлым жизненным испытаниям намного пережил своих братьев. Это удалось ему благодаря упорной работе над своим здоровьем, особому стоическому отношению ко всем житейским невзгодам и поразительной, редкой доброжелательности ко всем людям. За праздничным столом на его 80-летнем юбилее на мой не совсем корректный вопрос, в чём секрет его жизненного долголетия, он, не задумываясь, ответил: «Я никогда никому не завидовал и всегда радовался чужим успехам, как своим собственным».

Свои многочисленные болезни, унаследованные с рождения, дядя Коля лечил собственноручно приготовленными настоями из трав, пчёлами и болотными пиявками. Способы приготовления разных лекарственных

ных снадобий он унаследовал, очевидно, от своей матери, известной на всю округу травницы, многие из них он создавал сам, руководствуясь при этом лишь внутренним чутьём и особой интуицией. Подростками мы не раз издалека наблюдали, как он опускал обнажённые руки во встревоженный улей, подставлял укусам пчёл своё щедрое тело и этим лечил врождённую астму, радикулит и другие застарелые болезни, приобретённые в тяжёлом довоенном детстве.

Несмотря на сильную астму и внешнее щедрое, всю свою жизнь он проработал сельским электромонтёром и телефонистом, хотя мечтал быть бухгалтером. Последняя профессия больше подходила его складу ума, характеру, а главное – здоровью. Но жизнь в послевоенной деревне не позволила ему, как и многим его сверстникам, сделать желаемый профессиональный выбор.

Окончив после войны краткосрочные технические курсы, он до выхода на пенсию работал колхозным электриком, затем телефонистом РУС. Ему довелось завершать начавшуюся после войны электрификацию села и производственных участков колхоза. Серьёзную помощь в этом оказал наш отец, который «пробивал» через областные инстанции дефицитные в то время электрические провода, изоляторы, электродвигатели и другое необходимое оборудование. Благодаря добросовестному и неустанному труду дяди Коли к концу 1950-х годов в каждом деревенском доме появилась лампочка Ильича, работавшая от местной электростанции, где он также подрабатывал мотористом. Немало усилий он приложил и обретению в деревне своего радиоузла и появлению радиоприёмника в каждой семье.

Постоянно наблюдая за его небольшой сухощавой фигурой на вершине телеграфно-электрического столба, мы, подростки, завидовали его возможности наблюдать с высоты птичьего полёта всю деревню.

И совершенно не догадывались при этом, какого физического напряжения и волевых усилий стоило ему, хроническому астматику, каждое восхождение на столб в тяжёлых монтерских «когтях».

Дядя Коля, как и наш дед Павел, был также хорошим природным плотником-столяром. Свои навыки он усовершенствовал в строительной бригаде при возведении жилых домов в Комсомольске-на-Амуре, куда был направлен после войны по комсомольской путёвке. Возвратившись после смерти Сталина домой, он сразу же привёл в порядок изрядно покосившийся отеческий дом: сделал «подруб», заменивший нижние подгнившие венцы, починил обветшавшую кровлю, срубил баню и другие надворные постройки, которые были употреблены на дрова в годы войны. Свою усадьбу, граничившую с прудом, он, как и наш дед, украсил плакучими ивами, яблоньками и другими деревьями, завёл небольшую пасеку.

Закончив все хозяйственно-домашние работы, дядя Коля стал присматривать достойную хозяйку своего дома. Ему очень нравилась рослая, статная и красивая дочь местного священника-старообрядца, но она предпочла его младшего брата, более видного и статного. Испытав тщательно скрываемую неразделённую любовь и оставаясь в свои тридцать лет робким и стеснительным, дядя Коля стал тайно прибегать к «зелёному змию» и привыкать к вынужденному горькому одиночеству.

Выйти из этого незавидного состояния ему своевременно помогли мои заботливые родители. Они сосватали ему женщину из соседнего села, по какой-то причине сбежавшую от своего мужа. Решительная и энергичная тётя Катя сразу оценила трудолюбие, хозяйственность и, главное, необычайно добрый нрав и миролюбивый характер своего нового мужа. Став ему верной женой, надёжным помощником и полновластной хозяйкой, она родила ему подряд трёх детей, унаследовавших немало её черт и качеств.

Дядю Колю, как и отца, можно смело отнести к недипломированной части сельской интеллигенции, составлявшей особый слой российской глубинки. Он много читал художественной и специальной литературы, постоянно выписывал журналы «Наука и жизнь», «Техника — молодёжи», «Здоровье», «Пчеловодство» и другие популярные издания. Полученные полезные знания старался внедрить на общественном производстве и в домашнем хозяйстве, которое всегда содержал в образцовом порядке.

Он был также заядлым рыболовом, и я вместе с ним нередко ездил на местные озёра, где мы коротали время разговорами на разные темы. Несмотря на большую разницу в возрасте, мне было легко и приятно с ним общаться. Дядя Коля был лишён присущего многим взрослым чувства большого превосходства, назидательности и снисходительности к подросткам, был хорошим собеседником и внимательным слушателем, которому я поверял свои мальчишеские дела и замыслы.

В воскресные зимние дни дядя Коля нередко приходил к нам в гости и за бутылкой водки обсуждал с отцом волнующие их темы. Многие события довоенной и послевоенной жизни деревни и страны, их личного в них участия и отношения к происходившим событиям, политике власти я узнавал от них ещё подростком.

Став профессиональным историком и имея возможность проверить их сведения своими знаниями, наблюдениями и архивными изысканиями, я не раз поражался глубине их изложения и точности оценок. Их критические, взвешенные подходы и взгляды на события прошлого и настоящего страны были глубоко пережиты и выверены собственной нелёгкой жизнью. Высказанные ими за кухонным столом суждения и размышления по многим важным вопросам современности нередко шли вразрез с существующими официальными установками, пропагандистскими штампами и лозунгами; но

они во многом отражали настроения и ожидания большинства сельского населения Сибири и России в целом.

В обыденном, житейском отношении дядя Коля был более реалистичен и прагматичен, чем наш отец и многие из его односельчан. Каким-то особым «бухгалтерским» чутьём он мог предвидеть и прогнозировать повышение цен на потребительские товары и своевременно, своеобразно на них реагировать. Накануне повышения цен он шёл в продмаг, где закупал несколько ящиков водки, затем заходил в «Хозяйственные товары», где приобретал топоры, вилы, лопаты и другой инвентарь, без которого не обойтись в деревне. На сердитое и колкое замечание моего отца и насмешки соседей он отвечал неизменной молчаливой улыбкой. Когда цены через некоторое время значительно повышались, жителям оставалось только удивляться завидной интуиции и проявленной предусмотрительности дяди Коли.

В результате таких нехитрых «спекулятивных» операций в его домашнем погребе под кухонным полом скопился солидный запас водки разных видов, сортов и эпох. Водка, как известно, во все времена была и остаётся в деревне самым универсальным эквивалентом и платёжным средством. Ею рассчитывались во всех хозяйственных и житейских делах и событиях: вывозке сена, заготовке дров, вспашке приусадебного участка — не говоря уже об её широком использовании при приёме гостей, проведении свадеб, родин, похорон и т. д.

Навещая могилы наших родителей, мы всегда останавливались у дяди Коли, где получали самый тёплый сердечный приём. На от души накрытый стол он неизменно выставлял бутылку водки забытого советского производства, но хорошо знакомую нам, его современникам. В составе водочного ассортимента была «Московская водка» стоимостью 2 руб. 78 коп., «Столичная» по 3 руб. 67 коп., «Андроповская», «Агропромская» и другие раритетные виды. Несмотря на дли-

тельность хранения, достигавшую 20–30 лет, продукты советского винпрома сохраняли прежний вкус и крепость и выгодно отличались от современных образцов отечественных производителей алкоголя. Как важный атрибут и символ ушедшей эпохи, бутылка советской водки также постоянно украшала свадебные столы многочисленных внуков дяди Коли.

Дядя Коля, в отличие от нашего отца и других жителей, сумел сориентироваться и в сложной непредсказуемой финансовой ситуации 1990-х годов. Предвидя своим особым «шестым чувством» крах банковской системы в стране, он потратил накануне дефолта все сбережения на покупку двух «бэушных» совхозных тракторов и старого жилого дома в селе для своего сына. Его приобретения позволили им с сыном, ведущим совместное хозяйство, в условиях распада и разрушения совхозного производства, невыплаты пенсий, зарплаты удержаться на плаву. Они сохранили и даже увеличили своё подсобное хозяйство, обеспечили себе определённую хозяйственную самостоятельность и даже смогли оказать неоценимую помощь своим взрослым детям, внукам и другим родственникам, потерявшим работу или работающим без оплаты труда.

Его жена, тётя Катя, прозванная детьми, внуками и другими родственниками бабой Катей, отчасти заменила нам рано умершую мать. Она стойко перенесла и пережила все трудности войны и послевоенного времени. Её отличительной чертой было позитивно-ироническое отношение ко всему происходящему в жизни, самой себе, многочисленным родственникам, всем людям, а также удивительная доброта и хлебосољство.

Она не только трепетно любила своих детей, появившихся у неё уже в зрелом материнском возрасте, боготворила многочисленных внуков, но и привечала всех своих, не во всём состоявшихся, по её словам, «непутёвых» дальних родственников из соседнего села Котино. При приезде как званых, так и неожиданных гостей она забывала про все свои болезни и метала на стол бесхитростные, но необычайно вкусные домашние блюда.

Особым спросом пользовались её запечённые в русской печи курники с молодыми бараньими рёбрышками, большие пироги с жёлтыми жирными карасями, шаньги с домашним творогом, особые сдобные булочки, блины с домашней сметаной и топлёным маслом, мясо горячего копчения и прочие изделия, производимые преимущественно в личном подворье. Всё это хорошо сочеталось с её знаменитым домашнего производства «коньяком», названным нами «Дядя Коля», и медовухой «Баба Катя». Произведённые по особым, только им известным рецептам, эти напитки заметно отличались высокими вкусовыми качествами от запо-

лонивших в 90-е годы прилавки сельских магазинов низкосортных алкогольных изделий, имевших зачастую опасное «левое» происхождение.

Отмечая очередной юбилей своего мужа в тяжёлом 1997 году, когда вся страна была обречена потреблять известные «ножки Буша», она выставила на стол особым образом приготовленные в русской печи голени упитанных домашних гусей и прочую домашнюю снедь, продемонстрировав тем самым свою полную продовольственную безопасность и независимость.

При всей своей скрытой доброте и отзывчивости баба Катя обладала сильным, решительным, твёрдым характером, который не раз испытывали на себе все провинившиеся, особенно пьяные дебоширы и сельские хулиганы.

Однажды я был свидетелем, как она вступилась за свою родственницу, прибежавшую к бабе Кате, спасаясь от побоев пьяного мужа Ивана Неустроева. Явившегося вскоре к ней в дом семейного дебошира баба Катя, не задумываясь, крепко огрела большим, только что вытасненным из печи ухватом, чем восхитила всех присутствующих, а пострадавшего привела в надлежащее отрезвляющее состояние. При этом она крепко пристыдила его и пригрозила, что в следующий раз «полечит и похмелит» его ещё не так. Пристыженный и посрамлённый виновник спешно ретировался домой.

Ранним утром, испытывая немалые угрызения совести и разламывающую головную боль, требующую немедленного «лечения», он явился к бабе Кате с повинной головой и с очередными несбыточными обещаниями. После выслушанной от хозяйки надлежащей воспитательной речи и выдержанной ею паузы виновник был прощён и даже сумел поправить своё здоровье её прекрасной домашней медовухой.

Выпивоха и семейный скандалист Иван Неустроев, как и его ровесник, уже знакомый нам дядя Лёня Журавель, тоже представлял собой колоритную, во многом типичную фигуру сельского труженика советской послевоенной эпохи. Родившись в первый год войны и пережив все тяготы голодного военного и послевоенного детства, он, в отличие от многих своих сверстников – детей войны, был наделён крепким здоровьем, неуёмной, кипучей энергией, находившей выход в самоотверженном труде, непредсказуемых поступках и бесшабашном поведении.

Успешно отслужив в армии, где был лихим танкистом, он до выхода на пенсию добросовестно трудился трактористом в деревне. Употребив спиртное, Иван не раз демонстрировал на гусеничном тракторе немислимые фигуры «высшего пилотажа», вызывая одновременно восторг у деревенской молодёжи и немалый гнев своего начальства. При этом, нещадно эксплуатируя своего «железного коня», Иван относился к нему с какой-то особой заботой и даже с нескрываемой ревностью. Он не позволял никому садиться за его рычаги и, уходя в отпуск, разбирал наполовину двигатель, а его детали уносил домой, чтобы никто не мог работать на его тракторе в его отсутствие.

Его неуёмный нрав, пьяные семейные выходки и чудачества во многом компенсировались отменным знанием своего дела. С помощью изготовленных в местной кузнице нехитрых приспособлений и заводских навесок обычный гусеничный Т-74 Ивана нередко заменял экскаватор, бульдозер, погрузчик, выполнял другие работы, не свойственные его прямому назначению и которые не каждый сельский механизатор мог выполнить. Сельская детвора была очень рада, когда дядя Ваня на своём тракторе-универсале расчистил и значительно углубил дно обмелевшего пруда, бывшего любимым местом купания летом, а зимой – катком и площадкой для хоккея. Кроме того, он выбрал большой склон векового перегноя и спланировал большую площадку перед школой для спортивных занятий и игр, прежде всего в футбол и волейбол.

Особенно незаменимы были его труд и мастерство при заготовке строительного леса на отведённых лесных участках. Иван не только умело трелевал из лесной чащи на поляну поваленный лес, но и аккуратно грузил навесными «приспособами» огромные стволы на большой лесовозный прицеп, доставлял его на местную пилораму, где так же искусно разгружал его гигантскими когтями-щупальцами своего универсального трактора. В нерабочее время он безотказно привозил на своём тракторе дрова, зароды и скирды сена пенсионерам, которые, несмотря на протесты его жены и назидания моего отца и дяди Коли, расплачивались с ним неизменными спиртными напитками.

Вместе с женой он вырастил и воспитал дочь и трёх сыновей, младший из которых трагически погиб при неосторожном обращении с ружьём. Своё отцовское горе Иван утешал недельным горьким запоем, закусывая только толсто скрученной из крепчайшего домашнего табака сигаркой.

После выхода на пенсию, совпавшего с разрушением колхозно-совхозного производства, он по на-

стоянию жены и взрослых детей переехал в районный центр, где работал в милиции его старший сын. Несмотря на свои 80 лет, дядя Ваня по-прежнему любит выпить и даже однажды сильно отравился «самопальной» водкой, но его могучий организм с помощью врачей сумел справиться и с этим недугом. Однако уроки, преподнесённые самой жизнью и бабой Катей, очевидно, не прошли бесследно – он перестал дебоширить и превратился со временем в спокойного рассудительного семьянина, с печалью и тоской вспоминающего подъём и упадок колхозного строя и свои молодые, буйные, по его словам, «без ума» прожитые годы.

Жизнь бабы Кати резко осложнилась в наступившие лихие 90-е и последующие десятилетия. Получаемые с мужем с перебоями скромные пенсии она тратила на взрослых детей, годами не получавших зарплату, внуков, школьников и студентов, не требуя ничего взамен. Продуктами своего подсобного хозяйства: молоком, сметаной, творогом, мясом и озёрной рыбой – она так же щедро делилась с испытывавшими трудности дальними нерадивыми родственниками, проживавшими в соседнем селе. Многие из них, потеряв работу, а вместе с тем и себя, находили утешение лишь в водке и у бабы Кати, которая всех принимала, выслушивала жалобы на жизнь, крепко отчитывала за пьянство и, по-матерински жалея, всегда делилась последним.

Уже будучи в пенсионном возрасте, постоянно болея, баба Катя и дядя Коля в период лихолетья совершили поистине родительский подвиг. На свои скромные сбережения рядом со старой родительской усадьбой они возвели просторный трёхкомнатный дом для своего сына, подарившего им трёх внуков.

Большую помощь в строительстве им оказал и мой отец. Несмотря на возраст и одолевавшие обоих болезни, дядя Коля с отцом разобрали и перевезли купленный по случаю заброшенный сосновый дом,

каких было уже немало в Караульном. Дом изрядно обветшал, нижние венцы, межоконные проёмы и кровля пришли в негодность. Поэтому братьям-пенсионерам предстояло выполнить большой объём трудоёмких строительных работ, надеясь лишь на собственные ресурсы и силы.

Преодолевая все трудности, связанные с их физическими возможностями, нехваткой средств на приобретение новых материалов и нужного инструмента, они в короткий срок возвели прочный фундамент с использованием арматуры, поставили взамен ветхого наполовину новый сруб, сработанный в «косой угол», дополнили его старыми, но ещё прочными брёвнами, выполнили другие плотнические, столярные и отделочные работы.

Особенно нелегко им пришлось при установке первых венцов, состоявших из огромных тяжёлых сырых осинового брёвен. Но старики, имевшие за спиной суровую школу жизни и немалый строительный опыт, успешно справились и с этой непростой задачей. Рядом с изрядно осевшим, покосившимся, испещрённым от времени строением их родового гнезда вырос просторный и представительный дом, в котором выросло уже четвёртое поколение династии Каменецких. Этот дом, как и рядом стоящий дом нашего прадеда, также стал для всех нас родным и близким.

Хозяин возведённого дома, Георгий, во многом напоминает мне собирательный образ шукшинских деревенских парней. Несмотря на все наши уговоры перебраться поближе к городу, где легче жить и работать, он, единственный из всех Каменецких, остался верен селу, родителям и нелёгкому сельскому труду, которым занимается и теперь.

В жизни ему крепко не везло. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные глубокие шрамы на его голове и повреждённый позвоночник. Ещё в шестилетнем возрасте он едва не лишился жизни от удара копытом мерина, укушенного шершнем на сенокосе. В тридцать с небольшим он едва не погиб при столкновении на своём мотоцикле с грузовиком. Но сильная воля, упорный характер, передавшийся ему, очевидно, от отца, и умение сохранять изрядно подорванное здоровье помогли ему не только выжить, но и вернуться к работе лесного объездчика, оплата которой уже два десятилетия производится не деньгами, а дровами. Выживать в мучительно умирающей деревне ему позволяет большое крестьянское подворье. В нём вместе с коровами, телятами, овцами, козами, кроликами и прочей живностью постоянно живёт и лошадь, которую хозяин, имеющий три трактора, держит, по его словам, лишь «для души».

Любовь к животным, забота о них является самой большой страстью нашего Гоши, которой он верен всю свою жизнь. Не получив специального ветеринарного образования, он тем не менее профессионально

разбирается во многих болезнях домашних животных, охотно лечит подручными средствами и своих, и чужих питомцев, подбирает бездомных собак и кошек и тем самым вполне оправдывает полученное от деревенских жителей хорошее шутовское прозвище – доктор Айболит.

Тёте Федосье

Самой большой долгожительницей в нашем роду по материнской линии была старшая дочь деда Павла, тётя Федосья, или, как мы привыкли её звать, тётя Феня. Она прожила долгих 94 года, из которых более десяти последних лет – в интернате для одиноких и брошенных детьми стариков, именуемом в народе «стардомом», где и закончила свою нелёгкую безрадостную жизнь.

Рано потеряв мать, она чувствовала себя при мачехе лишним ребёнком в родном доме. Сразу после окончания войны она, не раздумывая, вышла замуж за вернувшегося с фронта израненного овдовевшего латыша с двумя детьми и поселилась с ним в райцентре. Вскоре у них родился совместный сын, позднее дочь, и в маленьком домике стало тесно.

Унаследовав от своего мастерового отца строительное ремесло, тётя Феня практически без помощи больного мужа, сама срубила на окраине райцентра просторный дом с необходимыми хозяйственными постройками. Своими размерами и планировкой он во

Таймш (Панова)
Федосья Павловна с внучкой.
1968 г.

многом был схож с её родительским домом в Караульном. Чтобы выстроить его и поднять на ноги детей, она годами трудилась без устали на разных работах, без выходных, не имея возможности даже навестить своих родственников в Караульном.

В этом доме, где и я, и мои братья и сёстры часто останавливались по пути домой, нас всегда ждал тёплый приём и ночлег. Тётя Феня, как и дядя Коля, обладала ровным, доброжелательным характером, встречая и провожая нас, она неизменно проявляла какую-то особую сдержанность и деликатность. Она никогда не выказывала излишнего любопытства к нашей личной жизни, не давала оценок поступкам людей, избегала назидательных наставлений и в этом во многом напоминала нашу маму.

Похоронив вскоре мужа, вырастив и воспитав четверых детей, двое из которых уехали в Прибалтику, а другие перебрались в областной центр, она не захотела оставаться одна. Продав дом и разделив деньги поровну между детьми на покупку ими квартир, тетя Феня переехала в Омск, поближе к детям. Но им, успешно устроившим свою семейную жизнь, она оказалась не нужна.

Оставшись без жилья и участия со стороны детей, она не пришла в отчаяние и вскоре сошлась с одиноким стариком, также сильно израненным участником прошедшей войны. Прожив с ним с десяток благополучных лет, наполненных неустанной заботой о ставшем близким ей человеку, она похоронила его и вновь осталась одна. Взрослые дети её невенчанного мужа, имеющие давно благоустроенные квартиры, оценив её большую заботу и внимание к покойному отцу, предложили тете Фене остаться в их родительском доме, который она успела привести в должный порядок. Но она, имея своих детей и рассчитывая на их поддержку, отказалась от этого радужного, идущего от сердца предложения. Так на склоне лет она вновь осталась без жилья, предоставленной сама себе. Её приютила младшая дочь, которой

тётя Феня всегда помогала по дому, делилась своей скромной пенсией, старалась во всём быть полезной.

Но жизнь с дочерью вскоре стала невыносимой. Работавшая бухгалтером в престижном банке дочь, похоронив мужа-пьяницу, сосредоточила всё внимание на своей единственной дочери. Та, закончив престижное театральное училище в Москве, стала актрисой, удачно вышла замуж и осталась жить в столице. Дочь, очень гордая успехами своего ребёнка, старалась не замечать свою необразованную и «нецивилизованную» мать, неделями с ней не общалась. Такую же позицию занял и благополучный сын тёти Фени со снохой. Они также жили своей жизнью, гордились дочерью, ставшей кандидатом наук, доцентом местного университета, и её сыном. Тётя Феня искренне радовалась успехам своих детей и внуков, охотно делилась их достижениями перед своими родственниками и знакомыми и всегда выкраивала для собственных детей и внуков из своей скромной пенсии деньги, от которых они никогда не отказывались.

Чувствуя себя лишней у дочери и сына, она часто проводила всё лето и осень у своей племянницы, нашей сестры Нины в пригородном посёлке. Здесь она обретала некоторое душевное равновесие и свою хозяйственную самостоятельность и востребованность. Племянница часто пропадала в командировках по области и за её пределами, и тётя Феня охотно «домовничивала» у неё, ухаживала за животными, большим птичьим хозяйством, огородом, радуясь своей необходимости и значимости. Экономленную пенсию она, как и раньше, отправляла своим взрослым детям. Когда ей перевалило за восемьдесят, она, несмотря на уговоры Нины, приняла твёрдое решение уйти в интернат для престарелых людей.

Там она не смогла (или не захотела) сблизиться со стариками, чьи судьбы во многом были схожи с её несчастливой жизненной долей, чем заметно отличалась от

всех обитателей дома государственного призрения. Она не участвовала в коллективных делах интерната, никогда не жаловалась на свою судьбу, не делилась ни с кем своими печальями и не расспрашивала о сложных перипетиях жизни других людей. Всё свободное время она проводила за вязанием носков, варежек и других вещей для своих любимых детей и внуков. Любила бродить одна вдоль берега большого открытого озера, в берёзовой роще, где особняком, как бы отгородившись от большого оживлённого посёлка и живущих там активных людей, расположились корпуса приютившего её интерната.

Заметив аккуратность, самостоятельность и склонность к одиночеству тёти Фени, внимательное руководство выделило ей маленькую отдельную комнату, где она предавалась неизвестным никому воспоминаниям и размышлениям. Скопив определённую сумму из остатков от пенсии после вычитаемых за содержание в интернате денег, тётя Феня ежегодно брала такси и навещала своих благополучных, самодостаточных детей. По заведённому ею правилу, она, как всегда, оказывала им «гуманитарную» помощь и без задержек возвращалась обратно.

Ни дети, ни внуки ни разу не приехали к ней в интернат. Только наша старшая сестра, жившая рядом в районном посёлке, регулярно навещала её, скрашивая ставшее привычным для неё горькое и вынужденное одиночество. Ежегодно навещая могилы наших родителей, мы тоже проездом навещались к ней, привозили бесхитростные подарки, которым она по-детски радовалась, расспрашивала нас о жизни, особенно о наших детях и внуках. Мы всегда удивлялись её поразительному внешнему спокойствию, отсутствию каких-либо жалоб на своих детей, одинокую, заброшенную старость, трудную и долгую жизнь.

Чувствуя приближение смерти, она попросила руководство и мою сестру не вызывать детей, сказав при этом: «Не надо их беспокоить». Её единственной прось-

бой было похоронить её на общем кладбище среди таких же одиноких и обездоленных стариков.

На похоронах тёти Фени, организованных интернатом, были все наши родственники и её дочь, которой всё-таки сообщила о кончине матери моя сестра. После завершения прощального ритуала дочь сразу же уехала в город, не оставшись даже на поминки. Сын, сославшись на нездоровье, так и не проводил свою мать в последний путь. Никто из них больше не посещал могилу своей матери...

Тёте Фени

Жизненный путь другой сестры моей матери, тёти Нины, тоже оказался трудным, наполненным нелёгкими испытаниями и тяжёлыми нестирающимися воспоминаниями. После освобождения из лагеря она с ребёнком вернулась в Караульное. Вскоре оттуда же вернулся осуждённый по такой же статье дядя Лёня, бывший железнодорожник, за которого она вышла замуж. Он усыновил её сына Геннадия, устроился мотористом на местную электростанцию, и их совместная жизнь, казалось, обрела нужное русло. Они добросовестно трудились в колхозно-совхозном производстве, растили сына, тщательно оберегая тайну его рождения.

В силу своего весёлого характера и добродушного нрава тетя Нина никогда не вспоминала о тяжёлом военном и послевоенном времени, особенно о жизни в

*Каменецкий Т. Е,
Каменецкая Н. Т. и её сестра
Ревина (Танова) Нина*

таёжном лагерном посёлке. Она, как и многие люди её поколения, не любила говорить о перенесённых страданиях и унижениях, старалась вычеркнуть их из памяти.

У неё больше не было детей, от чего страдала и она, и её муж. Они часто заходили к нам на «огонёк», чтобы порадоваться счастью большой шумной семьи. Их сын Геннадий со временем превратился в высокого статного парня, унаследовавшего красоту своей матери и техническую жилку приёмного отца. Несмотря на четырёхлетнюю разницу в возрасте, мы с детства тесно сдружились с ним. Он часто катал меня на отцовском мотоцикле-«козлике», выжимая по просёлочной дороге за околицей всю возможную его скорость, что приводило меня одновременно в большой восторг и в немалый испуг.

После окончания железнодорожного училища он был призван в армию и проходил службу в живописном уголке Кузбасса. Геннадию очень понравился разнообразный ландшафт Салаирского края, который выгодно отличался от низменных болотистых мест Нижнего Приишмья. Отслужив в армии, он решил остаться на месте службы, в небольшом промышленно развитом кузбасском городке. Родители, узнав о его решении, не колеблясь, последовали за ним. Сын устроился на работу слесарем в местном депо на железной дороге и вскоре женился. Его первенец заметно оживил спокойную размеренную жизнь тёти Нины и дяди Лёни.

Но беда, как водится, пришла внезапно и нарушила их общий покой и установившееся семейное благополучие сына. Во время работы в депо металлической стружкой от токарного станка были повреждены оба глаза Геннадия. После неудачно сделанной операции он ослеп на один глаз, второй глаз едва различал дневной свет. В результате здоровый, крепкий, красивый парень в одночасье превратился в беспомощного инвалида. Этого испытания сын не смог выдержать. Улучив момент, когда дома никого не было, он покончил с собой.

Для жены и родителей Геннадия его смерть стала страшным ударом. Мои родители, прибывшие на похороны, с трудом узнали в пожилой седой женщине ранее цветущую здоровьем и красотой, 45-летнюю тетю Нину. После приезда с похорон, потрясённый событием, отец собрал всех нас за столом и рассказал о случившейся трагедии. При этом он произнёс слова, которые мы запомнили на всю жизнь: «Никогда, ни при каких жизненных обстоятельствах не распоряжаться жизнью таким способом, а при наступлении тяжёлой ситуации незамедлительно оказывать помощь друг другу. И пока мы с матерью живы, мы всегда готовы прийти к вам на помощь».

Тётя Нина долго не могла примириться с потерей сына. Из затянувшего мучительного оцепенения её вывела сноха. Та не смогла перенести этот удар судьбы, начала употреблять спиртное, мало заботилась о своём двухгодовалом сыне. Не знаю, каким способом и какими словами тетя Нина уговорила сноху отдать ей внука. Она оформила опеку и всю оставшуюся жизнь посвятила ему. Муж тёти Нины, имея подорванное лагерем здоровье и испытав большой шок от смерти ставшего ему глубоко родным приёмного сына, вскоре умер, едва дожив до пенсии. Пережив новую потерю, тетя Нина сумела самостоятельно, без всякой помощи поставить на ноги своего внука, ставшего главной целью и смыслом её существования.

Когда судьба нечаянно забросила меня в этот город, я нашёл её уже старой больной женщиной, с сохранившимися следами былой красоты. Увидел я и навестившего её уже взрослого, женатого, состоявшегося двадцатипятилетнего внука, который был поразительно похож на своего отца, моего двоюродного брата Геннадия.

В своей повести я не могу не осветить историю жизни тоже близкого нашей семье человека, моей двоюродной тётушки Солнцевой Елены Кирьяновны, известную мне из её рассказов и воспоминаний моих родителей.

Отец Елены, Солнцев Кирьян был расстрелян вместе с семьёй братьями во время Западно-Сибирского (Ишимского) восстания, о чём я писал выше. Мать осталась одна с четырьмя малолетними дочерьми. Младшая дочь Елена была почти ровесницей моего отца. Она родилась в день смерти Ленина, в память о котором и получила своё имя. В раннем детстве она заболела полиомиелитом и стала инвалидом, слабой на ноги. По словам моего отца, за подвижными детскими играми она могла только наблюдать с завалинки, где любила сидеть летом и лепить из глины куличики и другие поделки.

В период коллективизации семья пережила новую драму. За причастность Солнцевых к повстанческому движению против советской власти жену Кирьяна Солнцева вместе с детьми выслали на поселение в притаёжное село Тырышкино Колыванского района Новосибирской области. Здесь вместе другими поселенцами-изгнанниками они с трудом стали устраивать свою новую нелёгкую жизнь.

Мать, обременённая тяжёлой работой и заботой о пропитании дочерей, не стремилась дать образование дочери-инвалиду. Но несмотря на её сопротивление и даже запреты, Лена сумела преодолеть все труд-

ности, связанные как с инвалидностью, так и с войной, и с отличием окончила местную десятилетку. Летом, опираясь на костыли, она сама добиралась до школы, зимой её на санках возили старшие сёстры.

После окончания школы в победоносном 1945 году она, опять-таки вопреки материнской воле, вместе с сестрой тайно бежала из родного дома, чтобы продолжить учёбу в областном центре. Судьба немало благоволила ей в этом. С большим трудом добравшись до Новосибирска, она не только поступила в сельскохозяйственный институт, но даже, добившись встречи с ректором, сумела устроиться в переполненном студенческом общежитии.

Студенческие годы были для неё самыми счастливыми в жизни. Получая небольшое пособие по инвалидности, она практически без помощи извне успешно переходила с курса на курс. В свободное от учёбы время любила посещать открывшийся летом 1945 года оперный театр, ставший заслуженной гордостью новосибирцев, и новый кинотеатр с символичным названием «Победа».

В институте она встретила свою первую и единственную любовь, долгое время ставшую для неё мучительной непреходящей болью. Её возлюбленный, студент, выросший позднее до профессора этого же института, также питал к ней нежные чувства и на последнем курсе сделал ей предложение. Но она, остро чувствуя свою неполноценность, вызванную инвалидностью, отказала ему. После окончания института с отличием ей предложили остаться на кафедре и поступать в аспирантуру. Но она, страдая от невозможности быть счастливой и от скрытой и явной недоброжелательности подружек, которые в условиях послевоенного большого дефицита женихов, не скрывая, завидовали ей, решила навсегда уехать из города.

Вскоре она воспользовалась набором перспективных сотрудников в научно-исследовательский институт земледелия в Ставрополе, руководил которым

всевластный академик Т.Д. Лысенко. По пути следования к месту назначения в Москве с ней случилось новое несчастье. На эскалаторе метро у неё из-за пережитых волнений, связанных с расставанием с любимым человеком и вынужденным переездом, отказали и без того слабые ноги. Сидя на бетонном полу станции, она горько разрыдалась от бессилия и отчаяния. Но мир опять оказался не без добрых людей. Незнакомый ей мужчина, имя которого она так и не успела спросить, узнав о её беде, вызвал скорую и сам доставил её в больницу. Ей была сделана успешная операция, которая восстановила её способность самостоятельно передвигаться на небольшие расстояния без костылей. Выписавшись из больницы, она благополучно прибыла в Ставрополь, где началась её новая трудовая деятельность.

Жизнь в Ставрополе отодвинула на задний план её горькие переживания и незаживающие душевные раны. Как ни странно, она даже обрадовалась, когда узнала, что её любимый женился и уже ждёт ребёнка. Почувствовав некоторое облегчение, она полностью отдалась любимой работе. В течение почти десяти лет она успешно трудилась в опытно-селекционной станции при институте по выведению новых сортов злаковых культур, крайне необходимых стране, испытывавшей после войны большие продовольственные трудности.

Коллектив станции, где она работала, относился к ней доброжелательно. Академик Лысенко, умевший выделять молодых способных сотрудников, предложил ей поступить в аспирантуру и даже обеспечить научное руководство. После успешного окончания аспирантуры Елена Кирияновна подготовила первоначальный вариант кандидатской диссертации, посвящённой выведению новых морозоустойчивых твёрдых сортов пшеницы, и была готова представить её к обсуждению.

Но её обрётённому, казалось бы, внешнему благополучию в середине 50-х годов наступил конец. Причи-

ной тому стала развернувшаяся в стране кампания против Лысенко и его окружения. Однако, несмотря на всю обрушившуюся на академика и его последователей справедливую и несправедливую критику, Елена Кирьяновна до конца жизни осталась верной своему учителю. Она не присоединилась к его не всегда добросовестным оппонентам, считала его хорошим агрономом-новатором и сохранила о нём живые интересные воспоминания.

В результате обоснованной и не во всём обоснованной критики лжеучёного, «академика от сохи» институт был закрыт, его сотрудники уволены и Елена Кирьяновна осталась без работы. Подготовленная к защите диссертация, научным руководителем которой был сам некогда могущественный Лысенко, оказалась не востребовавшей и не подлежала защите.

С разгромом школы Лысенко для неё наступил новый нелёгкий период. Потеряв работу на юге, она была вынуждена вернуться в родной Новосибирск с надеждой устроиться там. Но руководство её института, будучи, очевидно, хорошо информированным об известном «Письме 300 учёных» об антинаучных взглядах Лысенко, в результате которого он был снят с поста главы ВАСХНИЛ, не захотело взять её на работу даже лаборантом. Мотивом отказа стало отсутствие вакантных должностей. Такая же ситуация повторилась в Омском сельскохозяйственном институте и в Сибирском научно-исследовательском институте растениеводства. Ей повезло с работой лишь в Омском аграрном техникуме, где она была принята на агрономический факультет преподавателем биологии и селекции растений.

В это тяжёлое для неё время, лишённая работы, средств существования и необходимой моральной поддержки, Елена Кирьяновна была близка к отчаянному шагу. В доверительной беседе со мной она призналась, что готова была принять сильнодействующий яд, который хранила у себя на всякий случай. Но когда ночью она

хотела осуществить задуманное, к ней, атеистке, пришло видение в образе Богородицы, которая со строгим немым укором взглянула на неё, погрозив пальцем. После этого наша тётушка почувствовала какое-то облегчение, желание жить и бороться за свою нелёгкую судьбу.

Более четверти века Елена Кирьяновна посвятила трудной работе преподавателя. Многие бывшие студенты и коллеги знают и помнят её до сих пор не только как специалиста высокого класса, преданного своему делу, но и как честного, чуткого и принципиального человека. Но мало кто знает, каких трудов стоило ей не показывать свою слабость и физическую ущербность все эти годы. Чтобы никто из преподавателей и студентов не увидел её костылей, она приезжала в техникум с первым автобусом и уезжала уже после окончания всех учебных занятий.

Её личная жизнь так и не сложилась. Чтобы скрасить своё вынужденное одиночество, она предложила моей старшей сестре, студентке техникума, перейти из общежития в её кооперативную «хрущёвскую» квартиру, которую она сумела приобрести после долгих лет жизни в коммуналке. Во время их непродолжительной совместной жизни она поделилась с ней многими эпизодами своей трудной судьбы и, полюбив её, даже предложила оформить над ней опеку, что стало для сестры большой неожиданностью.

После окончания учёбы моя сестра уехала по распределению в северный район Омской области, и Елена Кирьяновна вновь осталась одна. Её поддерживали тёплые письма старших сестёр, по-прежнему живущих в Тырышкино, и особенно близкой ей по духу Таисьи, работавшей учительницей начальных классов. Выйдя на пенсию, моя горемычная тётушка решила перебраться поближе к родственникам и переехала в Бердск, где жила одна из её племянниц.

Переезд в новый город совпал с крутыми переменами в жизни государства и общества. Елена Кирья-

новна, от природы активная и небезучастная, не могла остаться равнодушной к свершаемым историческим событиям. Она, как и мой отец, болезненно реагировала на распад бывшего Союза, дискредитацию партии, членом которой она была с 50-х годов, переход к «дикому» капитализму и расхищению государственной собственности. Наша тётушка не была таким убеждённым коммунистом, как известная в годы перестройки преподаватель истории КПСС Нина Андреева, но, как и она, не могла поступиться своими принципами и взглядами, сформированными и выстраданными на своём тяжёлом жизненном пути.

Она активно сотрудничала с местными газетами, где в статьях отстаивала свои взгляды на изменившийся строй, остро обличала управленческие промахи местных чиновников, установившиеся новые порядки. Её острый стиль и социальная смелость нравились новым либеральным редакторам, которые на первых порах охотно её публиковали и даже навещали её скромную однокомнатную «хрущобу». Но по мере укрепления позиций местных и центральных властных структур, подчинения ими печатных изданий её возмутительные статьи оказались невостребованными, чрезмерно «коммунистическими», и в её услугах перестали нуждаться.

Старшая сестра тётушки, с которой её связывали с детства самые тесные отношения, вскоре после её переезда скоростижно умрёт, и её смерть станет новой тяжёлой утратой. Лишившись большой моральной поддержки близкого ей по духу человека, Елена Кирияновна остро почувствовала жизненную усталость и свою ненужность. Ухудшившееся здоровье и долгое безнадёжное одиночество побудили её обратиться за помощью к своей племяннице, дочери умершей сестры. Последняя, нуждаясь в квартире для своего взрослого сына, перевезла её с нехитрым скарбом к себе. О дальнейшей судьбе нашей Елены Кирияновны нам ничего не известно.

*Елена Кирияновна
Самцева. 1968 г.*

*Братцев Михайл Кузьмич (дяде Михайл)
и его жена Гласковье Изотовна*

Дом Михея Кузьмича

Михей Кузьмич

Очень трудным, наполненным тяжёлыми потрясениями, утратами и испытаниями был долгий жизненный путь и другого нашего родственника – Братцева Михея Кузьмича. Он доводился племянником моей бабушке и двоюродным братом нашей маме, которые всегда тепло относились к нему, называя не иначе как Михеюшка, жители деревни именовали его Кузьмичом, а подростки – дядей Михеем.

Дядя Михайл перенёс с раннего детства огромные лишения, получил инвалидность на войне, пережил смерть взрослого единственного сына. До недавнего времени он жил в Омске под опекой своих заботливых дочерей, сохранив до конца своей долгой и трудной жизни жизнелюбие, хорошую память и остатки былой кипучей активности.

Его судьба была во многом схожа с биографиями его ровесников-современников: моего отца, Елены Кирьяновны, других наших родственников, встретивших и переживших на своём пути немало жизненных невзгод, тяжёлых потерь и других суровых испытаний.

Он рано лишился матери, а вскоре и отца и в пятилетнем возрасте оказался сиротой. В 1931 году его вдового отца, бывшего середняка Братцева Кузьму Варфоломеевича по доносу одного из односельчан

привлекли, выражаясь современным языком, за индивидуальную трудовую деятельность. Она заключалась в выделывании кож на дому для себя и местных жителей, и эта работа приносила ему небольшой доход.

По словам хорошо знавшей его тёти Фени, об его незаконном, с точки зрения властей, кустарном частном промысле сообщила в органы одинокая вдова, которая таким способом отомстила ему за то, что он не захотел взять её в жёны. За своё трудолюбие и проявленную предприимчивость Кузьма был причислен к разряду кулаков, его имущество было конфисковано, и бывшего кустаря-одиночку, разлучив навечно с семьёй, отправили в бессрочную ссылку в Восточную Сибирь, где следы его затерялись. Остальных членов его большой семьи: деда Варфоломея (отца моей бабушки по материнской линии Братцевой Агафьи Варфоломеевны), бабушку Екатерину, родную сестру моей бабушки, незамужнюю Федору Варфоломеевну с тремя малолетними детьми Кузьмы – сослали на север Томской области, в безлюдный в прошлом и малопригодный для жизни Нарымский край, расположенный в центре бескрайних, непроходимых Васюганских болот.

В 1930-е годы Нарымский край стал местом проживания почти 300 тысяч раскулаченных, лишённых средств существования, оторванных от родных мест, а нередко от своих семей людей, получивших новый статус – спецпереселенцев. Грубый административный произвол и беззаконие, допущенные на местах по отношению к «раскулаченным элементам», вынуждены были вскоре признать даже вышестоящие органы власти, осуществившие и направлявшие борьбу с кулачеством.

В строго секретном постановлении бюро Западно-Сибирского крайисполкома «О выселении кулаков» от 2 марта 1932 года констатировалось, что «очистка колхозов от кулацких элементов осуществлялась с грубыми нарушениями местными властями».

Постановление напоминало местным администраторам, что «выселению подлежит твёрдо установленный кулацкий элемент», «каждая выселяемая кулацкая семья в своём составе должна иметь вполне трудоспособного главу или члена семьи – мужчину», «все выселяемые из колхозов кулацкие семьи имеют право забрать с собой все свои личные вещи и всё своё не обобществленное имущество и инвентарь», «чтобы ни одно хозяйство, неправильно отнесённое к кулацкому, не было подвергнуто выселению. ...Каждая кулацкая семья, проникшая в колхоз, должна до выселения обсуждаться на общих собраниях колхозников и решением этих собраний вычищена из колхоза, и только затем выселена после получения санкции ПП ОГПУ на выселение».

Как известно, ни один из этих «гуманных» пунктов по отношению к раскулаченным не соблюдался, и «спецконтингент», лишённый всех прав и средств к существованию, связей с родными, был обречён на бессрочное мучительное выживание, сопровождаемое высокой смертностью и тяжёлыми болезнями.

Жизнь семьи в наспех построенном сыром бараке на поселении среди громадных болот Васюганья в условиях жаркого удушливого лета и суровой сибирской зимы была невыносимой. Загруженные тяжёлой работой спецпереселенцы, при отсутствии медицинской помощи и не имеющие самых необходимых средств и условий для жизни, уже в первый год пребывания на поселении зачастую были обречены на верную смерть.

Даже самый карательный орган советской власти – территориальное ГПУ – вынужден был признать «крайне тяжёлые и неудовлетворительные жилищные условия жизни и работы расселённых контингентов». В циркулярном письме ОГПУ «Об усилении внимания к вопросам хозяйственного устройства и бытового обслуживания спецпереселенцев» от 21 июля 1931 года указывалось, что «существующие ненормальности свидетельствуют

о невнимательном отношении хозорганов к вопросам устройства и обслуживания спецпереселенцев».

Эти «ненормальности», по мнению составителей письма, состояли в необеспечении переселенцев «жилищным и бытовым устройством, снабжении продовольствием, медицинским и культурным обслуживанием». В циркуляре также обращалось внимание на «нерациональное использование хозорганизациями рабсилы из спецпереселенцев», неправомерное установление одинаковых трудовых норм для подростков, нетрудоспособных, беременных женщин и здоровых мужчин, несвоевременные выплаты зарплаты, обшчёт работающих, скученность поселенцев в переселённых бараках, отсутствие санитарных мероприятий и культурно-воспитательной работы.

Принятые спецкомендатурой Нарымского края, запоздалые, ограниченные своими ресурсами, некоторые отдельные меры по улучшению положения спецпереселенцев не решали жизненно важных вопросов и не способствовали облегчению их тяжёлого невыносимого существования.

Первой от голода и сырого климата умерла малолетняя сестра Фёкла. Шестидесятипятилетний дед Варфоломей на первых порах как мог старался поддерживать и сохранить остальных членов семьи. Будучи мастером на все руки, он некоторое время содержал большую семью подённой работой в соседней деревне, жители которой занимались в основном рыболовством и заготовкой леса. Но вскоре, не выдержав лишений и тяжёлого труда, занемог, и его тоже не стало.

После смерти деда жизнь в болотистой, малопривлекательной для жилья местности стала ещё более нестерпимой. Чтобы не умереть от голода и спасти детей, бабушка Екатерина с тёткой Федорой пошли на, казалось бы, безрассудный шаг – решили бежать через протянувшийся на тысячу вёрст болота домой, на родину. Перед по-

бегом они наказали верной соседке по бараку отвезти детей в детский приют, который находился недалеко от места поселения. В приюте были сносные условия проживания, и туда принимали всех детей, оставшихся без родителей и взрослого надзора.

Их вынужденному дерзкому опасному побегу сопутствовал немалый успех, который они всегда объясняли божьей помощью. Неграмотные женщины, имея лишь слабые представления о маршруте следования, сумели преодолеть огромное безлюдное пространство, ландшафт которого составляли обширные, непроходимые болота, кишащие невыносимым гнусом, дремучий урман с разным зверьём, многочисленные реки, протоки и другие природные препятствия.

Спустя два месяца, после тяжёлых скитаний по болотам и тайге они сумели выйти к старому Сибирскому тракту в районе г. Тары, откуда уже начинались более знакомые и обжитые места. В дороге беглецы питались преимущественно ягодой и рыбой, которую ловили в речных и озёрных протоках, и подаванием сострадательных сибиряков.

Примечательно, что по пути их следования и при возвращении домой никто из местных жителей не заявил об их бегстве властям, не осудил их поступок. Их появление даже вселило надежду многим односельчанам, что и их высланные и репрессированные родственники тоже смогут вскоре вернуться домой. Однако накануне войны в Караульное вернулись лишь из Омской тюрьмы названные выше Солнцев М.И. и Ерёмин М.С.

Оставленные на попечении соседки, Михей и его старший брат Михаил вскоре оказались в детском доме. После перенесённых испытаний и лишений жизнь в приюте показалась братьям райским уголком. Впервые их сытно кормили, одели в новую одежду, старший Михаил стал учиться в школе. Их жизни, казалось, уже ничто не угрожало. Но тоска по покинутым родным ме-

стам, оставшимся в Караульном родным и знакомым постоянно давала о себе знать, и даже обретенное внешнее благополучие не могло заглушить этот врожденный человеческий инстинкт – тягу к родному очагу.

Едва получив весть из Караульного, в котором бабушка и тетка сообщали о своём успешном возвращении в деревню и интересовались их судьбой, братья решили с открытием навигации бежать домой по Оби. Накопив сухарей на дорогу, они тайком ночью покинули спасительный приют, о котором навсегда сохранили тёплые воспоминания.

Проникнув на пришвартованную к берегу грузовую баржу, они спрятались за огромными бочками с солёной рыбой и никем не замеченные благополучно добрались до Томска, а затем продолжили своё тяжёлое, полное приключений путешествие. Соблюдая большую осторожность, не привлекая к себе внимания, постоянно путаясь в маршруте движения, малолетние подростки медленно, но неуклонно шли к заветной намеченной цели.

Путь в родные места занял у них почти полгода. Значительную часть пути они преодолели пешком, другую – «зайцами» на грузовых и пассажирских поездах, попутных телегах добрых людей. Всё это время судьба оберегала беглецов. Они сумели избежать нежелательных встреч с милицией, забравшись на багажные полки, обмануть бдительных железнодорожных кондукторов, не попасть на глаза путевым обходчикам. Питались братья в пути случайными заработками, дарами сибирской природы и милостынями сердобольных людей. Лишь поздней осенью 1935 года, после долгих тяжёлых скитаний, исхудавшие и оборванные подростки добрались до родных мест, где их уже считали погибшими.

Но возвращение на малую родину не сделало жизнь Михея и его брата Михаила счастливой. Бабушка и тетка, как раскулаченные, были лишены своего прежнего жилья и определённого статуса. Они скитались по чужим

углам, прозябали в нищете, перебиваясь случайными заработками. Детей приютили чужие добрые люди. Десятилетнего Михея взяла к себе сердобольная колхозница Федосья Петровна Жукова, мать троих малолетних детей. Взяв на себя заботу о подростке, она относилась к нему как к собственному сыну. В свою очередь, он, лишённый с раннего детства родительской ласки, отвечал ей полной взаимностью: помогал нянчить детей, управляться с домашним хозяйством, выполнял разные поручения.

Вскоре трудолюбивый и расторопный подросток пришёлся по душе и Андрею Павловичу Ракитину, который заведовал местным молочным отделением. Он приходился братом георгиевскому кавалеру Ракитину Н.П., рано умершему от полученных ран. Отзывчивый к чужой беде Андрей обучил Михея грамоте, которую любознательный подросток быстро освоил, и предложил посильную работу на небольшом колхозном предприятии. Она заключалась в сборе сливок у местных жителей после первичной переработки молока на сепараторах и поставках готовой молочной продукции на лошадях в Редковский маслодельный завод. В течение двух лет Михей выполнял эту несложную, но ответственную работу и был доволен, и очень горд за порученное ему ответственное дело.

Но однажды его, казалось, обретенному благополучию наступил конец. Один из членов правления колхоза на заседании возмутился, заявив: «Где это видано, чтобы кулацкий сынок колхозное молоко собирал?» Навязанная и культивируемая режимом классовая непримиримость к бывшим кулакам вновь возымела своё действие. Тринадцатилетнего Михея перевели на другую работу, выполнявшуюся преимущественно взрослыми людьми. Наряду со всеми колхозниками он выполнял весь объём тяжёлых, зачастую непосильных подростку сельскохозяйственных работ: пахал и боронил землю, участвовал в заготовке сена, дров, ухаживал

вал за колхозным стадом, проявляя при этом большое трудолюбие и усердие.

Особое удовольствие ему доставляла работа на лошадях, которые были основным транспортным средством и тягловой силой в довоенной деревне. К ним Михай испытывал особые чувства, и неслучайно вся его последующая послевоенная жизнь была связана с лошадьми, незаменимыми труженицами колхозной деревни. Другой страстью Михея стали охота и рыбалка, где он вскоре был отмечен как меткий стрелок и удачливый добытчик.

Войну Михай встретил в неполные семнадцать лет. Он, как и другие его сверстники, стремился защищать Родину и рвался на фронт. Но его вновь постиг непредвиденный и вероломный удар судьбы. Поздней осенью 1942 года, когда он работал на колхозном производстве, его попросила приютившая его Федосья Петровна привезти корма для домашнего скота, полову – ненужные отходы, оставшиеся от молотбы колхозной ржи. Исполнительный простодушный Михай охотно выполнил эту просьбу. Бдительный, оставшийся неизвестным колхозник незамедлительно сообщил об этом в соответствующие органы. Несмотря на незначительность проступка и невострбованность половы для колхоза, Михай был осуждён по известной статье «О трёх колосках» и направлен для отбывания в Омскую тюрьму. Но вскоре, в связи со сложившимся тяжёлым положением на фронте, тюремное заключение было заменено отправкой в штрафной батальон в воюющую Красную Армию.

На фронте Михай оказался весной 1943 года, когда война вступила в свою решающую переломную стадию. Прибывшими сибиряками укрепили позиции Брянского фронта, ставшего ареной самых ожесточённых боёв в летней кампании 1943 года. Находясь в штрафной роте, Михай быстро отличился как умелый, меткий боец и вскоре после лёгкого ранения был переведён в регулярное подразделение. Его назначили связным командира

полковой роты автоматчиков, находящейся на самых передовых рубежах. Небольшого роста, подвижный, ловкий Михай не только обеспечивал постоянное взаимодействие между командирами подразделений полка, но и вместе со всеми ходил в атаку, был в разведке, охране, выполнял другие ответственные задания.

Об его участии в тяжёлых боях за освобождение Орла, Брянска и других городов говорит орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги» и другие награды. Свою первую медаль он получил за бдительность и доблесть, проявленные при охране моста через небольшую речку, название которой он по происшествии многих лет не мог вспомнить. Немецкие диверсанты на рассвете попытались бесшумно снять часовую расчёт, чтобы овладеть стратегически важным объектом. Но Михай вовремя заметил ползущих немецких солдат и метким огнём уничтожил их.

В одном из ожесточённых сражений он получил тяжёлую осколочную рану. Об обстоятельствах своего ранения и лечения в госпитале он неоднократно охотно рассказывал нам, подросткам, с тем чтобы мы извлекли из этого во многом драматического эпизода в его жизни хороший поучительный урок.

По его словам, после окончания сражения он вместе с другими бойцами осматривал поле выигранного боя, собирал оружие, помогал санитарам выносить раненых бойцов. У одного из убитых немецких офицеров он увидел торчащие из кармана золотые часы. Никогда не видевший подобного богатства, не имевший даже обычных часов, молодой деревенский солдат, поддавшись невольному искушению, взял их себе. В тот же день, вечером осколками шального снаряда ему раздробило голень и ступню левой ноги. Живописуя подробности этого случая, дядя Михай всегда, как библейскую заповедь, повторял нам, подросткам: «Никогда не берите чужих вещей, даже с врагов, бог вас за это накажет, как наказал меня».

Тяжелораненого Михея доставили санитарным поездом в Москву, где он почти год находился на лечении в одном из столичных госпиталей. Ему повезло – он попал в руки опытному врачу Альберту Фёдоровичу Туканову, о котором до конца жизни вспоминал с большой благодарностью и теплотой. Тот не воспользовался самым распространённым способом лечения первых военных лет – оперативной ампутацией иссечённой осколками ноги, а провёл несколько сложных операций, благодаря которым был восстановлен голенной сустав и даже часть укороченной стопы. В благодарность за проявленную заботу и сохранение изуродованной ноги Михей, несмотря на протесты врача, подарил ему злополучные трофейные часы, которые всегда считал причиной своего несчастья.

В июле 1944 года Михей Кузьмич возвратился в родную деревню на костылях и с бессрочной инвалидностью. Всю оставшуюся жизнь дядя Михей сильно прихрамывал на укороченную левую ногу, отдававшую резкой болью, и носил специально сшитый по заказу ботинок.

Спустя два года после победы вернулся с фронта домой и его брат Михаил. Война пощадила его, надела лишь контузией и лёгким ранением. Радости при встрече уцелевших братьев не было предела. Оба брата вскоре женились, и у каждого возникла семья, состоящая из пяти детей.

В середине 50-х годов дяде Михею, как инвалиду, была выделена органами собеса двухместная, трёхколёсная, «одноглазая» мотоколяска производства Серпуховского завода, получившая в народе меткое название «инвалидка». Затем её сменил четырёхколёсный автомобиль – мотоколяска «моргуновка», получившая своё название по известной комедии Л. Гайдая, мало чем отличавшаяся от предыдущей машины.

Несмотря на своё техническое несовершенство, маломощность и постоянные поломки, «инвалидки» про-

служили ему почти два десятилетия. Дядя Михей часто ездил на своём транспортном средстве с сыном Александром на озеро ловить рыбу или в лес по грибы, при этом с ними всегда были ещё два-три подростка, чудом помещавшихся в кузове с откидным тентом этого диковинного создания отечественного автопрома. Лишь в конце 70-х годов он получил более комфортабельный «москвич», на котором также охотно возил всех желающих.

Инвалидность не помешала дяде Михею, как и Елене Кирьяновне, вести активный, подвижный образ жизни, быть полноценным сельским тружеником. После войны он без малого сорок лет был конюхом в колхозе, затем в совхозе, где ухаживал почти за сотней лошадей. При этом он не только добросовестно исполнял свои обязанности, но и прекрасно знал своё дело: помнил всех лошадей по именам, хорошо понимал индивидуальные особенности, нрав и повадки каждой лошади и всегда предупреждал нас, подростков, о возможных опасных выходках, исходящих от отдельных сноровистых лошадей.

Он был хорошим семьянином, вырастил и воспитал с женой Пелагеей Изотовной пятерых детей. Имея за плечами лишь начальные знания, они оба стремились дать своим детям достойное образование, воспитать в них трудолюбие и любовь к родному краю. Его сын стал агрономом в соседнем селе, одна из дочерей после окончания пединститута и школы милиции стала работать в областном управлении МВД, получила звание майора милиции, другая дочь стала учительницей начальных классов, ещё двое – квалифицированными рабочими.

Дядю Михея также можно смело назвать подлинным натуралистом и патриотом своего родного края. Он всегда бережно относился к природе, её животному и растительному миру. Будучи страстным рыболовом и охотником, он неукоснительно соблюдал установленные правила, осуждал лесных и озёрных браконьеров, называя их не иначе, как «пакостники», что было для

него самым сильным бранным словом. Лучше всех жителей деревни знал ягодные и грибные места в окрестных лесах и первым собирал щедрые дары дикой сибирской природы.

Отличительной чертой дяди Михея был живой энергетический характер, добродушие и отзывчивость к людям. В зимние вечера избушка-сторожка при конюшне нередко превращалась в своеобразный мужской клуб, где возвращавшие лошадей на конюшню мужики смолили махорку, балагурили, рассказывали интересные байки, которым мы, подростки, жадно внимали и через них приобщались к миру взрослых людей. Он был всегда душой любой компании, как взрослых, так и детей. Особенно умел находить общий язык с подростками, которые, пользуясь его расположением, постоянно пропадали на конюшне, помогали ему ухаживать за лошадьми и тем самым с раннего детства приобщались к этим самым прекрасным и надёжным труженикам и помощникам человека.

Зинин

Завершая повествование о моих родителях, близких родственниках и дорогих моему сердцу земляках, я невольно предаюсь размышлениям о их непростой, нелёгкой судьбе и их жизненном предназначении. Они не были «продуктами своей эпохи», «жертвами советского тоталитаризма», обыкновенными «совками» и простыми «винтиками», как бездумно и цинично пытаются представить первые поколения советских людей многие современные либерально настроенные общественные деятели и публицисты.

Они, безусловно, были людьми своего бурного времени, отмеченного не только трагическими событиями и негативными явлениями, но и небывалыми достижениями, свершениями и взлётом. Времени, в котором они являлись не просто послушными исполнителями большевистской партийной воли в строительстве несостоявшегося социализма, но были его активными, деятельными участниками. Будучи выразителями устремлений, присущих десяткам миллионов своих соотечественников: подлинного

гуманизма, веры и надежды в возможность существования социальной справедливости и равенства, всеобщего благоденствия и братства людей, они искренне пытались воплотить свои чаяния и несбыточные мечты в реальную действительность.

Несмотря на все выпавшие на их долю, суровые испытания: кровопролитные войны, социальные потрясения, вызванные ими тяжёлые страдания и лишения, потери близких людей, государственное насилие, наши дорогие предшественники сохранили свои лучшие врождённые и приобретённые ими черты и качества: глубокую человечность, способность к сопротивлению внешним врагам и внутреннему давлению, стойкость в преодолении выпавших на их долю всех жизненных невзгод и трудностей.

Своим жертвенным созидательным трудом, ратными и другими достижениями, и делами они искренне стремились создать для детей и внуков новое, более совершенное гуманистическое общество и видели в этом смысл своего существования и жизнедеятельности.

В то же время нельзя не признать, что их самоотверженная, во многом подвижническая деятельность, глубоко выстраданные идеалы, ценности и представления оказались во многом забытыми и не востребованными в радикально изменившейся стране и обществе, которые, круто сменив вектор своего развития, до сих пор находятся в мучительном, затянувшемся поиске новых ориентиров и ценностей.

Не принимать и не понимать значимости вклада предшествующих поколений, пренебрегать им, предавать забвению их созидательный смыслообразующий жизненный путь и человеческий опыт общения – значит обрекать себя вновь на историческое беспамятство и тем самым на вечное хождение по замкнутому кругу, в котором нет развития и движения вперёд.

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Новосибирской области.
2. Государственный архив Тюменской области (Тобольский филиал).
3. Информационный центр при Управлении МВД по Новосибирской области.
4. Исторический архив Омской области. – Ф. 1374. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–3.
5. Центр документации новейшей истории Омской области. – Ф. 1853. Оп. 1. Д. 114. Л. 4; Ф. 18. Оп. 2. Д. 16. Л. 337–338; Ф. 17. Оп. 8. Д. 1360. Л. 1–2.

1. Аверченко, С.В. Парад Победы в Харбине 16 сентября 1945 года / С.В. Аверченко // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 11.
2. Андреев, В.П. Спецпереселенцы и хозяйственное освоение Среднего Приобья в 30-е гг. XX в. / В.П. Андреев, В.А. Демешкин // Американские исследования в Сибири. Вып. 2. Американский и сибирский фронт: Материалы междунар. науч. конф. 4–6 октября 1996. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1997. – С. 60–65.
3. Белобородов, А.П. Прорыв на Харбин / А.П. Белобородов. – М.: Воениздат, 1982. – 310 с.
4. Дацышен, В. Парад Победы в Харбине / В. Дацышен // Родина. – 2015. – № 8. – С. 116–117.
5. Забвению не подлежит: Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. Том 4. – Омск: Омское книжное издательство, 2001. – 448 с.
6. Ильиных, В.А. Сельское хозяйство Сибири в XX в.: динамика отраслевой структуры / В.А. Ильиных // Сибирская деревня: проблемы истории: Сб. науч. трудов. Вып. 8. – Новосибирск, 2015. – С. 214–352.
7. Ильиных, В.А. Сибирское крестьянство в 1930-е гг.: социальная мобильность, стратификация / В.А. Ильиных // Сибирская деревня: проблемы истории: Сб. науч. трудов. Вып. 3. – Новосибирск, 2015. – С. 20–39.
8. Каменецкий, И.П. Борьба с голодом в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. и её последствия / И.П. Каменецкий // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России XVII–XX вв. – Новосибирск, 2015. – С. 172–202.8.
9. Каменецкий, П.Е. Воспоминания целинника / П.Е. Каменецкий // Искра (Называевск). – 1994. – № 32. – С. 3.
10. Книга Памяти. Том 5. Называевский, Крутинский районы. – Омск: Омское книжное издательство, 1995. – 462 с.
11. Котенев, А.Я. На забайкальском фронте: Документальные повести, очерки / А.Я. Котенев. – М.: ДОСААФ, 1985. – 239 с.
12. Кротт, И.И. Развитие скотоводства в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в 1890–1920 гг.: новые знания и технологические инновации / И.И. Кротт // Сибирская деревня: проблемы истории: Сб. науч. тр. Вып. 3. – Новосибирск, 2015. – С. 20–39.
13. Культурное наследие Хабаровского края: сайт. – Режим доступа: khabkrai-nasledie.ru.
14. Курышев, И.В. О красном бандитизме в Приишимье (1920–1921 гг) / И.В. Курышев // Западносибирское краеведение.. Научно-информативный сборник. – Ишим: изд. ИГПИ, 1997. – С. 120–125.
15. Макаров, А. Родимая глушь / А. Макаров // Сибирские огни. – 2015. – № 1. – С. 147–160; № 2. – С. 166–177.
16. Папков, С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири / С.А. Папков. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2012. – 440 с.
17. Пастернак, Г.Н. «На сопках Маньчжурии» (из солдатских воспоминаний) / Г.Н. Пастернак // «Мы шли навстречу ветру и судьбе ...». Воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны. – М., 2009. – С. 212.
18. Пегов, Н.М. Далёкое – близкое. Воспоминания / Н.М. Пегов. – М.: Политиздат, 1982. – 223 с.
19. Рокоссовский, К.К. Солдатский долг / К.К. Рокоссовский. – М.: Воениздат, 1972. – 422 с.
20. Рудакова, И.Ф. Природно-климатические и хозяйственные

- условия географии расселения спецпереселенцев в Нарымском крае / И.Ф. Рудакова // Вестник ТГУ. Серия: История. – 2009. – № 4. – С. 78–84.
21. Самосудов, В.М. Большой террор в Омском Прииртышье (1937–1939 гг.) / В.М. Самосудов. – Омск, 1988.
22. Сибирская Вандея. Сборник документов. В 2-х томах / составитель В.И. Шишкин. – Том второй. 1920–1921. – Новосибирск: Наука, 2001. – 774 с.
23. Смирнов, А. Маньчжурский орешек / А. Смирнов // Родина. – 2020. – № 8. – С. 10–15.
24. Совет ветеранов центрального аппарата ОВД: сайт. – Режим доступа veteran.caovd.ru.
25. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. / сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова и др. – Новосибирск, 1993.
26. Третьяков, Н.Г. Западносибирское восстание 1921 года: дисс. ... канд. ист. наук / Н.Г. Третьяков. – Новосибирск, 1994. – 317 с.
27. Шангин, М.С. Ни креста, ни камня. Роман / М.С. Шангин. – Омск: Издательский центр «Диалог-Сибирь», 1997. – 480 с.
28. Шишкин, В.И. За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. Сборник документов / В.И. Шишкин. – Новосибирск, 2000. – 450 с.
29. Шишкин, В.И. К характеристике антикоммунистического повстанческого движения в Тобольском уезде в феврале – мае 1921 г. / В.И. Шишкин // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: материалы II Всерос. конф. – Новосибирск, 2014. – С. 74–79.
30. Шмаков, В.С. Инновационные процессы в сибирском селе 1990-е – начало 2000-х гг. / В.С. Шмаков // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: материалы II Всерос. конф. – Новосибирск, 2014. – С. 118–122.
31. Эспер, И.М. Рыжково и лютеранская церковь: первое лютеранское поселение в Сибири / И.М. Эспер, С.С. Сярг. – Гийоль, 2014. – 389 с.

Вступление	7
Переселение в Сибирь	9
Между красными и белыми. Крестьянский мятеж	15
«Либеральное отношение к кулакам...»	25
Детские и «недетские» годы моего отца	35
Учёба в ФЗО. Иркутские пряники	65
Война моего отца	75
Парад Победы в Харбине	81
Отпуск на родину. Послевоенная деревня	99
Возвращение домой. Целина	113
Новые назначения	131
Отец как руководитель	143
Наша мама и её семья	167
Последние годы. Яблоки для внуков	181
Дед Павел, дядя Коля, баба Катя и другие	195
Брат Николай	205
Тётя Катя	211
Иван Неустроев	213
Георгий	217
Тётя Федосья	218
Тётя Нина	224
Тётя Елена	229
Михей Кузьмич	237
Эпилог	299
Источники	301
Литература	302

И.П. Каменецкий

яблоки для внуков

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Художник книги: Иван Лукьянов
КОРРЕКТУРА: АНАСТАСИЯ ПОРОШИНА

ТРОБФ «ВОЗРОЖДЕНИЕ ТОБОЛЬСКА»
626152, Россия, Тюменская область,
Тобольск, ул. Свердлова, дом 34/1.
Тел./факс: (3456)24-67-50
e-mail: elfimov_fond@mail.ru
www.tobolsk.org

Гарнитура: CALIBRI
Подписано к печати 15.01.2021
Формат издания 60 x 90/16.
Тираж: 500 экз.

ОТПЕЧАТАНО В РОССИИ.

АО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева 13
Тел. 343) 221-29-17
E-mail: sales@uralprint.ru
В оформлении книги использованы
фотографии и плакаты
из открытых источников